

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXVII • 2024 • № 3

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Номер подготовлен
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан (проект
№ 23-28-10046) в соответствии
с Программой стратегического
академического лидерства
Казанского (Приволжского)
федерального университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/ambb-3d27-kev9

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVII • 2024 • № 3

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 300-летию Российской академии наук

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 11.09.2024

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2024

© Коллектив авторов, 2024

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Э. Гансүх.** Монгол данжуур сударт буй тэнгэр, газрын орны язгуурт морийг шинжин таних, дүрслэлийг тодорхойлох нь 5
- Т. Д. Скрынникова.** Орда-Эджен — верховный правитель улуса Джучи 15
- М. В. Федорова.** Коллекции Ц. Ж. Жамцарано в собрании Российского этнографического музея 21

ФИЛОЛОГИЯ

- К. В. Алексеев.** О двух версиях «Артхавистара-сутры» в монгольском Ганджуре..... 35
- И. А. Алимов.** «Дун цзин мэн хуа лу»: предисловие 44

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

- Лю Лицю, Рамиль М. Валеев, Рафаэль М. Валеев, Р. З. Валеева, С. А. Кириллина.** Неопубликованные письма В. А. Гордлевского академику В. В. Бартольду 1910–1920-х годов из фонда СПбФ АРАН..... 50
- А. Мандирмаа.** Монголоведение в восточном институте: некоторые архивные документы 64

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Е. В. Асалханова.** I Международный российско-монгольский пленэр «Рисунок на Ононе» 73
- К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Х. Дамдинсурэн.** «Дорогами Н. К. Рериха»: экспедиция Санкт-петербургской академии художеств имени Ильи Репина в Монголию (продолжение) 82

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е. В. Асалханова.** Межрегиональная научно-практическая конференция «Бурятский героический эпос „Гэсэр“. Из прошлого в будущее» (п. Усть-Ордынский, Иркутская область, 17 мая 2024 г.) 104
- Т. В. Ермакова.** Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований–16» (Санкт-Петербург, 25 марта 2024 г.) 114

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVII • 2024 • No. 2

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

IN THIS ISSUE:

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDIES. HISTORY

- Enkhtaivany Gansukh.** Characteristics and Descriptions of Sky and Land-derived Horses in Danjuur Sutra..... 5
- Tatiana D. Skrynnikova.** Orda-Ejen — the Supreme Ruler of Juchi Ulus 15
- Marina V. Fedorova.** Collections of Tsyben Zhamtsarano in the Russian Museum of Ethnography 21

STUDIES IN PHILOLOGY

- Kirill V. Alekseev.** On the Two Versions of the Arthavistara-Sūtra in the Mongolian Kanjur 35
- Igor A. Alimov.** «Dong Jing Meng Hua Lu»: Preface..... 44

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

- Liqiu Liu, Ramil M. Valeev, Rafael M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Svetlana A. Kirillina.** Letters of V. A. Gordlevsky to Academician V. V. Bartold in the 1910–1920s From the Funds of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences..... 50
- Agvaantseren Mandirmaa.** Mongolian Studies at the Oriental Institute: Some Archival Documents..... 64

RELATED DISCIPLINES

- E. V. Asalkhanova.** I International Russian-Mongolian Plein Air “Drawing on Onon” 73
- Konstantin A. Beketov, Natalya K. Beketova, Kh. Damdinsuren.** “The roads of N. K. Roerich”: the expedition of St. Petersburg Ilya Repin Academy of arts to Mongolia (continuation)..... 82

REVIEWS

- Ekaterina V. Asalkhanova.** Interregional Academic and Practical Conference “Buryat Heroic Epic ‘Geser’. From the Past to the Future” (Ust-Ordynsky Settlement, Irkutsk Oblast, May 17, 2024) 104
- Tatiana V. Ermakova.** The 16 th Conference “Current Issues of Buddhological and Indological Studies” (St. Petersburg, March 25, 2024)..... 114

Энхтайваны Гансүх
Монгол Улсын Соёл урлагийн их сургууль

МОНГОЛ ДАНЖУУР СУДАРТ БУЙ ТЭНГЭР, ГАЗРЫН ОРНЫ ЯЗГУУРТ МОРИЙГ ШИНЖИН ТАНИХ, ДҮРСЛЭЛИЙГ ТО- ДОРХОЙЛОХ НЬ

Нэн эртнээс эхлээд эдүгээ цаг үед олон сайхан бүтээлд монгол морины дүр дүрс олонтоо таардаг билээ. Монгол морьдын хөдөлгөөн, ааш зан, зүс, галбир төрхийн дүрсүүдийг сегментчлэх аргаар ангилах хэрэгтэй байна. Судлаач бидний хувьд эхлээд морины галбир төрхийг 3 ангилах боломжтой хэмээн үзлээ. Бидний илрүүлсэн монгол бичгээр бичигдсэн 30 гаруй судар сурвалжийн нэг болох “Монгол Даанжуур”-ын 219-р ботийн “Морины насны шастир” хэмээх судрын эх сурвалжид тулгуурлан семиотикийн арга зүйгээр “Тэнгэрийн орны морь”, “Газрын орны морь”, “Хан язгуурт хүлэг”, “Ноёлог язгуурт хүлэг” хэмээх орон, язгуур-ын хүлэг морийг ямар дүрстэй байх талаар дурдсан судалгааг хийлээ. Мөн “Тэнгэрийн орны морь”, “Газрын орны морь”-той холбоо үгээр олонтоо таарах яг энэ гээгүй ч “Завсрын орны морь” байж болох юм хэмээн үзэж дүрсэлсэн болно. Сурвалжид дурдсан үгийн давтамжийг түүвэрлэн, монгол бичгийг галиглан бичиж, мөн орчин цагийн монгол хэлэнд хөрвүүлэн судалгаандаа ашиглав. Мөн “Тэнгэрийн орны морь, Хан язгуурт хүлэг”, “Газрын орны морь, Ноёлог язгуурт хүлэг”-ийн ааш зан болох хатирч явахад үзүүлэх хөдөлгөөнийг дүрсэлсэн болно. Морины зураг дүрслэлийг ерөнхий хэлбэр төрхөөр нь “Тэнгэрийн орны морь”, “Газрын орны морь”, “Завсрын орны морь” хэмээн 3 ангилах боломжтой гэж үзэж байна.

Түлхүүр үг: Монгол морины язгуур, Морины насны шастир, Данжуур 219-р боть, Тэнгэрийн орны морь, Газрын орны морь

Зохиолчийн тухай: Энхтайваны Гансүх, докторант, Монгол Улсын Соёл урлагийн их сургууль (Монгол Улс, Улаанбаатар) (gansukh24@yahoo.com).

© Гансүх Э., 2024

Монголын дүрслэх урлаг, дизайны бүтээлүүдэд монгол морины олон янзын дүр дүрслэл олонтоо таардаг ч шинжлэх ухааны үндэслэлтэйгээр ямар нэгэн ангилалд оруулж судлаагүй байна. Цаашид бид бүхэн монгол морины дүр дүрслэлийг ангилахын тулд эрт үеийн түүх, олон судар сурвалжийг судлан үзэх шаардлагатай бөгөөд энэхүү өгүүлэлдээ зөвхөн нэг л сударт хийсэн судалгааны үр дүнг танилцуулж байна.

Монгол данжуур сударт буй тэнгэр, газрын орны язгуурт морийг шинжин таних, дүрслэлийг семиотикийн арга зүйгээр тодорхойлсон болно. Сурвалжид дурдсан үгийн давтамжийг түүвэрлэн монгол бичгийг галиглан бичиж, судалгаандаа ашиглалаа.

Монгол адуу нь морины шинжийн эртний сударт 100 гаруй жишил шинж төрхийг үзүүл-

дэг. Ер нь морины шинжийн судруудыг нэгтгэн эмхэтгэхэд орон, язгуур, махбод, чанарын ялгаг, жишил шинжийг таних арга билгийг монголчууд эрт үед зохиосон бололтой.

Монголчууд “Хүннү” гүрний үед эрийн 3 наадам хийж байсан түүх ч бий. Энэ л үеэс хурдан морины шинжийн нууц судар амнаас аманд дамжсаар бидэнд ирсэн байх.

“Монгол Даанжуур”-ын “Морины насны шастир” хэмээх сударт дурдсан “Тэнгэр, газрын орны морины тухай сурвалж дотор хэд хэдэн газар завсрын орны тухай гарсан билээ. Энэ нь “Тэнгэрийн орны морь”-ны ерөнхий хэлбэр галбир нь толгой дээр тэнгэрийн хаяа харах мэт, хөлөө жийн зогсох, нимгэн арьстай, дэл сүүл шингэн, хөнгөн явалтайгаар сурвалжид дурдагдсан. “Газрын орны морь” нь толгойгоороо газар шагайн, 4 хөлөө хумин зог-

сох хэмээсэн байдаг. Тэгэхээр “Завсрын орны морь”-ны толгой нь дээр ч биш мөн доор ч биш яг л завсраар нь буюу мундаа, хондлойн өндөртэй тэгш хэмд толгой байрлан, 4 хөл тэгш жигд зогсох буй заа [МДСҮ: 14а].

“Ганжуур”-ын тайлбар “Данжуур” 225 боть их хөлгөн судар товч тайлбар: “Монгол Даанжуур”¹-ын 219-р ботид “МОРИНЫ НАСНЫ ШАСТИР” хэмээх судар буй. Энэ судар нь монгол бичгээр, шунхан бараар барласан судар юм. Энэ зохиол нь 8 ангитай бөгөөд анги тус бүр олон бүлэгтэй. Энэ судрыг Шалихотра гэгч \судрын зохиогч цаст²-ын умард зүгийн оронд сууж байсан цагт зохиов гэж бичсэн байна.

“Насны шастир”-ын анхны орон буюу 1-р ангиас бусад 7 анги нь адууны өвчнийг эмчлэх тухай байна. Энэ шастирын гарчиг нь “Морины шастир гарсан ёсыг үзүүлсэн 1-р бүлэг”, “Шавийг судлах хэмээгдэх 2-р бүлэг”, “Магад үгсийн хэмээгдэх 3-р бүлэг”,

¹ “Данжуур” гэдэг нь “Шастирын орчуулга” гэсэн төвд үг юм. Энэ нь эртний Энэтхэг, Төвөдийн эрдэмтэн бандида нарын их, бага арван ухааны орноор (Их таван ухаан: дотоод ухаан, урлахуй ухаан, учир шалтгааны ухаан, тэжээхүй ухаан, дуун ухаан. Бага таван ухаан: зурхай, зохист аялгуу, илт өгүүлэхүй, эвсүүлэн найруулахуй, дуурайн бүжиг) туурвисан 3400 гаруй зохиолыг эмхэтгэсэн том цоморлог болно.

“Данжуур”-г багтах их бага таван ухааны зохиолоос Төвөдийн хэлэнд IX зууны үеэс орчуулж эхлээд, XIV зууны үед тусгай цоморлог болгожээ. “Данжуур”-ын ном зохиолоос Монголчууд XIV зууны эхэн үеэс орчуулж, тайлбар судалгаа хийж байжээ.

Гэвч “Даанжуур”-ыг бүхэлд нь орчуулж хэвлэх ажлыг ХҮШ зууны тэргүүн хагаст Жанжаа хутагт Ролбийдоржийн удирдлагаар Монголын олон нутаг хошуунаас цугларсан 200 гаруй орчуулагч нар богино хугацаанд амжилттай хийж гүйцэтгэсэн юм.

“Данжуур”-ыг чухам орчуулж хэвлэх ажил 1742–1749 оны орчим хийсэн боловч, түүний бэлтгэл нэлээд өмнө эхэлсэн билээ. 1724 онд Данжуур-ыг орчуулах хааны зарлиг гарсан жилээс монголын олон хошуу нутгаас орчуулагч, барчин зэрэг хэвлэл, уран зохиолын хамаа бүхий хүмүүсийг зарлан цуглуулсан ажээ. Орчуулагч нарт аливаа ухааны нэр томъёог нэг мөр болгон орчуулахад хялбар дөхмийг бодож “Мэргэд гарахын орон” Төвд Монгол толь бичгийг 1748 онд хэвлэн гаргасан байна. “Данжуур”-ыг орчуулахад энэ мэт бэлтгэл ажлыг сайтар базаасны хүчинд уг зохиолыг цөөн жилийх дотор амжилттай орчуулж дуусгажээ [Чоймаа, 2017. Х. 284–289].

² Нэрт эрдэмтэн, доктор Х. Лувсанбалдан нь “Цастын орон гэдэг нь бол төвд орон бүгд түүнээс хойш орших нүүдэлчин Монголчууд дотор одоо зохиогдсон байж болзошгүй” хэмээн өгүүлжээ [Лувсанбалдан, 1989. Х. 4].

“Морины гарсан ёсон хэмээгдэх 4-р бүлэг”, “Умайд тогтох хэмээгдэх 5-р бүлэг”, “Морины чанарын 6-р бүлэг”, “Морины төрөл орны 7-р бүлэг”, “Морины 4 язгуурын 8-р бүлэг”, “Бэлгэ чанар 9-р бүлэг”, “Ухуулагдахууныг (эрхтнийг) номлосон 10-р бүлэг”, Хэмжээг үлэхийн (хэмжихийн) 11-р бүлэг”, “Арван гишүүний хувь ялгалын 12-р бүлэг”, “Гоо хийгээд гоо бусыг сайтар ялгахын 13-р бүлэг”, “Хэмжээний 14-р бүлэг”, “Идээний найрлын 15-р бүлэг”, “Үзэсгэлэнгийн 16-р бүлэг”, “Бэлгийн 17-р бүлэг”, “Өнгийг мэдэн үйлдэхийн 18-р бүлэг”, “Халзан хийгээд сарыг шинжлэхийн 19-р бүлэг”, “Цоохрын сайн мууг шинжлэхийн 20-р бүлэг”, “Загал өнгийн ялгал хэмээх 21-р бүлэг”, “Хааны хүлэглэх морины бэлгэ чанарын 22-р бүлэг”, “Холимгийн 23-р бүлэг”, “Нүд шинжлэхийн 24-р бүлэг”, “Шүд шинжлэхийн 25-р бүлэг”, “Эргүүлгийн 26-р бүлэг”, “Насны хэмжээ шинжлэх 27-р бүлэг”, “Нас мэдэн үйлдэхийн 28-р бүлэг”, “Үнэрийг шинжлэхийн 29-р бүлэг”, “Цууриа шинжлэхийн 30-р бүлэг”, “Алхдалын сайн мууг мэдэх 31-р бүлэг”, “Бие өсөхийн 32-р бүлэг”, “Гүйдэл шинжлэхийн 33-р бүлэг”, “Сортыг шинжлэхийн 34-р бүлэг”, “Их гэмийг шинжлэхийн 35-р бүлэг”, “Баатар хүчнийг шинжлэхийн 36-р бүлэг”, “Сүр жавхлан шинжлэхийн 37-р бүлэг”, “Язгуур шинжлэхийн 38-р бүлэг”, “Дахлай хэмээхийн 39-р бүлэг”, “Худалдаж авахыг шинжлэх 40-р бүлэг” хэмээх 40 бүлэгт хуваан зохигдсон [Лувсанбалдан, 1989. Х. 6, 7].

“МОРИНЫ НАСНЫ ШАСТИР” хэмээх судрын 32-р бүлэгт “Орноос, язгуураар шинжлэх” хэмээх тусгайлсан хэсэг байдаг. “МОРИНЫ НАСНЫ ШАСТИР” хэмээх сударт хамаарал бүхий морь, хүлэг, хөлөг, тэнгэр, тэнгэрийн орон, газар, газрын орон, язгуур, жигүүртэн, шувуу, гөрөөсөн, араатан, арслан хэмээх үгийг давтамжийн аргачлалаар илрүүлэхэд морь 177, хүлэг 22, хөлөг 21, тэнгэр 101, газар 55, язгуур 107, жигүүртэн 2, шувуу 30, гөрөөсөн 7, арслан 10 гэсэн илэрц байна. Иймд үгийн давтамж, сонгомол эхийн тайлал зэргээс харахад хамгийн олон илэрсэн үг болох “Тэнгэрийн орны морь”, “Газрын орны морь” гэсэн холбоо үгийг тэргүүн бүлэг хэмээн үзнэ.

“Хан³ язгуурт” нь бол бусад сударт буй “Шувуун язгуурт хүлэг”, “Ноёлог⁴ язгуурт” нь “Араатан язгуурт хүлэг” хэмээн дундад үеийн монголын судар сурвалжид давтагдаж байна. Монголд хурдан морины тухай бичигдсэн олон судар байдаг. “Хурдан морины шинж”, “Нууцаас нууц, далдаас далдын шулуун журамт”, “Дээд богдын хүлэг морин эрдэнийн шинж хийгээд эрхт бурхны хүлэг болсон эр сайн хүний хүслийг хангагч эрдэнэт 11 морины шинж ба жич бас морины шинж заслын бичиг сэлт хамт оршвой” гэх мэт олон их сурвалж буй. Бид энэ удаа зөвхөн “Монгол Даанжуур”-ын 219-р ботийн “МОРИНЫ НАСНЫ ШАСТИР” хэмээх сударт дурдсан “Тэнгэр, Газар, Хан, Ноёлог” хэмээх орон, язгуурын хүлэг морийг ямар дүртэй байх талаар дурдсан судалгааг хийлээ.

1. Тэнгэрийн орны морь нь: Энэ орны морийг олон судар сурвалжид дурдсанаар харахад “сэтгэл бээр амь баригчийн хийг хөдөлгөн бие махбодын тэргүүтэй олон үйл хөдөлгөөнийг удирдах мэт” гэх нь хүний сэтгэл “хийморь”-ийг сэргээдэг гэжээ.

11а. “*tegri-yin orun-dur törükü boluyu, öglige ögtegsen morin çu, amitan-u degedü bolqu bui*”. Тэнгэрийн оронд төрөх больюу, өглөг өгтсөн морь ч, амьтны дээд болох буй хэмээх нь ихэнхдээ шашны талаас тайлбар их байдаг ч үнэндээ энэ нь сайн эр хүний хүслийг хангагч эрдэнэт хүлэг эргэн төрөх тухай юм.

67а. “*Aliba ulaхан önggetü morin-u köl köke, sir-a çахан kiged qar-a, esebesü dorur-a köke ba sir-a kiged ulaхан ba çахан kiged qar-a qoyar öngge buyu rurban ba dörben öngge ba öngge-yin orum bui arсан, tegri-yin morin tere metü bolumu...*” Аливаа улаан өнгөт морь⁵-ны хөл хөх, шар, цагаан хийгээд хар. Эсвээс доор хөх ба шар хийгээд улаан ба цагаан хийгээд хар хоёр өнгө буюу гурван ба дөрвөн өнгө ба өнгийн ором буй агсан. Тэнгэрийн морин тэр мэт болмуй... Энэ нь нэг моринд 3-аас дээш өнгө орсон тухай бөгөөд их биеийн өнгө (зүс) улаан гэх нь хээр зүс, магадгүй улаан өнгөний бэлгэдэл, мөн “дарангуйлал, түрэмгийлэл, уур хилэнтэй гэх мэ-

³ хан I. ~ гарди.

⁴ ноёлог ~ ноёрхуу зан.

⁵ Улаан өнгөт морь нь зэсэн улаан өнгө буюу зээрд, хээр зүс болой.

тээр араншинг бэлгэдэх нь ч бий. Тэнгэрийн морин тэр мэт болмуй хэмээжээ.

69б. “*Alimad busud bügüde ügei boluxad, orui anu batu-yin arban-luxa tegülдер qaxan-u kölgendiür jokistu ma-a li ke - luxa adali nidütü masi çaxan tosulirönggetü tegün-I sir-a tegri-yin morin kemeyü. qaxan tegün-tür kölgelebesü rajar tegri-yi erke-ber bolxyu...*” Алимад⁶ бусад бүгд үгүй болоод орой нь батын арав лугаа төгөлдөр хааны хүлгэн зохист Ма А Ли Хэ лугаа адил нүдэт маш цагаан тослог өнгөт түүнийг шар тэнгэрийн морь хэмээюү. Хаан түүнд хөлөглөвөөс газар тэнгэрийг эрхээр болгоюу.

Шувуу буюу хан язгуурт: хүлэг нь шувуу жиргэх мэт дуутай, толгой дээгүүр явдалтай, арьсан нимгэн, хойд 2 хөлөө жийж сайтар гишгэн зогсдог.

30б. “*Qan ijagur kiling-ün yosu-tu böged, esru-a-yin öngge tegulder kemen medegdeküi, törülki qorça boluxad baratur ba durjiginatala ingçaxaqu ba mörü inu beki boluxad yeke baratur, törülkin arixun boluxad yabudal çu sayiqan tegülдер ba gesigün delgegüi boluxad arisun nimgen, yabudal arixun boluxad nomuqan ba ayultan-aca üli ayuxçi, usun kiged gal ba luu-yin darun kiged yeke darun darurisgaqui-dur unaqu ba qalarun serigün-e kürelçeküi ba serigün rajar modun-u oi sirui ba qola yabuqu ba qabçal jam alimad-aça ulu ayuqu. Yeke jaxan-u çixulxan ba qongq-a kögim-ün darun-nuxud ba jokilduqui darun xarqui ba busu morin ingçaxaqu ba labai kiged yeke gegürge-yin darun ba kögim-ün darun kiged morazi-yin darun, sigür ba dhobaja-yin banjid-aça üli örgөгçi degedü morin bui. Del segul-iyen sayitur songxaju, bayasqui sedkilyer ingçaxaqu ba qoyar köl-I rajar deger-e sayitur giskigeger kü ingçaxaqu...*” Хан язгуур хилэнгийн ёст бөгөөд эсрүвагийн өнгө төгөлдөр хэмээн мэдэгдэхүй төрөлх хорч болоод баатар ба дуржигнатал янцгаах ба мөр нь бэх болоод их баатар төрөлх ариун болоод явдал ч сайхан төгөлдөр ба гишүүн дэлгүү болоод арьсан нимгэн, явдал ариун болоод номхон ба аюултнаас үл айгч усан хийгээд гал ба луугийн дуун хийгээд их дуун дуурсахуйд унах ба халуун сэрүүн хүрэлцэхүй ба сэрүүн газар модны ой шугуй ба хол явах ба хавцал зам алимадаас үл айх их зааны чуулган

⁶ Алимад ~ аль, аливаа.

ба хонх хөгжмийн дуунууд ба зохилдохуй дуун гархуй ба бус морин янцгаах ба лавай хийгээд их хөөргийн дуун ба хөгжмийн дуун хийгээд моразын дуун шүүр ба джобагийн банжидаас үл өргөгч дээд морин буй. Дэл сүүлээ сайтар сонгож баясахуй сэтгэлээр янцгаах ба хоёр хөлийг газар дээр сайтар гишгэсээр хө янцгаах...

31a. *“sungraju uqurqu ba ečüs-I küčütei-ber uqurqu ba busu morin-I jaruqu kiged baiyildurandur mori-tu kiged jaxan-tu ba terge-tü yabaxan dörben ayimax čerig-I darugči ba darui-dur jögelen darun-iyar qotala жүг түгемел ингчаааqu ba busu morin nurud tegün-ü yabudal-dur ülü dasumui. Mese-dür qatqurdabacu ebečün öčüken boluxad mesen-I üjebesu ülü ayuqu, yabudal türgen boluxad bagatur ba bayilduqui čag-tur cinadus-I türgen-e daruči, nidün inücindamani metü sir-a, sayin öngge-tü oyun tegülder tegünčilen qurdun ba sidurru boluxad sintaral-ugei yeke küčütü, nasuda qamuxüyiles-I čidarči ba nasuda seremjitu nisvanis ügei, buyan üyiledkui čečeg tosun-u ür-e tegüsügsen ünür bui boluxad tegri kiged gandariyin baratur küčütü, tegün-lüge adali yabudal visai tegülder, buyan-tu boluxad maxad yabudal-tu morin tegün-I qan ijaxur-tu kemen medegdeküi...”* Сунгаж ухрах ба, эцсийг хүчтэйгээр ухрах ба, бус морийг зуух хийгээд, байлдаанд морьт хийгээд, заант ба, тэргэт завхан дөрвөн аймаг цэргийг дарагч ба, даруйд зөөлөн дуугаар хотол зүг түгээмэл янцгаах ба бус моринууд түүний явдалд үл дасмуй, мэсэнд хатгагдавч өвчин өчүүхэн болоод, мэсийг үзвээс үл айх, явдал түргэн болоод баатар ба, байлдхуй цагт чагтасыг түргэнээ дарагч, нүд нь чандмань мэт шар, сайн өнгөт оюун төгөлдөр түүнчлэн хурдан ба, шудраг болоод шантрал үгүй их хүчит, насад хамаг үйлсийг чадагч ба, насад сэрэмжит нисваанис үгүй, буян үйлдэхүй цэцэг тосны үр төгссөн нуур буй болоод, тэнгэр хийгээд гадрын баатар хүчит, түүнтэй адил явдал жишээ төгөлдөр, буянт болоод магад явдалт, морь түүнийг хан язгуурт хэмээн мэдэгдэхүй...

Нар, сар мэт тодорхой буй. Арслан харайсан мэт, цээж сайн, урд хөл урт, толгой өндөр, хамар их, хошуу чимх мэт шулуун, нуруу шулуун ирмэгтэй хурц, зөөлөн амтай мөн шувуу буюу хан язгуурт хүлгийн дэл сүүл шингэн, арьсан нимгэн, хойд 2 хөлөө жийж сайтар гишгэн зог-

сох зэрэг нь энэ орон, язгуур нэг буй [МДСҮ: 306]. Тэнгэрийн орны морь нь ус, усан махбодын талаар их дурдагдаж байгаа нь монголын олон сурвалжтай адил бичигдсэн байна. (Зураг 1.)

2. Газрын орны морь: Энэ орны морийг данжуурт *“Цастын орноос умард зүгт, түүнд алимад төрсөн элдэв зүйл, гарахуйн орноос болсон, дээд явдал лугаа хэмээюү”* Энэ цастын орноос умард гэдэг нь Төвөдөөс хойш тал нутагт төрсөн унага нь хамгийн хурдан морийг хэлнэ хэмээсэн бололтой.

14a. *“erte čax-tur morin-i qubilxarsan-iyar, tegünčilen xajar tegri-e yubuqu kiged, gegen javsar xajar door-a yubuqu kiged, ulu yabuqun alimad ba, ab ali amitan-nurud, tedeger бүгүде-yi ilete qubilxarsan bolai...”* Эрт цагт морийг хувилгаснаар, түүнчлэн газар тэнгэрт явах хийгээд, гэгээн завсар газар доор явах хийгээд, үл явах алимад ба, ав аль амьтан нугууд, тэдгээр бүгдийг илт хувилгасан болой...

94b. *“alimad nasuda xajar qaraxči-yi anu бүкүгер toluxai-tu kemene, tasixur oruxulbasu axurlaqui ber...”* Алимад насад газар харагчийг нь бүхээр толгойт хэмээнэ, ташуур оруулбаас уурлахуй бээр... хэмээх нь газар харагч гэдэг нь хүзүү дор духайж зогсох мөн ташуурдахад лазандуу, хошуугаараа газар хүрэх мэт явдаг тухай дурджээ.

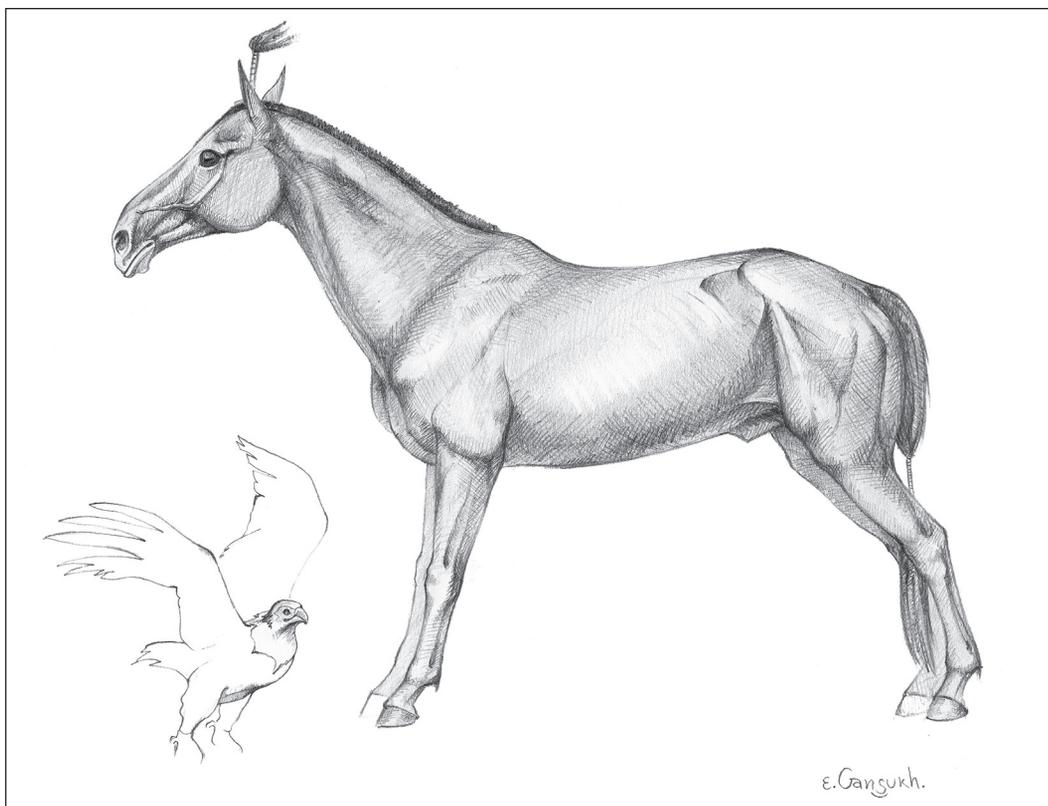
95a. *“čike-ben solbin axulugci, tegün-I tegsi busu čiketü kemeyü”* Чихээ солбин агуулагч⁷, түүнийг тэгш бус чихт хэмээюү. Энэ нь эзнээ хараад чихээ солбих, магадгүй хулмайн зогсох тухай дүрсэлсэн бололтой.

95a. *“Tasigur terigüten nigen-iyer ču ebedkel-ügei tasixurdaqui-dur ber axurlan uridu qoyar kol-iyer gajar maltaxči kemen nomlajuqui. axurlaxsan-iyar sidü-ben qabiruxči-yi sidiün-iyen qabiruxči kemen nomlabai...”* Ташуур тэргүүтэн нэгнээр ч өвтгөлгүй ташуурдахуйд бээр уурлан урд хоёр хөлөөр газар малтагч хэмээн номложухуй⁸. Уурласнаар шүдээ хавирагчийг шүдээ хавирагч хэмээн номловой...

Араатан буюу ноёлог язгуурт: Хүлэг эртний зарим сударт харгам сайтай гэсэн байдаг. Энэ нь харгам овоо буюу олон ясны уулзах юм.

⁷ Агуулагч ~ агуулах үйлийн эзэн.

⁸ Номложухуй~номыг сэнхрүүлэн мэдүүлэх, учир чанарыг ухуулан сургах.

Зураг 1. Тэнгэрийн орны морь

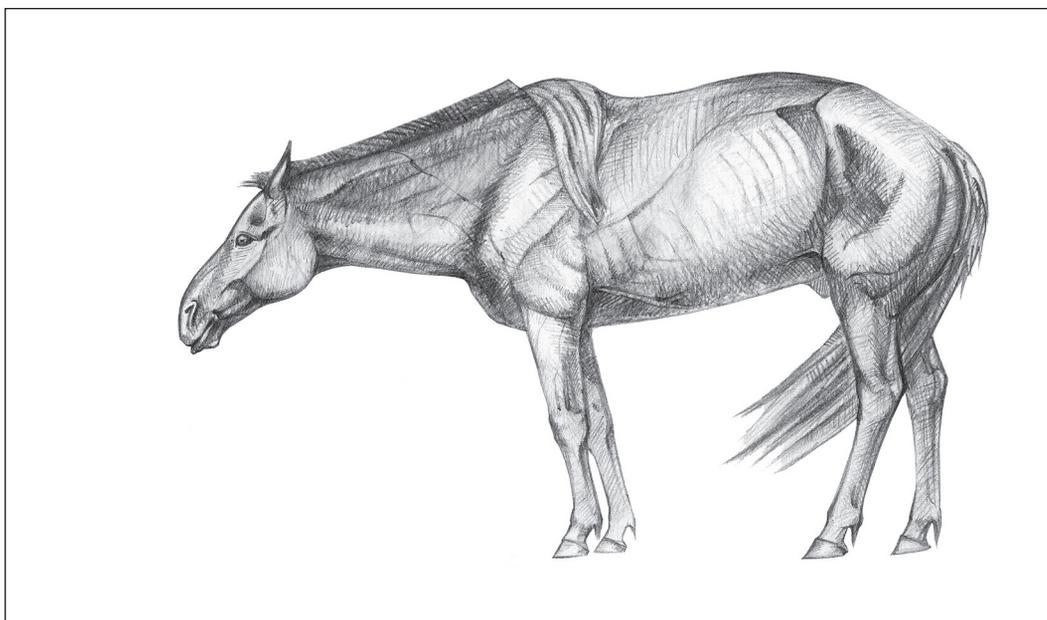
Харгам сайтай, хошуу урттай морийг дайны хуягт сайн тул, тулгуур сайтай гэж үздэг байжээ. Араатан гэхийн учир адуу адуун дотроос соёо урттай, дайн тулаанд хазах үйлдэл хийдэг байх магадлалтай.

31a. “*noyalix ijaar-tu umdaran-dur bayasan batu amurlingxui boluxad oyun yeke yalxux-tu, ulu kimuran ülü bayasqu, üneker nomuqan ybudal tegülder, axur-ügei bolugad omug-ügei, nomuqan boluxad jim-a...*” Ноёлог язгуурт ундаанд баясан бат, амарлингуй болоод оюун их үл хямран үл баясах, үнэхээр номхон явдал төгөлдөр, нуур үгүй болоод омог үгүй, номхон болоод жам.

31b. “*Yosun tegsi ba, ebečin kiged qalarun ba umdar-a dasuxči, ačiy-a acin jam-dur yabuquy-a-da batu, tegün-I qurdun qasing kiritei bui. Bayidal kiged bey-e küčün dumda böged, nidün köke kiged tegünčilen sir-a ba qar-a kiged duru-a-yin öngge metü ba çayibur köke usun-u öngge çaran ba kömüsge inü da la-yin öngge metü ba olangki qalarun-u öngge metü boluxad deger-e door-a tusburi yeke busu çegeji inü yeke bolai. Ha ri nu ke tegünčilen ku, temegen-u sun-u ünür-lüge tegülder seremji öčüken noyir anu*

yeke ba kümün-ü bagatur küčün-dür sitügči, tegüs külicel-tu tere metü yabudal-tu morin-I inü noyalix ijaar-tu kememüi...” Ёсон тэгш ба, өвчин хийгээд халуун ба ундаанаа дасагч, ачаа ачин замд явахуйд бат, түүнийг хурдан хашин хиртэй буй, байдал хийгээд бие хүч дунд бүгд, нүд хөх хийгээд түүнчлэн шар ба хар хийгээд дурын өнгө мэт ба, цайвар хөх усны өнгө цагаан ба, хөмсөг нь дарлагын өнгө мэт ба, олонх халууны өнгө мэт болоод, дээр доор тус бүр их бус, цээж нь их болой, түүнчлэн, тэмээний сүүний үнэр лүгээ төгөлдөр сэрэмж өчүүхэн, нойр их ба, хүний баатар хүчинд шүтэгч, төгс хүлцэлт тэр мэт явдалт морийг нь ноёлог язгуур хэмээмүй...

Мэлхий мэт ягалгар дөрвөлжин их нүдтэй, магнай агуу, хоншоор хошуу монхор, уруул ам их, нуруу хавтгай, зооны мах ихтэй, дөрвөлжин, хөл богино, номхон хашин, хатуу амтай гэж сурвалжид заажээ [МДСҢ: 946, 31a]. Мөн энэ моринд гал махбодын талаар орсон байдаг. Магадгүй гал махбод нь хат ихтэй байж болох юм. Тийм морь ус чийгт муу явдаг талаар олон сударт дурдсан байдаг. (Зураг 2.)

Зураг 2. Газрын орны морь

3. Завсрын орны морь нь: Солонго мэт үзэсгэлэнтэй, сэтгэлд тааламжтай буй хэмээн морины шинжийн ихэнх судруудад бичээстэй байна. Бидний төсөөллөөр завсрын орны морь нь тэнгэр, газрын адууны дундаж төрх, шинжтэй буюу эрлийз аргамгийн дүр зурагтай дүйцэн ирж байна. “*дорно оршихуй мөрнөөс, түүний хүч хийгээд сүр өнгө тэргүүтний хэмжээгээр дундаж хэмээмү, тоост газархийгээд хавчиг уул, сүрт бие тэргүүтний морийг өнгө зүс хүчин хийгээд биеийн хэмжээ, баатар хүчийг дурьд хэмээн мэдэгдэхүй*” [МДСҮ: 1086] Завсрын орны хүлэг нь салхи уруудан хөнтөргөн замд хуйлран давхихдаа онцгой сайн хэмээн тооцож байна. (Зураг 3.)

Монголчуудын эртний дүрслэх урлаг дахь морины зураг хайхад Рашид-ад-Дины “Судрын чуулган”⁹, Дундад Мин гүрний үед Жао Мэн-Фу¹⁰ нарын уран бүтээлтэй

⁹ Энэ зохиолыг Персийн эмч, эрдэмтэн Рашид ад-Дин тэргүүтэй эрдэмтэд бичжээ. “Судрын чуулган”-д Чингис хаан болон түүний удмынхны түүх голлон бичигдсэн бөгөөд монголчуудын захиргаанд орсон олон нүүдэлчин аймгийн түүх мөн бичигдсэн байдаг.

¹⁰ Юань гүрний алба хааж байсан дундад Мин гүрний үеийн Жао Мэн-Фу, Хуан Гун-Ван, Ван Мэн, У Жэнь нар Юань зургийн дөрвөн их мастерын нэг гэдгээрээ алдартай байв.

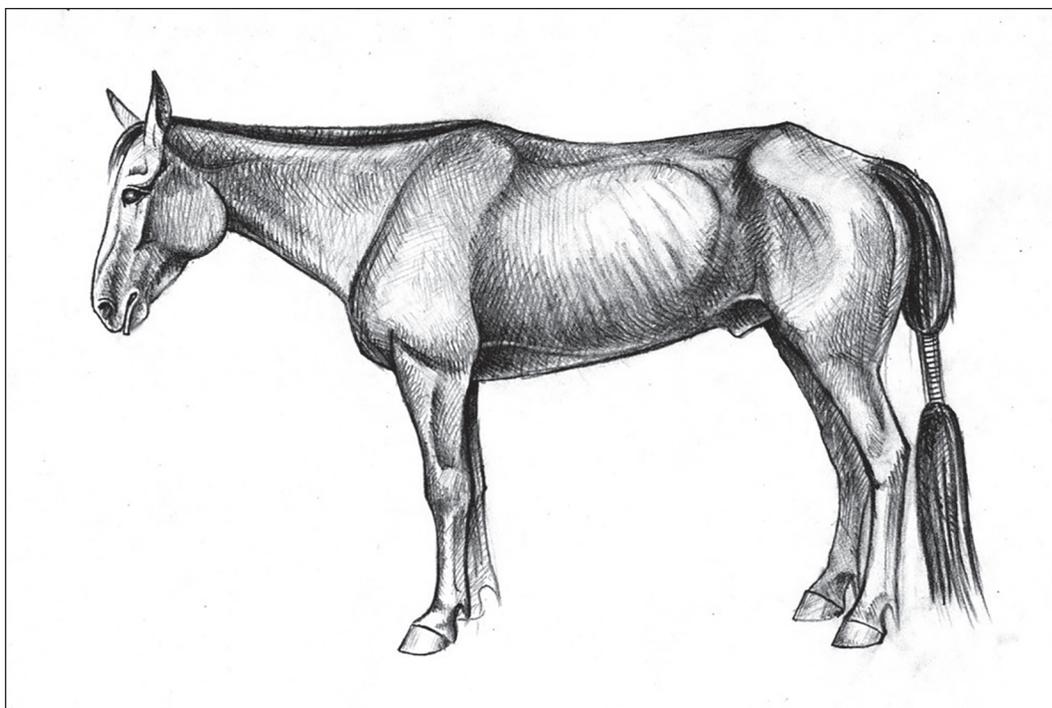
зайлшгүй холбогддог билээ. Нэгэн цаг үе болох Юань гүрний үед амьдарч байсан уран бүтээлчдийн 2 бүтээлийн зургууд монголчууд бидэнд их тархжээ. Энэхүү 2 зургийн морь дүрслэл нь тэнгэр, газар мэт ялгаатай зурагдсан байдаг.

Бид бүхний судалгаагаар Рашид-ад-Дины 1306–1311 онд зохиогдсон Судрын чуулганы түүхэн зохиолын чимэглэлийн зураг болох 22×26.2 см хэмжээтэй цаас дээр шороон будгаар “Монгол язгууртан бараа бологсдын хамт” хэмээх зураг нь “Тэнгэрийн орны, Шувуу буюу хан язгуурт хүлэг”-ийн дүрслэлийг санагдам дүрсэлжээ. (Зураг 4.)

Юань гүрний үеийн уран зураач Жао Мэнфу зураачийн 1271–1368 онд 22.7×49 см хэмжээтэй муутуу цаасан дээр харбэхээр “Монгол морин зураг” нь “Газрын орны, Араатан буюу ноёлог язгуурт хүлэг”-ийн дүрслэлтэй таарч байна. (Зураг 5.)

Тэнгэрийн орны, хан язгуурт хүлэг гэгч нь юлган¹¹ шударга явдалтай, наадмын газарт санаа бяцхан аймтгай, хөлөө дээр өргөж явах, хүзүүний тавил өндөр босоодуу тэмээний хүзүүтэй төстэй. Толгой их дээр

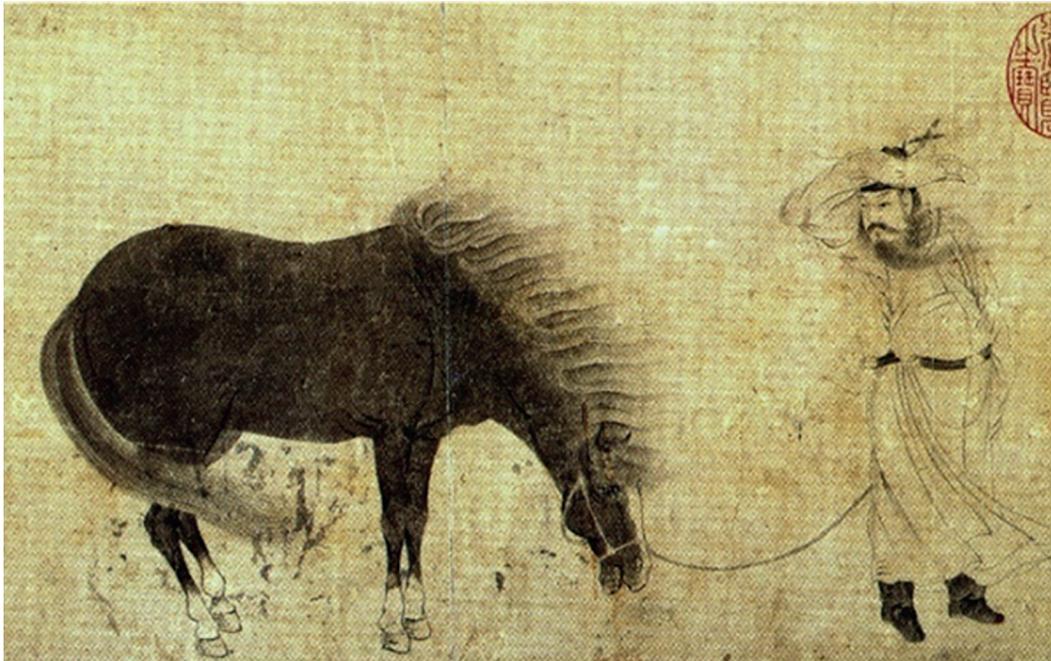
¹¹ Юлган~морины зөөлөн хөнгөн явдал.

Зураг 3. Завсрын орны хүлэг

Зураг 4. “Монгол язгууртан бараа бологсдын хамт” Рашид-ад-Дини “Судрын чуулган” түүхэн зохиол (1306–1311), 22 × 26.2 см, цаас, шороо будаг

Зураг 5. Жао Мэнфу. “Монгол морин зураг” 1271–1368, 22.7 × 49см, муутуу цаасан, бэх

явдаг, урт согоон чихтэй, цээж сэрвээ өндөр, бие уртлаг, хөл урт, цээжин биеэр зүтгэж давхидаг. (Зураг 6.)

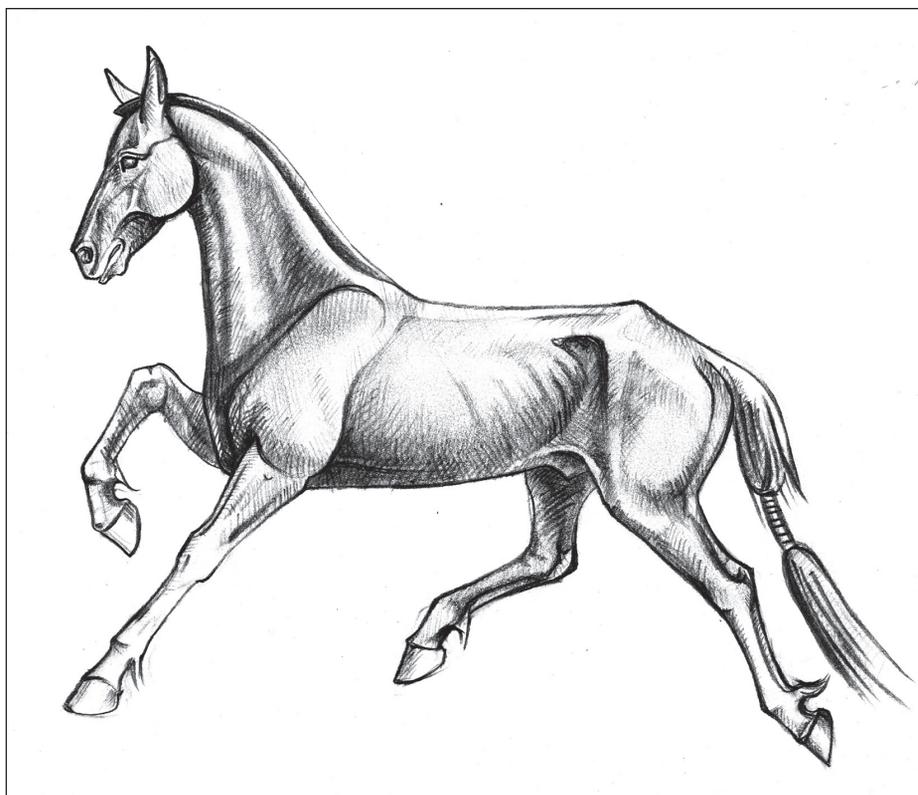
Газрын орны, араатан буюу ноёлог язгуурт хүлэг гэгч хашин, нүд улаан түргэн амьсгалах, толгой доор, шээхдээ хөлөө их өргөх, амаа ангайх, аймтгайгүй баатар хэмээсэн [МДСҢ: 31а, 31б]. (Зураг 7.) Бид морины шинжийн сургаалыг баримталж жишил дүйцлийг орон, язгуур тус бүрд нь шингээж дүрсэлсэн болно.

Эртний хадны сүг зургуудад тодорхой тусгагдсан төв азийн уугуул адууны төрхтэй дүйцсэн эдгээр шинж бэлгэ нь газрын орны морь нь жинхэнэ монгол адуу болохыг нотолно хэмээн бид үзэж байна.

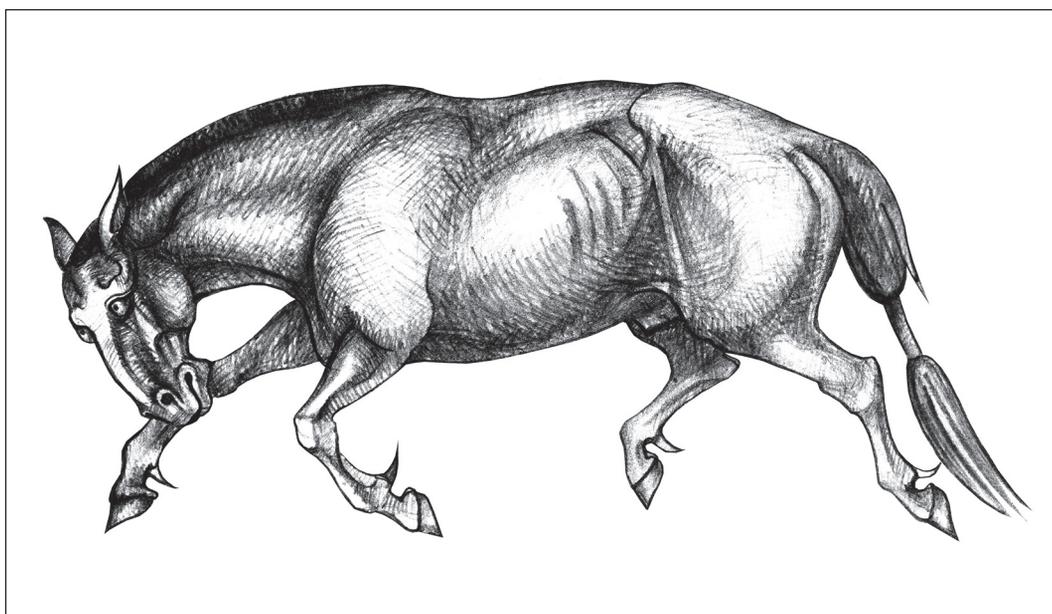
Тухайн орон, язгуурын хүлгийн шинжийндүйцэлзүйрлэлньнэгээснөгөөд дамжин шилжих хэлбэрт оршиж байгаа нь бидний судалгаагаар ажиглагдлаа. Энэхүү зүй тогтлын үндсэн бүлэг нь орон, удаах дэд бүлэгт язгуураар ангилагдаж байна. Язгуурын зохилдлоготой уялдан хүлгийн шинжийн дүйцэл нь завсрын олон дүр төрхийг үзүүлэн хурдан морины олон хэлбэртэй жишил шинжүүд үүсэж байна аа.

Нүүдэлчин монголчууд хүлгийг шинжин таних, уяж сойх, анагаах зэрэг нууцын нууц, мэдээ, мэдээллээ амнаас чихэнд гэсэн бичигдээгүй хуулиар дамжуулан цээжлүүлдэг байсан байх магадлалтай байна. Монголч эрдэмтэд VI–VIII зуунд монгол бичгийг дам авсан гэдэгт илүүтэй санал нэгдсэн байдаг. Одоогоор хурдан морины судар сурвалжийг дагнан судалсан эх бичиг судлаач байхгүй байна. Үүнийг дахин лавшруулан судлууштай болно. Одоогоор хурдан морины тухай монгол бичгээр, одоогоор олдоод байгаа 30 гаруй судар сурвалж байна. Бидэнэудаа 1742–1749 онд орчуулагдсан “Монгол данжуурын” 219-р ботийн “Морины насны шастир” хэмээх сударт буй “Тэнгэр, Газарын орны морь”, “Шувуу буюу Хан язгуурт, Араатан буюу Ноёлог язгуурт” хүлгийн дүрсийг шинжин танин, дүрслэлийг тодорхойлон судаллаа.

“Тэнгэрийн орны, Шувуу буюу хан язгуурт хүлэг” нь арслан харайсан мэт урт цээжтэй, урд хөл урт, толгой өндөр, хамар их, хошуу чимх мэт шулуун, нуруу шулуун хурц ирмэгтэй, дэл сүүл шингэн, хойд 2 хөлөө жийн сайтар гишгэн зогсох зэрэг нь

Зураг 6. Хан язгуурт хүлэг

Зураг 7. Ноёлог язгуурт хүлэг

1-р зурагт дүрсэлсэн болно. “Газрын орны, Араатан буюу ноёлог язгуурт хүлэг”-ийг ягалгар дөрвөлжин биетэй, мэлхий нүдтэй, магнай агуу, хоншоор хошуу монхор, уруул ам их, нуруу бөгтөр, зооны мах ихтэй, 4 хөл богино хумьж зогсдог хүлгийг 2-р зурагт зурж дүрсэлсэн.

“Тэнгэрийн орны морь”-ийг хамгийн энгийнээр ялгах боломж нь морины толгой нь тэнгэрийн хаяа ширтсэн мэт шулуун хардаг. Мөн тэнгэрт ойрхон толгойтой гэдгээр ч ялгах боломжтой. Дөрвөн хөлөө гадагш нь жийн зогсдог. “Газрын орны морь”-ны толгой нь газар шагайн духайн,

дөрвөн хөлөө хумин зогсдог. Газар морины толгой их өвөрмөц түүшүү шанаа их, хоншоор монхор, уруул ам их, хөвч татан нум мэт нумран зогсдог. “Завсрын орны морь”-ны толгой тэнгэр, газрын завсрын дунд толгой байрлана. Их биеийн хат дунд зэрэг тэгш, өөд, уруу алинд ч сайн давхидаг. Бид бүхний дүрсэлсэн морьдын зургаар “Тэнгэрийн орны морь”, “Газрын орны морь”, “Завсрын орны морь” гэж 3 ангилан цаашид дүрслэх урлаг болон дизайн, урлаг судлалд ашиглах боломжтой гэж бид үзэж байна.

АШИГЛАСАН НОМ ЗҮЙ

МД: Монгол Данжуур.

МДС: Монгол Данжуур судар.

Баянбат, 2016: *Баянбат Д.* Монгол адууны нэвтрэхий толь [Mongolian Horse Encyclopedia]. Б. I, II. Улаанбаатар, 2016.

Лувсанбалдан, 1989: *Лувсанбалдан Х.* Хүлгийн шинж [Lip Profile]. Улаанбаатар, 1989.

Чоймаа, 1998: *Чоймаа Ш.* Монголын Нууц Товчоон-д гарах “külüg” хэмээх үгийн утга, гарал

хувьсал [The Meaning and Evolution of the Word “külüg” in the Mongolian Secret Brief History] // Journal of Inner Mongolia University (Philosophy and Social Sciences in Mongolian), Köke qota, 1998.

Чоймаа, 2017: *Чоймаа Ш.* Монгол хэл, бичиг, соёл судлал [Mongolian language, literature and cultural studies] // Эрдэм шинжилгээний өгүүллийн чуулган II. Улаанбаатар, 2017.

CHARACTERISTICS AND DESCRIPTIONS OF SKY AND LAND-DERIVED HORSES IN DANJUUR SUTRA

Enkhtaivany GANSUKH
University of Mongolian Culture and Art

Mongolian Horse characters and figures have been described in many works since very ancient time. Mongolian horse motions, characters, suits and silhouettes are required to be divided by the segmentation technique. We, researchers consider that the Mongolian horse silhouettes can be classified into three parts. Research on the determination of silhouettes of the “Sky horses”, “Land horses”, “King horse” and “Leading horses” on the basis of the source named “Horse age book” included in the 219th book of Mongolian Danjuur and which is found among 30 works written in Mongolian old script. Moreover, we determined the silhouette of “Neutral zone horses” because this word combination is seen together with words as “Sky horses” and “Land horses” despite there is not any paragraphs about such horses. We inverted texts written in old Mongolian script into modern Mongolian words choosing repeated words to use for the research. In addition to it, we described the running ways of “Sky horses”, “Land horses”, “King horse” and “Leading horses” in different motions.

Key words: Mongolian horse characteristics, sky-derived horses, land-derived horses.

About the author: **Enkhtaivany GANSUKH**, Doctorant, University of Mongolian Culture and Art (Mongolia, Ulaanbaatar) (gansukh24@yahoo.com).

Т. Д. СКРЫННИКОВА
Институт восточных рукописей РАН

ОРДА-ЭДЖЕН — ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ УЛУСА ДЖУЧИ

Целью данной статьи является реконструкция статуса Орды-Эджена в структуре улуса Джучи. Анализ концепта *ejen* в монгольской средневековой политической культуре позволяет утверждать, что вторая часть имени указывает на владение Ордой-Эдженом улусом Джучи и его ставкой (*ulus-un ejen*), что является подтверждением его статуса верховного правителя улуса Джучи, как старшего в своем клане. Одновременное название источниками старшим его брата Бату свидетельствует о существовании в улусе Джучи соправительства, в котором военные функции больше приписываются Бату («Батый самый богатый и могущественный после императора»), тогда как Орда-Эджен выступает скорее как сакральная персона улуса Джучи в качестве его старшего сына, что не исключало и его участия в военных походах.

Ключевые слова: Бату, Тайная история монголов, Рашид-ад-Дин, владыка улуса (*ulus-un ejen*), политика, коренной юрт, верховная власть, Чингис-хан, Золотая орда.

Об авторе: Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (skryta999@mail.ru). ORCID 0000-0002-0674-2764.

© Скрынникова Т. Д., 2024

Можно сказать, что общая характеристика, определившая во многом восприятие историками образа Орда-Эджена, содержится в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина: «Первый сын Джучи-хана, Орда, появился на свет от его старшей жены по имени Сартак из рода кунгират. При жизни отца и после него он был весьма уважаем и почитаем. Хотя заместителем Джучи был [его] второй сын, Бату, но Менгу-каан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди. Орда был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвел. Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он, а другой половиной — Бату. С [этим] войском и четырьмя братьями — Удуром, Тука-Тимуром, Шинкумом — он составил левое крыло [монгольского] войска; и их до сих пор называют царевичами левого крыла» [Рашид-ад-Дин, 1960. С. 66]. Опираясь на эту информацию, исследователи не только пришли к выводу о самоустранении

Орды от власти над улусом Джучи, но и что он отказался от нее, передав ее в руки Бату возведением его на престол.

Однако, несмотря на это, как мы видели, Рашид-ад-Дин отмечает: «При жизни отца и после него он был весьма уважаем и почитаем». Чем объясняется почитание его персоны, если он потерял свой статус старшего в улусе? И так ли это? Во всю свою жизнь и после смерти старший сын Джучи был известен под именем Орда-Эджен, что, на мой взгляд, является очень важным маркером его статуса. Посмотрим, что означал концепт *ejen* в обосновании отношений властвования¹ в традиционной монгольской политической культуре, и как он

¹ Не буду рассматривать права собственности на коней [Rachewiltz, 1972. P. 117] и случаи обозначения термином *ejen* владык священных мест: владыки Бурхан-Халдуна (§ 9 *burqa-qaldun-nu ejen*) [Rachewiltz, 1972. P. 14], (§ 272 *kitat irgen-ü qajar usun-u ejen qa[n]t*) [Rachewiltz, 1972. P. 163, 164]. Болезнь Угэдэя случилась от того, что «жестокое неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод» [Козин, 1941. С. 192].

представлен в *Тайной истории монголов*. Единственный раз в источнике отмечается владение территорией, когда в § 149 Таргитай-Кирилтух, отмечал, что после смерти Есугея Темуджин осиротел, оставшись в кочевье, потерявшем своего владыку: *ejen-ugei nuntuq-tur qosogsi* [Rachewiltz, 1972. P. 67] (досл. «осиротел в кочевье без владыки»). С. А. Козин оставил без перевода семантически важную языковую конструкцию *ejen-ugei nuntuq-tur* («в кочевье без владетеля»), передав только значение глагола *qosogsi* (осиротеть): «...он остался сиротой без отца» [Козин, 1941. С. 120]. Перевод И. Рахевилца больше соответствует монгольскому тексту: «He had been abandoned in a camp without a master» [Rachewiltz, 2004. P. 71], что отсылает нас к значению слова *ejen* как «хозяин, собственник».

Когда анонимный автор *Тайной истории монголов* пишет об одном из предков Темуджина следующее: «8. ...*köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen-nü*» [Rachewiltz, 1972. P. 14], то таким образом Баргудай-Мэргэн отмечается как владелец *köl-barqujin-tögüm* — линиджа, обозначенного термином, попавшим в тюркские языки из иранских и означавшим род, племя, потомство, и являвшегося той части баргу, которая проживала около озера (тюркское обозначение — *köl*).

Но чаще всего понятие *ejen* маркирует владение улусом — *ulus-un ejen*, т. е. выступает в качестве концепта, обозначающего властные отношения. Наиболее репрезентативна характеристика, данная Амбагаем, вторым хаганом монголов, самому себе. Перед смертью от рук татар он говорил Хадаан-гайджи: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как *всенародный каган и государь народа*» [Козин, 1941. С. 84]. Выражение *qatuiq-un qa'an ulus-un ejen* [Rachewiltz, 1972. P. 22] в § 53, С. А. Козин передал как «всенародный каган и государь народа». На мой взгляд, при передаче этой титулатуры стоит сохранять монгольское слово улус, тогда дословный перевод будет таким: «хаган всех, *владыка улуса*». При этом словом *улус* обозначается не только народ, но и та полития, которую этот народ составляет, с территорией, на которой он располагается.

Подтверждением актуальности данного архетипа в монгольской средневековой политической культуре служит фраза, которую произносит Хорчи (старец Усун), увидевший во сне предсказание победы Темуджина над Чхамухой: «§ 121. ...Небо с Землей стоворились, нарекли Темучжина царем царства» [Козин, 1941. С. 107] (*tenggeri qajar eyetü[1]düyü temüjin-i ulus-un ejen boltuqai* [Rachewiltz, 1972. P. 50]). Но мы видим, что С. А. Козин не передал в своем переводе сущностно важного выражения *ulus-un ejen*: «Небо с Землей договорились: «Пусть Темуджин будет Владыкой улуса»».

В § 281 Угэдэй в своей речи, завершающей *Тайную историю монголов*, где он подводит итог своей деятельности, называет Чингис-хана *ulus-un ejen qahan* [Rachewiltz, 1972. P. 173]. Мы видим, что выражение *ulus-un ejen* было главной характеристикой хагана — верховного правителя всемонгольской общности, отмечая его владение людьми и территорией, которую они населяли.

Исходя из этого архетипа традиционной монгольской политической культуры, мы можем заключить, что вторая часть имени старшего сына Джучи — Эджен (= *ejen*) также маркирует его владение улусом, а именно улусом² Джучи, который он получил от отца, хотя об этом прямо не говорится. Но, согласно закону наследования, именно старший сын получает верховную власть над улусом после смерти его владельца. Неважно, что обставляется это как споры, выборы, отказы, а затем согласие, или назначение преемника «по слову». Так, после смерти Чингис-хана верховную власть в Монгольском улусе получил Угедей, старший сын коренного юрта, которого сменил его старший сын. После того, как владения улуса Угедея расширились и сместились на запад, верховную власть получили сыновья Толуя, оставшиеся в коренном юрте³.

² Во время Западного похода (1219–1224) Чингис-хана, в котором участвовали и сыновья, Джучи в том числе, «Тулуй-хан... прибыл к Чингиз-хану в то время, когда тот разрушал крепость Таликан. Чагатай и Угедей также прибыли сюда, а Джочи ушел в свое становище [угрут] и улус» [Рашид-ад-Дин, 1952. С. 257].

³ Конечно, иногда этот принцип нарушался, когда к власти рвались новые лидеры, но в основном в традиционном обществе он соблюдался.

Вышесказанное указывает на то, что термин *ejen* маркирует статус персоны, облеченной властью и правом управлять подданными на законных основаниях. Обязанностью владельца (владыки) является поддерживать свой статус, т. е. поддерживать состояние своего владения и обеспечивать процветание всего общества. В отличие от термина *qaγan*, термин *ejen* не становится официальным титулом правителей, но являлся маркером их статуса — обладание верховной власти в улусе.

На то, что Орда-Эджен действительно занимал статус верховного правителя улуса Джучи указывают факты его участия в общемонгольских событиях. Прежде всего напомним оценку, которую дал очевидец жизни Орда-Эджена, Плано Карпини. Его первым знанием об Орде была общая информация, основанная на слухах, о потомках Чингис-хана: «Сыновья же Хосухана (Джучи. — Т. С.)...: Батый [Бай — С], самый богатый и могущественный после императора, Ордии [Орду — С], *самый старший среди всех вождей* (выделено мной. — Т. С.)» [Карпини, 2022. С. 140]. Это сообщение, соответствующее парадигме монгольской политической культуры, подтверждает статус старшего сына (Орда-Эджена) старшего сына (Джучи) Чингис-хана. И Плано Карпини уточняет свои свидетельства очевидца, очутившись во владениях Орда-Эджена: «В этой стране живет Ордии [Орту — С], старший брат Батыея [который старше Батыея — С], и *даже старший среди всех татарских князей* (выделено мной. — Т. С.); и там находится орда, или двор его отца, в которой живет управляющая ей одна из его жен» [Карпини, 2022. С. 180]. Именно этот улус и ставка имеется в виду в сообщении Рашид-ад-Дина о возвращении Джучи в свой *угруг* и *улус* из Западного похода. Из биликов Чингис-хана мы узнаем содержание термина: «тех, кого он нашел проворными и ловкими, поручив им стан [угрук], сделал заведующими табунами» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 259], т. е. ставка имела достаточно большую территорию.

Статус Орды-Эджена подтверждает его место в иерархии: он всегда называется первым, когда идет перечисление чингисидов при участии в какой-либо акции, например, посещение

хурилтая. Хронисты соблюдают этот порядок при назывании участников интронизации Угедея: «Из земель Кифчакских прибыли сыновья Туши, Хорду, Бату, Сибакан...» [Джувеини, 2004. С. 122]; «...все царевичи и эмиры направились со [всех] сторон и краев к старинному юрту и великой ставке. Из Кипчака — сыновья Джучи-хана: Урадэ, Бату, Шейбан...» [Рашид-ад-Дин, 1960]. А в интронизации Гуюка он был непосредственным исполнителем обряда: «Наконец в день, указанный людьми, искусными в науке *кам*, все царевичи собрались вместе и сняли шляпы и развязали пояса. И [Есуй] взял его за одну руку, а Хорду за другую, и они усадили его на трон Власти и на подушку Царства...» [Джувеини, 2004. С. 173]. А после акта интронизации необходимо было решить насущные проблемы, в частности расследовать преступление Отчигина, выступившего против центральной власти, «А так как эта проверка была делом чрезвычайно деликатным и в него нельзя было посвящать чужих, дознавателями были назначены Менгу и Хорду, и никто другой не имел права вмешиваться» [Джувеини, 2004. С. 176]. Исполнение судебных функций соответствовало их статусу, они оба были старшими в своих улусах: Менгу — в клане Толюя, а Орда — в клане Джучи.

Хотя следует заметить, что традиционно хронисты объясняют присутствие на интронизации Орды-Эджена и отсутствие Бату так: «И когда наступила весна года лошади... [26 августа — 23 сентября 1245 г. н. э.], царевичи и эмиры правого и левого крыла прибыли каждый со своими подчиненными и приверженцами. ...за исключением Бату, который был на них обижен по какому-то поводу и который уклонился от участия [в курилтае], сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног. ...Из ставки [улуса Джучи] Бату послал своих братьев Орду, Шейбана, Берке, Беркечара, Тангута и Тука-Тимура» [Рашид-ад-Дин, 1960. С. 118]. На мой взгляд, это некорректная попытка объяснить ситуацию. Возможно, Бату был действительно болен и не находился в состоянии конфликта с центральной властью. Представляется, что, если бы Бату действительно был обижен на родичей, то не послал бы никого вместо себя, во-первых. А во-вторых, именно Орда-Эджен возглавлял улус, т. е. его статус был

выше, он не зависел от Бату, а мог принимать самостоятельные решения.

Но нельзя не сказать, что все хронисты между тем очень высоко ставят Бату в иерархии Чингисидов: «Бату, ...когда его потребовали на курилтай, то он под [предлогом] болезни уклонился от участия [в нем]. Так как он был старший⁴ из всех (выделено мной. — Т. С.) [родичей], то из-за его отсутствия около трех лет не выяснялось дело [о звании] каана» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 80]. А после смерти Гуюка Бату разослал гонцов ко всем своим родственникам с просьбой прибыть к нему. Внуки и жены хагана поддержали его письмом, в котором сообщалось: «Бату — ага (старший. — Т. С.) всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово — закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого» [Джувейни, 2004. С. 403].

Два старших в одном улусе — это не редкий случай в политической практике, называемый соправительством. Это особенно ярко, на мой взгляд, проявилось в отношениях Чингис-хана со старцем Усуном⁵. Чингис-хан сказал последнему: «По монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего в роде. Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освящает нам годы и месяцы!» [Козин, 1941. С. 166] (caqaan de'el emüscü caqan aqta unu'ulju sa'uri

⁴ Называние старшим даже того, кто им не является по рождению, а по каким-либо заслугам, в традиции монголов. Например, Угедей-каан сказал: «Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью (выделено мной. — Т. С.). Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу» [Рашид-ад-дин, 1960. С. 18–19].

⁵ В *Тайной истории монголов* есть совершенно четкое указание, что бэхи — это нойонский титул (§ 216). О том, что старец Усун был прежде всего светским правителем, может свидетельствовать § 202: «...[1206 г.] По завершении устройства Монгольского государства Чингис-хан... нарек он и поставил нойонами-тысячниками: 1) Мунлик-эциг; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи (старец Усун. — Т.С.)...» [там же. С. 158].

de'ere sa'ulju takiju basa hon sara sataju teyin atuqai [Rachewiltz, 1972. P. 125]). Чингис-хан, пришедший к власти над всеми монголами и являвшийся согласно *Тайной истории монголов* единственным обладателем харизмы (sülder), этим актом признает способность Усуна выполнять функцию регулятора космологического действия («освящает нам годы и месяцы»), т. е. признает за ним право старшего среди потомков Бодончара и соответственно обладателя харизмы конического клана, закрепляемой за старшей линией, что фиксировалось генеалогией.

Объяснение данного феномена — одновременного нахождения у власти двух правителей с некоторым различием функций — можно найти и у других народов. Разделение сакральных и военных функций правителя, отраженных в *Тайной истории монголов* в неявном виде, совершенно четко определил Хондемир в своей «Истории монголов»: «...трон должен принадлежать Кублю (Хабул. — Т. С.) и потомкам его, а Каджули (брат-близнец Хабул-хана. — Т. С.) надлежало оставаться князем и предводителем войска, написали оное и скрепили алой тамгою Тумэнэ-хана (Тумбинай-сэчен, их отец. — Т. С.)» [История, 1834. С. 12]. Подобное отрицание военных функций хана, связь сакральных функций с тронном можно наблюдать и в эпосе, например алтайском. Так, хан Колер, «дожив до средних лет, ни разу коня своего не седлал, с белого трона не сходил»; «хан на троне сидеть должен, ему охотиться не нужно»; «ты ведь ханом являешься, а почему бросил скот, людей и скитаешься?» (цит. по [Трепавлов, 1989. С. 132]). Необходимость присутствия хана в своем социуме совершенно определенно указывает на действие харизмы в центре и ее ослабление к периферии. Здесь, как и в случае с Хабул-ханом, сакральные и военные функции разделяются, причем с ханом связываются непременно первые. У монголов мы находим сочетание ритуальной и военной функций у одного лица: наличие и трона, и меча в акте интронизации. Чингис-хана и Хорчи-Усуна возводят на трон (*орон*), и они оба — активные участники военных действий. Но в неявном виде традиция разделения функций в последнем случае проявляется в сакральном

приоритете, которым наделяет Чингис-хан, сам исполнитель обряда интронизации Усуна как старшего конического клана.

По сообщению ал-Масуди (956 г.), «в Хазарском государстве X в. кроме царя (малика, обладавшего всей полнотой власти) имелся еще и другой государь, носивший титул хакана. Хакан этот обрисован как почетный затворник, обитавший во дворце и не принимавший никакого участия в государственных делах. Далее указывается, что хакан обязательно избирался из определенного знатного рода и символизировал верховную власть, не обладая ею на деле. Любопытно, что хазарский царь Иосиф, писавший несколько позже ал-Масуди, в своем ответе Хасдаю ибн Шафруту ни единым словом не упоминает о хакане, но зато перечисляет своих предков (царей) от некоего Булана, принявшего иудаизм... Ибн Руста, писавший в самом начале X в., говоря о двоевластии у хазар, отмечает, что верховный правитель (хакан) обладает только титулом и никакой реальной власти у него нет. Затем Ибн Руста указывает, что вся полнота власти в Хазарии сосредоточена в руках некоего „иша“, который также командует войском... Гардизи (XI в.) пишет, что у хазар есть главный (большой — бозорг) царь-хакан, у которого имеется лишь титул. Помимо же хакана существует собственно царь (малик), чей хазарский титул по рукописям Гардизи (а их две) восстанавливается как ишад. Последний же легко реставрируется как тюркский титул „шад“» [Новосельцев, 1982. С. 153–154]. П. Голден, занимавшийся этой проблемой, уточняет, что «по другим источникам (Ибн Фадлан, Константин Багрянородный) эта фигура называлась не шад, а бег. Хаган, отличаемый мусульманскими авторами от царя (т. е. шад или бег), жил в замке на острове на Волге... Ал-Масуди... продолжает, что в случае несчастья хаган может быть умерщвлен» [Golden, 1982. P. 59].

П. Голден сообщает, что двойной царской властью, как и у хазар, управлялся доарпадский венгерский племенной союз. «Высший правитель — Kündü был подобно хазарскому хагану... церемониальной фигурой, тогда как реальная власть принадлежала Gyula. Kündü был представителем хазарского господству-

ющего класса среди венгерских племенных вождей. Gyula (наиболее вероятно, алмос-арпадская династия, которую поздняя традиция связывает с Агтилой, устанавливая при этом наследственное харизматическое лидерство) был несомненно выдвинут перед лицом опасности нападения печенегов» [Golden, 1982. P. 62].

Аналогичная ситуация сложилась и в улусе Джучи. Мы знаем, что Орда-Эджен проживал в ставке, которая принадлежала его отцу. Что находилось в ставке и каковы ее функции, мы можем представить, изучив описание ставки Чингис-хана. После интронизации, когда Чингис-хан определял обязанности для своих сподвижников и дружины, он в числе прочих упомянул хебтеулов, которые «пекутся о нашей золотой жизни» [Козин, 1941. С. 173] и обязаны всегда быть при его особе. Именно поэтому они ответственны за юрты на телегах при перекочевках «§ 233. ...ger tergen *yeke a'uruq newüküi-tür*» [Rachewiltz, 1972. С. 134], что и составляет ядро *Великой ставки*. Но функции хебтеулов выходят за пределы охраны самого Чингис-хана. Хебтеулы контролируют не только обслуживание чад и домочадцев, сопровождавших Чингис-хана, т. е. соответственно, обустроивают ставку, обеспечивают снабжение пищей, наблюдают за пастухами верблюдов, коров, отвечают за выполнение придворными своих обязанностей и следят за всеми входящими в главную юрту. Но важно подчеркнуть сакральный аспект *Великой ставки*: здесь хранятся знамена, барабаны и священные копья — атрибуты верховной власти, что также находится в ведении хебтеулов. Они же «имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках» [Козин, 1941. С. 173], а также «двое из хебтеулов стоят при Великой виннице» [Там же], которая была связана с тронном. Ставку отличает выполнение функции сакрального центра всего улуса, что определяет и статус Орда-Эджена, поскольку с большой долей вероятности мы можем предположить, что в ставке улуса Джучи также хранились сакральные для данной общности предметы.

На мой взгляд, Орда-Эджен являлся сакральной фигурой, что было актуально не только для улуса Джучи, но и для всей Монгольской импе-

рии, как старец Усун во времена Чингис-хана. Не случайно в пайцзе имя Орды-Эджена стоит рядом с именем Мунке, ведь он был старшим сыном старшего из сыновей Чингис-хана, а именно по старшей линии передается сакральное качество (харизма) верховного правителя. Конечно, это не было таким классическим соправительством, как у алтайцев, когда хан только царствовал, а делами (охотой, войной) занимал-

ся его соправитель. Как мы знаем из источников, Орда-Эджен вполне успешно воевал, что не исключает выполнение им функций верховного правителя улуса Джучи, что происходит из его статуса Владыки (*ejen*), закрепленном в имени. Это могло бы быть легитимным основанием для его потомков в стремлении стать верховными правителями Золотой Орды, а не только ее левого крыла.

Использованная литература

Джувейни, 2004: Чингисхан. История Завоевателя Мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни [The History of the Conqueror of the World, Recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juvaini]. Перевод текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла с предисловием и библиографией Дэвида О. Моргана. Перевод текста с английского на русский язык Е. Е. Харитоновой. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004.

История, 1834: История монголов: От древнейших времен до Тамерлана [The History of the Mongols: From Ancient Times to Tamerlane]. СПб., 1834.

Карпини, 2022: *Иоанн де Плано Карпини*. История монголов [The History of the Mongols]. Текст, перевод, комментарии. Под редакцией А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022.

Козин, 1941: Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. [The Secret Legend: The Mongolian Chronicle of 1240]. М.; Л., 1941.

Новосельцев, 1982: Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя [On the Question of one of the Oldest Titles of the Russian Prince] // История СССР. М., 1982, № 4. С. 150–159.

Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей [Collection of Chronicles]. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид-ад-дин, 1960: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей [Collection of Chronicles]. Т. 2. М.; Л., 1960.

Трепавлов, 1989: Трепавлов В. В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности [The Altai Heroic Epic as a Source on the History of Early Statehood] // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 125–171.

Golden, 1982: Golden P. Imperial Ideology and Sources of Political Unity Among the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. Archivum Eurasiae Medii Aevi. Т. 2. Wiesbaden, 1982.

Rachewiltz, 1972: Rachewiltz I. de. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1972, vol. 121.

Rachewiltz, 2004: Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth Century. Translate with a historical and philological Commentary by Igor de Rachewiltz. Leiden-Boston: Brill.

ORDA-EJEN — THE SUPREME RULER OF JUCHI ULUS

Tatiana D. SKRYNNIKOVA
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

The purpose of this article is to reconstruct the status of the Orda-Ejen in the structure of the Juchi ulus. The analysis of the *ejen* concept of Mongolian medieval political culture allows us to affirm that the second part of the name indicates the ownership of the Orda-Ejen both Juchi ulus (*ulus-un ejen*) and his headquarters. It confirms his status as the supreme ruler of Juchi Ulus, as the eldest in his clan. Simultaneously the sources name his brother Batu as the older brother, that's evidence of co-ruling in Juchi ulus. Military functions are more attributed to Batu ("Baty is the richest and most powerful after the emperor"), while Orda-Ejen perform most of all the function of the sacred center of Juchi Ulus as his eldest son.

Key words: Batu, Master of ulus (*ulus-un ejen*), The Secret history of the Mongols, Rashid ad-Din, lord of the ulus (*ulus-un ejen*), polity, indigenous yurt, supreme power, Genghis Khan, the Golden Horde.

About the author: **Tatiana D. SKRYNNIKOVA**. Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asian and South Asian Studies at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. (St. Petersburg, Russian Federation) (skryta999@mail.ru). ORCID 0000-0002-0674-2764.

М. В. ФЕДОРОВА
Российский этнографический музей

КОЛЛЕКЦИИ Ц. Ж. ЖАМЦАРАНО В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья посвящена этнографическим коллекциям, собранным выдающимся ученым-востоковедом Ц. Ж. Жамцарано во время поездок в Забайкальскую область и Иркутскую губернию по заданию Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в 1905–1907 гг. В настоящее время в Российском этнографическом музее хранится 5 коллекций Ц. Ж. Жамцарано, насчитывающих более 200 предметов, характеризующих различные стороны традиционной культуры бурят: шаманские, буддийские традиции, шаманско-буддийский синкретизм, жилище, костюмы, вооружение. Автор рассматривает и анализирует состав этих коллекций, а также прослеживает историю их комплектования на основе полевых дневников, архивных материалов, публикаций и коллекционных описей Российского этнографического музея.

Ключевые слова: буряты, коллекции, шаманизм, буддизм, дневники, архивы.

Об авторе: Федорова Марина Владиславовна, научный сотрудник ведущей категории отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия) (fedorovarme@mail.ru). ORCID 0000-0002-3703-8809.

© Федорова М. В., 2024

Среди многочисленных собирателей бурятских коллекций Российского Этнографического музея видное место занимает ученый-востоковед Цыбен Жамцаранович Жамцарано. Заслуженную известность Ц. Ж. Жамцарано получил как ученый-филолог, всю свою жизнь посвятивший сбору и исследованию устного народного творчества монголоязычных народов Восточной Сибири и Центральной Азии. На его счету множество опубликованных работ, его рукописи, содержащие ценнейший материал по фольклору и лингвистике хранятся в крупнейших архивах страны. Известный монголист А. Д. Руднев в предисловии к «Образцам народной словесности монгольских племен» писал, что Жамцарано «удалось собрать такое изумительное количество текстов, какое не собрал ни один другой собиратель ни у какого другого народа» [Образцы народной словесности, 1918. С. III–IV].

Не менее интересно еще одно направление собирательской деятельности ученого — сбор

вещевого этнографического материала. Во время занятий в Санкт-Петербургском университете и позже Ц. Ж. Жамцарано совершал поездки к иркутским и забайкальским бурятам и в Монголию, работая по заданию Академии наук и Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии.

В эти же годы началось сотрудничество Жамцарано с Этнографическим отделом (ЭО) Русского музея Императора Александра III. В 1903 г. его пригласил для регистрации экспонатов заведующий ЭО (1902–1909), выдающийся этнограф, археолог и востоковед Дмитрий Александрович Клеменц, оказавший в дальнейшем значительное влияние на формирование этнографических интересов молодого ученого [Архив РЭМ, 1901–1903. Л. 1 об.]. С ноября 1903 г. по май 1908 г. Цыбенем Жамцарановичем проводилась научная регистрация привезенных из Тувы 20 коллекций Ф. Я. Кона, а также бурятских коллекций М. Н. Хангалова, Д. П. Першина, С. А. Пирожкова, Б. В. Вампи-

лова (РЭМ. Колл. №№ 365, 403, 418, 453, 686, 1275, 1286).

В 1905, 1906 и 1907 гг. Ц. Ж. Жамцарано совершил ряд поездок в Иркутскую губернию и Забайкальскую область, во время которых по заданию ЭО Русского музея проводил сбор этнографических коллекций.

Первая и наиболее многочисленная коллекция (№ 783) шаманских атрибутов, была собрана Ц. Ж. Жамцарано в августе 1905 г. среди бодонгутских бурят Агинского ведомства Читинского уезда Забайкальской области.

Следует отметить, что сбор материала по шаманизму в Забайкальской области имел свою специфику. Население здесь было практически полностью ламаизировано. Агинское ведомство являлось к тому времени одним из основных центров распространения буддизма в Бурятии. На его территории имелись дацаны, школы по буддийской философии, тибетской медицине, сотни лам. Однако, несмотря на достаточно прочное утверждение буддизма, шаманские представления, обычаи и традиции в тех или иных формах продолжали сохраняться. Буряты бодонгутского рода — выходцы из долин р. Хилок, лучше других групп агинских бурят сохранили древний шаманизм. В год экспедиции Ц. Ж. Жамцарано они предприняли попытку возрождения «старой веры». Под предлогом отчаяния от ужасной засухи и неурожая были восстановлены кровавые шаманские жертвоприношения тэнгриам (небесным божествам), усилен исчезающий культ онгонов, несколько человек были посвящены в шаманы. По сведениям собирателя, «в одном только небольшом районе Шандали было принесено в жертву до 200 овец в течение почти одной недели» [Жамцарано, 1909. С. 380].

Во время поездки Ц. Ж. Жамцарано собрал более 100 предметов шаманского культа. Среди них значительный интерес представляет комплекс атрибутов прошедшего все девять степеней посвящения великого шамана-заарина Хонжон-Дагбо из района Нарин-Хундуй. Эти атрибуты были конфискованы у шамана ламским духовенством, возглавляемым яростным борцом с шаманизмом тибетским ламой чойжоном Сетабом, и приготовлены для со-

жжения. Как отмечает в своем путевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано, «в массе в это время ходили страшные слухи о том, как чойжон расправляется с шаманами, с принадлежностями культа и с черными духами» [Жамцарано, 2001. С. 277]. По рассказам местных жителей, «он уничтожил принадлежности шамана Бадмахан(?), разбил толи, майхабши, что можно было сжечь — сжег, а металлические предметы, сломавши топором и молотком, закопал в яму, а, чтобы из ямы не выскочили, завалил камнями, надписал тарни и т. д.» [Жамцарано, 2001. С. 277].

Поставив своей целью спасти от сожжения и приобрести для музейного собрания ритуальные атрибуты шамана Хонжон-Дагбо, Ц. Ж. Жамцарано уговорил представителей бурятской администрации и свиту чойжона не уничтожать их, а отдать ему для музея, обещая заплатить «и шаману и всем, если понадобится» [Жамцарано, 2001. С. 283]. Чтобы получить шаманские вещи, собиратель использовал все бывшие в его распоряжении средства — показывал свои бланки от наместника, от Русского музея Императора Александра III и т. д. В путевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано описывает свою встречу с чойжоном: «Убедившись, что я не для черной религии собираю шаманские вещи, а для хранения в „Царском музее“, он согласился уступить арестованные вещи и благословил ударом ладони по голове за хорошее дело. „Смотри, доставь наверняка вещи, куда следует, — сказал чойжон. — А для того, чтобы тебе не повредили злые духи, благословляю *зангяя*“ — и надел на шею полоску хадака, предварительно освятив ее плевком и дуновением. Я принял, конечно, с подобающим благословением и благодарностью» [Жамцарано, 2001. С. 283].

Цыбена Жамцарановича волновала этическая сторона приобретения таким образом шаманских предметов. Вот что он пишет по этому поводу в своем дневнике: «Меня страшно мучило сознание, что вещи отобраны насильно, а я не постеснялся взять их себе. Но когда подумал, что, если я не возьму их, то они будут уничтожены, и наука лишится единственных в своем роде предметов, появлялось у меня мужество, и я готов был отдать все мои деньги,

чтобы приобрести такую коллекцию» [Жамцарано, 2001. С. 284]. Как отмечал Ц. Ж. Жамцарано, «коллекция была чудная, но не совсем полная. Не хватало двух очень важных предметов — толи (медное зеркало) и ташур (бич), имеющих значение амулета, без которых шаман хори-бурятский не может шаманить» [Жамцарано, 2001. С. 284], однако вскоре и эти два атрибута дополнили коллекцию собирателя. Через несколько дней после изъятия буддийским духовенством культовых принадлежностей шамана Хонжон-Дагбо, он сам явился к тибетскому ламе, «покаялся в невежестве, отрекся от шаманства и, одобрив факт конфискации его вещей, преподнес чойжону свои последние орудия — толи и ташур» [Жамцарано, 2001. С. 286; Архив РЭМ 1905–1907 (2). Л. 3 об.], которые также были переданы Цыбену Жамцарано для музея.

Спасенный от сожжения набор атрибутов шамана-заарина Хонжон-Дагбо, насчитывала 21 предмет культа (2 ед. хр. исключены в 1955 г.). Рассмотрим их подробнее.

Головной убор *майхабши* (РЭМ. Колл. № 783-1) представляет собой железную корону, которая состоит из обруча, надеваемого

на голову, и двух перекрещивающихся дуг, составляющих верх короны. К дугам прикреплены два железные рога, имеющие по четыре ветви, а между ними перья филина. Коса *гызыгэ* на затылочной части короны представляет собой длинную железную цепь, состоящую из пяти звеньев. К короне подвешены белые хадаки, ленточки, шкурки хорьков, жгуты-змеи, являющиеся подношениями верующих. Головной убор *майхабши* использовался шаманами при больших священнодействиях.

Под железную корону *майхабши* надевалась шапка *малгай*, сшитая из шкуры дикой козы с медвежьим околышем-наглазником (Рис. 1) (РЭМ. Колл. № 783-2). К верхушке шапки прикреплена кисть *залаа*, составленная из подношений шаману: белых хадаков, цветных ленточек, вороньего пера и двух полос из цветной материи с шелковыми кисточками и кораллами. По информации собирателя, «шапка с наглазником *һарабши* употребляется, главным образом, при случаях, когда надо воплотить в себя тунгусского духа *хамниган онго орулхо*» [Коллекционная опись РЭМ № 783].

Железные конные трости *хорьбо* (РЭМ. Колл. № 783-8/1,2) представляют собой пару

Рис. 1. «Малгай» – головной убор шамана Хонжон-Дагбо. Забайкальская обл., Читинский у., Агинское вед., падь Нарин-Хундуй. Кон. XIX в. Буряты. Собиратель Ц. Ж. Жамцарано. 1905 г. РЭМ. Колл. № 783-2

четырёхгранных металлических стержней с изображением конской головы в верхней части. К тростям привязаны разноцветные ленты и жгуты (подношения верующих), а для обозначения седла, гривы, ног и хвоста коня прикреплены кольца с конусовидными подвесками и миниатюрными изображениями орудий для борьбы со злыми духами. Трости *хорьбо* символизировали коня, на котором шаман совершал свои «путешествия» по мирам Вселенной. Бурятский шаман получал конные трости после своего первого посвящения. Во время камлания он брал их в обе руки, опирался на них, кружась и постукивая. В остальное время трости хранились в щели между стеной юрты и крышей. Обычно конные трости изготавливали из дерева (березы), железные встречались очень редко — только у могущественных шаманов-зааринов, прошедших все девять степеней посвящения.

Бубен *хэсэ* с колотушкой *тойбур* (РЭМ. Колл. № 783–11/1,2) имеет яйцевидную форму, без рисунков на обтяжке, с тонкой деревянной обечайкой. К ней на концах поперечной оси прикреплены колечки с железными подвесками *холбого*, а сверху — разноцветные ленточки, хадаки и жгуты-змеи. С внутренней стороны обечайки по бокам прикреплены железные скобы «уши бубна», на которые нанизано по девять металлических круглых пластин. Как отмечает собиратель, «по звукам кружков во время служения хороший шаман может узнавать разные тайны на земле, под землей и на небесах» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Бубен изготавливался шаманами по истечении нескольких лет со времени первого посвящения. Как и конные трости, он символизировал ездовое животное, на котором шаман во время камлания совершал свое путешествие по мирам Вселенной. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, в год его экспедиции (1905) «у северобайкальских шаманистов почти не было шаманов и шаманок с бубнами, а у забайкальских буддистов все шаманы и шаманки имели бубны, майхабши и пр. уборы» [Коллекционная опись РЭМ № 783].

Бич *ташуур* (РЭМ. Колл. № 783–9) состоит из древка, ременного плетеного хвоста и

подвесок. Древко изготовлено из трех прутьев таволги, сложенных вместе; снизу к нему прикреплена рукоятка из оленьего рога с кожаной петлей на конце. К древку бича подвешено девять колечек с множеством разноцветных ленточек, *холбого*, миниатюрными орудиями шамана: железным топориком, трехгранным копьем и медным молоточком. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, «в шаманских правилах о „ташууре“ говорится, что древко должно делаться из трех таволожких прутьев „сухай“, взятых с трех гор (гурба улыйн сухай), ручка должна быть из рога трехлетней оленьей самки (гунжин хандгайн ыбыр), а петля из шкуры тайменя (гутар)». [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Как отмечает собиратель, «в данном экземпляре не по правилу сделана только петля» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Бич являлся одним из основных атрибутов хори-бурятских шаманов. Согласно информации Ц. Ж. Жамцарано, «без бича почти никакая служба не возможна; все обычные службы, не требующие наития, исполняются при помощи одного бича» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. При этом собиратель описывает, каким образом используется данный атрибут: «Шаман держит бич в правой руке и под такт своему пению помахивает им сверху вниз. Бич шамана носит характер амулета и оберегается весьма тщательно» [Коллекционная опись РЭМ № 783].

Медное зеркало *толи* Рис. 2 (РЭМ. Колл. № 783–10) представляет собой круглый бронзовый диск, на лицевой стороне которого нанесено чеканное изображение орла с широко раскинутыми крыльями. На обратной стороне зеркала изображены знаки 12-летнего животного цикла, при этом примечательно, что вместо знака обезьяны изображена звезда. Подобная замена известна также в алтайском календаре. Звезда представляет собой условное изображение созвездия Плеяд, по которым буряты, как и многие другие народы Сибири, вели свое летоисчисление. Замена знаков, вероятно, связана с созвучием названий в тюрко-монгольских языках: бишин, бичи, бечин, мечин — обезьяна; мишин — звезда, созвездие Плеяд [Коллекционная опись РЭМ № 783; Иванов,

Рис. 2. «Толи» – зеркало медное бурятской работы, с чеканным изображением орла – ритуальный атрибут шамана Хонжон-Дагбо. Забайкальская обл., Читинский у., Агинское вед., падь Нарин-Хундуй. Кон. XIX в. Буряты. Собиратель Ц.Ж. Жамцарано. 1905 г. РЭМ. Колл. № 783-10

1954. С. 625; Хангалов, 1958. С. 322]. К зеркалу прикреплена ременная петля для надевания на шею, к которой подвешено множество ленточек, белых хадаков и обломок кабаньего клыка. Как отмечает Ц. Ж. Жамцарано, толи «составляет самое важное сокровище бурятского шамана и служит хранителем (его) святости и величия <...> Как святыня толи оберегается с большим вниманием» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Зеркало *толи* шаман надевал во время камлания, оно также употреблялось шаманами как средство ворожбы, как отмечает собиратель, на нем «могут отражаться события всех трех времен» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Ворожба, по сведениям Ц. Ж. Жамцарано, производилась «двояким путем: или шаман смотрит в зеркало (толидо хархо), или же ударяет в него и прислушивается к звуку (толе тошихо)» [Коллекционная опись РЭМ № 783].

В данной коллекции содержатся еще два экземпляра аналогичных зеркал толи — одно из них, принадлежавшее, «шаманствующему» ламе Тахиру Боролдою из пади Зутхули (РЭМ. Колл. № 783–22), второе — шаманке Ахановой

из пади Ульдурга (РЭМ. Колл. № 783–51). Все эти бронзовые зеркала бурятского производства. Изображение орла представляет собой наиболее существенное отличие данных бурятских *толи* от классических китайских, лицевая поверхность которых всегда гладкая. Очевидно, это связано с культом орла, имевшим широкое распространение среди тюрко-монгольских народов. У бурят орел считался одним из наиболее могущественных духов-предков и покровителей шамана. В мифах и шаманских текстах он представлялся царем птиц, первым шаманом на земле.

Комплекс атрибутов шамана Хонжон-Дагбо включает также многочисленные жгуты, изображающие змей *абарга*. К ним относится *оргой* — подвеска к плечу шаманского костюма, состоящая из множества одноголовых, трехголовых и пятиголовых змей во главе с пятнадцатиголовым царь-змеем *абарга могой* (РЭМ. Колл. № 783–3). Другой пятнадцатиголовый змеиный царь *абарга могой* (РЭМ. Колл. № 783–4), сделанный в виде жгута из козьих лапок, «служит для верховой езды шамана во

время экстаза и во время столкновений с другими шаманами <...> также считается оборотнем шамана» [Коллекционная опись РЭМ № 783]. В коллекции содержится пара одноголовых змей (РЭМ 783–7/1,2), представляющих царя змея с супругой, которые «служат в качестве амулетов, оберегающих юрту шамана от напастей» [Коллекционная опись РЭМ № 783]; ими опоясывается юрта с внутренней стороны. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, «опоясывание юрты змеями — чрезвычайно редкое явление в современном бурятском шаманстве. В старину оно наблюдалось у знаменитых шаманов и шаманок» [Коллекционная опись РЭМ № 783].

Среди спасенных от сожжения шаманских предметов имеется также *оргок* — шкура черного трехгодовалого барана с головой и копытами, являющаяся подношением тенгрию войны и кузнечества Хихан (бур.: Хиһан) Улан Тенгрию. Шкура вешалась внутри юрты на северо-западной стороне — в направлении, где обитает на небе Хиһан Улан Тенгри (РЭМ. Колл. № 783–13).

Собранный Ц. Ж. Жамцарано набор принадлежностей шамана-заарина Хонжон-Дагбо представляет собой уникальный и ценнейший материал по шаманизму забайкальских бурят.

В Агинском ведомстве случаи отречения от шаманства были не единичны, что способствовало пополнению коллекции собирателя шаманскими атрибутами. Так, шаманка-старуха Окдой (Онгодой) из пади Адгалик «отрекалась от шаманства и поднесла чойжону свои шаманские вещи» [Жамцарано, 2001. С. 286], которые также были отданы Цыбену Жамцарановичу для музея. Комплект включает бубен с колотушкой (РЭМ 783–29/1,2), шаманский бич с камышовым древком (РЭМ 783–30), деревянные конные трости (РЭМ 783–31/1,2) и слегка сломанную железную корону *майхабши*, получившую повреждение в результате пляски над ней чойжона [Жамцарано, 2001. С. 286].

Сбору коллекции способствовали также личные дружеские и родственные отношения Цыбена Жамцарано с местными бурятами. Так, например, набор ритуальных атрибутов шамана Гозона Доржиханова из пади Судунту был получен собирателем благодаря их давне-

му знакомству и родству по бабушкиной линии. Как отмечает Ц. Ж. Жамцарано, «шаман был знаком со мной уже давно и обещал отдать свои принадлежности. Я со своей стороны обещал заплатить наличными деньгами рублей 10–20» [Жамцарано, 2001. С. 290]. Весьма интересно, что до этого бурятский писатель и просветитель Шойжол-Лхамо Базаров (Базарон) «пытался взять у Гозона шаманские принадлежности, но последний отказался продавать или дарить» [Жамцарано, 2001. С. 291]. Своими ритуальными атрибутами шаманы очень дорожили. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, «продавать, впрочем, никто из шаманов не решится, но отказаться или подарить могут, за это собиратель должен подарить деньги „вместо хадака“ или на свечи перед бурханами» [Жамцарано, 2001. С. 291].

Гозон Доржиханов был потомственным шаманом из рода харгана, в молодости «учился у трех великих в то время шаманов» и вместе с тем искренне верил в учение Будды, «посылал мандал-данчиг Банчен-богдо и Далай-ламе», был посвящен в буддисты [Жамцарано, 2001. С. 290]. В 1905 г. Гозон был уже слепым стариком, «давно он не шаманил, и его вещи лежали за сундуком спрятанными» [Жамцарано, 2001. С. 291]. В своем путевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано подробно описывает процесс передачи ему этих культовых атрибутов. «Перед тем, как дать мне свои шаманские принадлежности, Гозон довольно долго колебался. Видно было, что ему жалко расставаться с давнишними друзьями. Когда достал из-за хойморой ханза (северный сундук) все свои шаманские предметы, спрятанные от нескромных очей, Гозон взял в руку хадак и стал читать отрывки из тибетских книг, обращение к буддам, потом приказал своей дочери окропить чистым молоком переданные мне вещи. Но окропление исполнил я сам, за что Гозон очень обрадовался. Я дал ему 10 руб. пока. Он обещал эти деньги пожертвовать на типографское дело для напечатания учения Будды на монгольском языке <...> Мелкие вещи я привязал к седлу, трости заткнул за пояс и поехал обратно домой, сопровождаемый добрыми пожеланиями старика». Приобретенный Цыбенем Жамцарано для

музея набор включает 12 атрибутов шамана Гозона Доржиханова. Это конусовидная шапка *малгай* с наглазной шелковой бахромой (РЭМ. Колл. № 783–34), железная корона *майхабши* с многочисленными подвесками в виде лент и жгутов-змей (РЭМ. Колл. № 783–35), деревянные конные трости *хорьбо* (РЭМ. Колл. № 783–36/1,2), бубен *хэсэ* с колотушкой *тойбур* (РЭМ. Колл. № 783–37, 38), *хун-шобуун* — подвеска-амулет к бубну в виде двух медных изображений летящих лебедей — самца и самки (РЭМ. Колл. № 783–39), бронзовое зеркало *толи* (РЭМ. Колл. № 783–40), шаманский бич с рукояткой из трех прутьев таволги (РЭМ. Колл. № 783–41), амулет *сахюсан*, состоящий из трех изображений кабанов *бодон гахай* и одного медведя *хара гүрөөнэн* (РЭМ. Колл. № 783–42), тряпка-обертка шаманских вещей (РЭМ. Колл. № 783–44) и шкурка хорька черногруда, имеющая значение амулета-хранителя (РЭМ. Колл. № 783–45). Среди атрибутов шамана Гозона весьма интересен амулет, возникший под влиянием буддизма (РЭМ. Колл. № 783–43). Он представляет собой колоколец, к которому

подвешены ленточки, белые хадаки, небольшое бронзовое зеркало *толи* с тибетской надписью «хун» и зеленый нефритовый наконечник стрелы, длиной 5 см, в серебряной оправе, имеющий значение громовой стрелы *аянгый сомун*.

В коллекции, собранной Ц. Ж. Жамцарано, содержатся также другие культовые атрибуты, появившиеся у шаманов в результате буддийского влияния, представляющие ценный источник для изучения религиозного синкретизма у агинских бурят [Федорова, 2022. С. 103–105]. К ним относятся культовые предметы, принадлежавшие шаману-ламаиту (*джочи, сагаан боо*) Тахиру Боролдою из пади Зутхули: медная жертвенная чашечка (РЭМ. Колл. № 783–27), амулет *пурбу*, в виде небольшого медного кинжалчика, длиной 5 см, с трехгранным лезвием и подвесками из коралловых и малахитовых бусин (РЭМ. Колл. № 783–25). Весьма интересен также медный кинжал *пурбу* с трехгранным лезвием и рукояткой, увенчанной полуваджрой Рис. 3 (РЭМ. Колл. № 783–24). К кинжалу подвешены 9 конусовидных трубочек *холбого*, ленточки и белые хадаки. Данное *пур-*

Рис. 3. Кинжал «пурбу» – ритуальный атрибут шамана-ламаита Тахира Боролдоя. Забайкальская обл., Читинский уезд, Агинское вед., падь Зутхули. Кон. XIX в. Буряты. Собиратель Ц.Ж. Жамцарано. 1905 г. РЭМ. Колл. № 783-24

бу Тахир Боролдой использовал вместо шаманской плети *ташуур* в обрядах, исполняемых в форме буддийской службы. Взаимозаменяемость данных атрибутов в обрядовой практике *джочи* обусловлена их типологическим сходством. Кинжал *пурбу* в тибетском буддизме так же, как и шаманская плеть служил ритуальным оружием в борьбе с враждебными силами.

В наборе культовых атрибутов шаманки Ахановой (Аханай удган) из пади Ульдурга среди типичных для камлания принадлежностей, которые использовались при совершении ритуальных действий по «черному обряду», имеются также атрибуты, возникшие под влиянием буддизма. К ним относятся шаманские четки *эрхи* (РЭМ. Колл. № 783–52), состоящие из 97 зерен — плодов растения, названного собирателем «лунтан», имеющих вид черных блестящих бусин, «величиной с черемуховую ягоду», а также трех малахитовых, одной стеклянной и одной белой коралловой (сааган шуру) бусин. К четкам подвешены кисти из черных шелковых нитей. [Коллекционная опись РЭМ № 783]. Подобный экземпляр шаманских четок содержится в коллекции Б. В. Вампилова, собранной двумя годами позже (1907) в Аларском ведомстве Балаганского уезда Иркутской губернии (РЭМ. Колл. № 1275–20). В отличие от ламских четок зерна шаманских были несколько крупнее и, как правило, черного цвета. Количество зерен не имело сакрального значения и строго не регламентировалось. Бурятские шаманы использовали четки для ворожбы. Перебирая зерна четок, они гадали о смерти, будущем благе или надвигающейся беде, также предсказывали погоду — дождь или засуху. Среди атрибутов шаманки Ахановой имеются два бича. Один из них, с рукоятью из трех прутьев таволги *сухай* (РЭМ. Колл. № 783–49), использовался ею для служения по «черному обряду», второй бич, имеющий рукоять из красной меди, с навершием в виде полуваджры (РЭМ. Колл. № 783–50), был предназначен для служения по «белому» обряду, имеющему характер буддийской службы.

В коллекции Ц. Ж. Жамцарано содержатся также найденные в пади Шандали на месте жертвоприношения в числе брошенных

шаманских вещей шкурки колонка и белки, рисованные изображения солнца и луны, берестяные свертки, подвески-ленточки, подносимые духам местности (РЭМ 783–91–94, 97–99). Такие наборы жертвенных предметов использовались шаманами во время тайлганов и в других районах Агинского ведомства. Собирателю удалось присутствовать на одном из таких жертвоприношений. Оно проводилось 18 июля 1905 г. в 8–9 верстах от Агинского дацана, придумскими бурятами в несколько десятков юрт. «Место, где обычно происходил ежегодный тайлган хонинхошунских бурят с прилегающими падами, находилось в 2 верстах от юрты шамана, на открытом поле недалеко от леса» [Жамцарано, 2001. С. 259].

В своем путевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано подробно описал не только сам тайлган, но и процесс приготовления к нему. В записях собирателя содержатся весьма интересные сведения об изготовлении шаманом изображений солнца, луны и других жертвенных предметов. «Подъезжая к юрте шамана, который должен был совершить жертвоприношение — тайлган, мы заметили, что на дворе варилось мясо — целый баран <...> съезжались со всех сторон буряты. <...> Сам шаман был страшно занят рисованием солнца и луны на миткале, что едва поднял голову и спешно произнес: «Мэндөө, Мэндөө!». Солнце было нарисовано на желтом лоскутке, а луна — на белом. Краской служил камень *зуһа*, красноватого цвета, натертый в порошок и разведенный в воде. Кроме солнца и луны еще были скроены лоскутки, изображающие горностаю, белку и пр<очих> зверьков, подносимых духам местностей. Были изготовлены миниатюрные березовые грабли, остроконечные палочки и 12 миниатюрных чашечек из теста» [Жамцарано, 2001. С. 258–259]. Эти изображения, шкурки и ленточки подвешивались на срубленные и связанные вместе березки, лиственницы, яблони и другие деревья в качестве жертвы духам. Такое сооружение называлось *обоо*. После проведения тайлгана все жертвы и другие атрибуты обряда оставляли на месте, что дало возможность Ц. Ж. Жамцарано собрать несколько таких образцов для музея.

Большую помощь в сборе шаманских коллекций Цыбену Жамцарановичу оказывали сочувствующие его работе местные буряты: «интеллигентный и умный бурят» Цырен-Даши Цыденов, бывший заседатель Думы, местный бурят Боролдой, приятель Жамцарано Жамьян Гармаев и др. В своем полевом дневнике Жамцарано описывает, как проходила работа по сбору коллекции. «С Цырен-Даши объезжали по айлам и хотонам разыскивая предметы шаманского культа и расспрашивая о значении того или другого предмета. На помощь пригласили еще одного бойкого бурята Боролдою, фанатичного приверженца шаманства. Он так был хитер, что умел нас направить к тем бурятам, которые или состарились, или разочаровались, для того, чтобы жалеть онгоны (шаманские онгоны и статуи), но к себе не подпускал. У Боролдою, по его собственным словам, было полное собрание онгонов, но он даже показывать их нам не соглашался. Собрали мы коллекцию, целый кулек» [Жамцарано, 2001. С. 278–279]. В кратком отчете о поездке Жамцарано пишет: «Так как весьма трудно достать подлинники онгонов, и они весьма разнообразны и многочисленны у каждого поколения и рода, — то для добывания их требуется некоторое умение и такт. Впрочем, располагая достаточным временем и небольшой суммой денег, всегда возможно то тут, то там достать нужные экземпляры» [Жамцаранов, 1906. С. 37].

В результате Ц. Ж. Жамцарано была собрана ценнейшая коллекция, содержащая 30 онгонов, бытовавших у бурят в районах Адгалик, Зутхули, Шандали, Кужиртай Агинского ведомства.

Основная часть онгонов — это женские, или семейные, охраняющие домашний очаг и детей, способствующие плодовитости супругов, покровительствующие семейному счастью: *хойморойхи* — «хранимый на северной половине юрты» (РЭМ. Колл. № 783–65, 68, 71, 72), *улан дэгэлту* — «имеющий красный костюм» (РЭМ. Колл. № 783–73–75), *Мынгылэн басаган* (РЭМ. Колл. № 783–76), *хамга ижи* — «баба-матушка» (РЭМ. Колл. № 783–80), *монгол* (РЭМ. Колл. № 783–81), *ундур эзэн* — «высокий господин»

(РЭМ. Колл. № 783–82), *хулбурийн узурэйхи* (РЭМ. Колл. № 783–83). В коллекции также имеются лечебные онгоны: *хэстэ* — «имеющий бубен» (РЭМ. Колл. № 783–60, 62), *холонгто* — «имеющий шкурку хорька» (РЭМ. Колл. № 783–61, 63), *хунэ онгон* — «девушка онгон» (РЭМ. Колл. № 783–64, 77, 85) и скотоводческие онгоны: *дабай* (РЭМ. Колл. № 783–59), *хошоньид* (РЭМ. Колл. № 783–66, 67) и *шандагто* — «имеющий шкурку зайца» (РЭМ. Колл. № 783–69, 70).

По преданиям бурят бодонгутского рода, онгоны прибыли вместе с ними с реки Хилок, «спрятавшись в переметных сумках, в сундуках, мешках и т. п.» [Жамцарано, 1909. С. 380]. Специфика онгонов агинских бурят, особенности изображений и их семантика представляют большой научный интерес. Практически все они уникальны и не имеют аналогов в бурятском собрании Российского этнографического музея. Только несколько подобных экземпляров можно встретить в коллекции Б. В. Вампилова (кол. РЭМ № 1275), собранной двумя годами позже, но и они принадлежат аларским бурятам, имеют свою специфику и значительные отличия в понимании их происхождения и назначения. Собранная в Агинском ведомстве коллекция была описана Ц. Ж. Жамцарано и положена в основу его статьи «Онгоны агинских бурят», опубликованной в 1909 г. в сборнике ИРГО в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина.

В мае 1906 г. состоялась вторая экспедиция Ц. Ж. Жамцарано в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. Для сбора коллекций на заседании ЭО Русского музея 14 апреля 1906 г. было принято решение ассигновать ему 300 рублей [Архив РЭМ 1905–1907 (1). Л. 33].

В Верхнеудинском узде Забайкальской области на горе, находящейся недалеко от Анинской Степной думы, на месте погребения давно умершего хоринского шамана им были найдены и переданы в ЭО медная маска онгона Абагалдай и два железных стремени, принадлежавшие шаману (РЭМ. Колл. № 1149). В поисках шаманского захоронения Цыбену Жамцарано помогал его приятель местный бурят Цырен Бадмаев. Как отмечает собиратель в своем путевом дневнике,

вместе с Ц. Бадмаевым они «ходили на гору искать шаманские вещи и нашли один очень ценный предмет — железную маску шамана, уже давно вышедшую из употребления» [Жамцарано, 2001. С. 321]. Маска онгона Абагалдай Рис. 4 (РЭМ. Колл. № 1149–1) представляет изображение человеческого лица с прорезями на местах глаз, рта и ноздрей. Надо лбом и по краям в местах ушей подвешены медные конусовидные трубочки *холбого*. Согласно информации Жамцарано, данной в коллекционной описи, «онгон Абагалдай, изображенный в виде маски, представляется бурятами знатным воином. Маска, очевидно, надевалась шаманом, когда надо было воспроизвести Абагалдая» [Коллекционная опись РЭМ № 1149]. По другой легенде, записанной Ц. Ж. Жамцарано, «Абгалдай считался хамниганом, который любил курить табак, был женат на шаманке по имени *Һэтэрхээн* — дочери Гуулин хана и имел единственного сына по имени Баахан. Когда жена ушла по своим шаманским делам, Абгалдай остался со своим сыном дома. У него закончился табак, и он пошел к

Рис. 4. «Абагалдай» – шаманская медная маска, изображающая знатного воина. Забайкальская обл., Верхнеудинский у. Пер. пол. XIX в. Буряты. Собиранье Ц. Ж. Жамцарано. 1906 г. РЭМ. Колл. № 1149-1

соседям оставив спящего сына одного. Во время его отсутствия сын проснулся и вышел из дома, а в это время поднялся сильный вихрь, который подхватил его, бросил в реку и он утонул» [Хүхэ мүнхэ тэнгэри, 1996. С. 229. Цит. по: Гомбожапов, 2018. С. 6]. Когда шаманка вернулась домой и узнала о смерти сына, то рассердившись, отрубила голову Абагалдаю и бросила в Ангару. Хозяин реки разгневался и напустил болезнь на 15 юрт. Тогда верующие, договорившись, почтили голову Абгалдая обрядом *дэгдээхү* (вознесения) и отправили духа умершего в Верхний мир. С тех пор стали почитать Абагалдая как онгона [Жамцарано, 2001. С. 134–135]. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, «в прошлом буряты маску Абгалдая изображали в натуральную величину в виде кожаной, медной и деревянной маски с бородой и красными глазами, в шапке с пером филина на макушке, с желтыми металлическими подвесками с шаманской железной короной» [Гомбожапов, 2006. С. 121]. Как отмечает исследователь бурятской культуры А. Г. Гомбожапов, «в связи с широкой известностью Абгалдая у хори-бурят он является непременно участником обряда посвящения в шаманы, и является одним из ключевых духов-помощников шамана» [Гомбожапов, 2018. С. 10]. Маска онгона Абагалдай является уникальной в собрании РЭМ; снабженная подробным описанием собирателя, она представляет большую научную ценность для изучения шаманских традиций хоринских бурят.

Значительный интерес представляют этнографические предметы, собранные Ц. Ж. Жамцарано по поручению Этнографического отдела Русского музея во время поездок в Аларское ведомство Балаганского уезда Иркутской губернии в 1906–1907 гг. Они составили три тематические коллекции (кол. 859, 1150, 1165).

Коллекция РЭМ № 1165 содержит более 40 предметов по шаманизму и быту аларских бурят. Сбор этнографических материалов был сопряжен с определенными трудностями. Как отмечает Ц. Ж. Жамцарано, «буряты считают за грех продавать старинное платье (как, например, *дэгэл*), оружие — луки, стрелы и пр. Часто очень хорошие и интересные вещи уничтожаются на похоронах, дабы покойный не нуждался

ся в них» [Жамцарано, 2001. С. 338–339]. Сложно было приобрести даже устаревшие или ненужные онгоны. С ними совершали обряд «онго харюулхо» — проводы онгонов, а затем после ритуального прощального обеда сжигали. Как с сожалением отмечает в своем путевом дневнике Ц. Ж. Жамцарано, «ни за что не соглашались выдать их мне вместо сжигания» [Жамцарано, 2001. С. 338]. Однако в сборе коллекции Цыбену Жамцарановичу помогли знания бурятских традиций, психологии и умение наладить контакт с местным населением. Так, например, собирателю удалось найти очень бедную семью, имеющую много онгонов. В своем путевом дневнике он пишет: «...решили уговорить семью воспользоваться моим приездом и сопроводить онгонов, т. к. все равно по бедности не могут их ни потчевать, ни отставить. Для переговоров отправили Михайлова, который очень удачно исполнил свою миссию. Я обязался взять на себя все расходы, нужные для прощального кормления онгонов. Водки пришлось купить на 6 руб.» [Жамцарано, 2001. С. 344]. На следующий день посетили бурята Моршонхо Мунгулееву — «старика 75 лет, больного, совершенно дряхлого», у которого и должны были взять онгоны. По воспоминаниям Ц. Ж. Жамцарано, «было очень трогательно, как старик дрожащим голосом прощался с фамильными онгонами. Обряд харюулхо совершил сам старик. Я прочел по-ламски ирөөл¹, „О ниспослании всяких благ“. Прочел по-монгольски. На обряд съехалось много народу и перепились» [Жамцарано, 2001. С. 344].

В результате за время экспедиции Ц. Ж. Жамцарано было собрано для ЭО Русского музея восемь онгонов, значение которых собирателю объяснил шаман Василий Хамбуев. [Жамцарано, 2001. С. 345]. Среди них родовой онгон старца Борто (Бурту), представляющий собой деревянный маскоид, изображающий лицевую часть головы старца (РЭМ. Колл. № 1165–1). Маскоид имеет большой прямой нос, глаза и рот отмечены прорезьями, волосы, баки и брови — коричневым мехом; борода и усы утеряны. Для подвешивания на стену к

онгону прикреплена ременная петля. По сведениям собирателя, «онгон изображает великого шамана, а по другой версии — воина из рода Хангин» и «почитается бурятами рода Хангин или теми, которые вошли в родственные отношения с хангинцами путем брака» [Коллекционная опись РЭМ № 1165].

Различные варианты онгона двух хоринских девушек (РЭМ. Колл. № 1165–2–7) представляют собой рисованные на лоскутках ткани изображения двух девушек-заянок — богинь, охраняющих людей от злых духов и помогающих при всевозможных болезнях. Онгоны двух хоринских девушек были очень популярны среди бурят Иркутской губернии. Они относились к группе женских родовых онгонов, изготавливались самими женщинами и составляли их собственность. Все онгоны имеют футляры с петлей для подвешивания в юрте и заполненные кусочками жертвенного чая, сахара, хлебными зернами, табаком и пр.

Зурактан онгон — рисованный (РЭМ. Колл. № 1165–9) представляет 27 человеческих фигур, нарисованных в три ряда на синей ткани. Фигуры изображают знаменитого аларского шамана с 8 сыновьями. По сведениям Ц. Ж. Жамцарано, «онгон делается против болезней глаз; помещается на дворе где-нибудь под сараем, под крышей» [Коллекционная опись РЭМ № 1165].

Среди других культовых предметов в коллекции имеются голенная кость барана, использовавшаяся в семейных обрядах (РЭМ. Колл. № 1165–10), амулет *зеле* в виде волосной веревки с подвесками, охраняющий благополучие и плодovitость рогатого скота (РЭМ. Колл. № 1165–8), стрелы счастья *далангайн homo*, которые использовали в обряде призывания счастья *далга* как шаманисты, так и буддисты. (РЭМ. Колл. № 1165–11–13). Стрелу втыкали в специальное деревянное ведро, наполненное жертвенным мясом барана и молочными продуктами. Шаман или лама, держа в руках это ведро, совершал обряд призывания божеств, прося у них счастья, изобилия и благополучия.

Стрела счастья Рис. 5 (РЭМ. Колл. № 1165–13) представляет собой облавную стрелу с большой свистящей головкой и ромбовидным

¹ ирөөл — (монг.: ерөөл) благопожелание.

Рис. 5. «Далангайн номо» – стрела счастья с футляром. Иркутская губ. Балаганский уезд, Аларское вед. Кон. XIX в. Буряты. Собиратель Ц. Ж. Жамцарано. 1906 г. РЭМ. Колл. № 1165-13/1,2

металлическим наконечником. К древку подвешены цветные миткалевые ленты, шелковый хадак и красный мешочек с зернами и медными монетами времен Екатерины II и Александра I, которые составляют приношение стреле. В мешочек также положены два кусочка олова, использовавшиеся в обряде ворожбы. Данная стрела счастья использовалась также и в лечебных обрядах. К концу ее древка рядом с опереньем привязан шнур, свитый из сиреневых шерстяных нитей, который играл роль проводника при привлечении счастья, а также при призывании покинувшей тело души больного. Стрела имеет деревянный цилиндрический футляр для хранения.

Коллекция включает также луки, колчаны, стрелы (РЭМ. Колл. № 1165–15–20), занавесы для стен юрты (РЭМ. Колл. № 1165–21–26), обувь (РЭМ. Колл. № 1165–30/1,2–33/1,2), девичью и женскую одежду (РЭМ. Колл. № 1165–40–42), головные уборы женщин различных возрастных категорий (РЭМ. Колл. № 1165–34–39).

Среди этих предметов значительную историческую и этнографическую ценность представляет колчан *садак* (РЭМ 1165), о приобретении которого сохранились записи в полевых материалах собирателя. 27 декабря 1906 г. Ц. Ж. Жамцарано пишет в путевом

дневнике: «С народным учителем Борисом (или Баярта) Вампиловым собираем коллекции в музей. Он бурят честолюбивый и очень дорожит фамильными вещами. У одного родственника Вампилова — у бурята Дорджи Хараева (хамхалов), улус Хигинский, облюбовали великолепный саадак. Если ценить на деньги, саадак стоил бы дорого, до ста рублей. Садаку было около 150 лет, тонкой работы. Когда Дорджи узнал, что его саадак будет храниться в царском музее, решил подарить свой саадак. Такие подарки подлежат, конечно, и отдариванию» [Жамцарано, 2001. С. 345].

В 1906 г. Ц. Ж. Жамцарано подарил Этнографическому отделу Русского музея сплетенный из конского волоса ковер *тар*, приобретенный им в Иркутской губернии у аларских бурят. Ковер был зарегистрирован в отдельную коллекцию Д. А. Клеменцем в апреле 1906 г. (РЭМ. Колл. № 859).

В апреле 1907 г. Ц. Ж. Жамцарано была собрана тематическая коллекция по буддизму аларских бурят (РЭМ. Колл. № 1150). Она включает буддийские предметы, приобретенные в Аларском дацане у настоятеля Н. Гармаева, ламы Данзан-Нима Васильева, других лам, а также у бурят-буддистов Аларского ведомства. Это рисунок «Четверо согласных», буддийские

атрибуты: мандалы, лампада, курильница, музыкальные тарелочки *дэнчик*, *ваджра*, сосуд *бумба*, головной убор ламы *алтан малгай*, а также амулеты *гуу* и *сахюсан*. Значительную ценность имеют уникальные для музейного собрания символические принадлежности буддийского погребального обряда, приобретенные Ц. Ж. Жамцарано в Аларском дацане. Данный экземпляр включает выкованные из железа миниатюрные инструменты: лопатки, мотыги, топор, лемех, тесло, шило, косу, а также кожаную сумочку для их хранения. Согласно сведениям собирателя, «они употребляются некоторыми аларскими ламами при погребении умерших. Употребление на похоронах орудий земледельческого быта объясняется тем, что аларские буряты успешно занимаются земледелием» [Коллекционная опись РЭМ № 1150].

Коллекция имеет большую научную ценность, так как является единственной в собрании РЭМ, содержащей предметы по буддийскому культу аларских бурят.

В настоящее время в Российском этнографическом музее хранится 5 коллекций, собранных Ц. Ж. Жамцарано в 1905–1907 гг. во время поездок в Забайкальскую область и Иркутскую губернию. Они насчитывают более 200 предметов, характеризующих различные стороны традиционной культуры бурят: религию, жилище, костюмы, вооружение. Среди них особую научную значимость имеют этнографические памятники, отражающие шаманские, буддийские традиции и шаманско-буддийский синкретизм. Как отмечает выдающийся этнограф и востоковед А. М. Решетов, исключительная ценность коллекций Ц. Ж. Жамцарано «в значительной мере объясняется монографичностью его сборов <...> именно Ц. Жамцарано является первым собирателем цельных коллекций по религиозным культам бурят» [Решетов, 1998. С. 10]. Коллекции Ц. Ж. Жамцарано, хранящиеся в собрании Российского этнографического музея, являются богатейшим достоянием науки, представляя собой редкий, а зачастую и уникальный источник для изучения религии и быта бурят конца XIX — начала XX вв.

Архивные материалы

Архив РЭМ 1901–1903: Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Журналы заседания Этнографического отдела Русского музея. 1901–1903. 111 лл.

Архив РЭМ 1905–1907 (1): Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Журналы заседаний Этнографического отдела Русского музея. 1905–1907. 130 лл.

Архив РЭМ 1905–1907 (2): Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 266. 1905–1907 гг. Переписка с Ц. Ж. Жамцарановым и М. Н. Хангаловым о собирании материалов по бурятской этнографии в Иркутской губ.; описи материалов; описание обрядов и промыслов; рисунки охоты. 47 л.

Коллекционная опись РЭМ № 783: Коллекционная опись Российского этнографического музея № 783. Собрана Ц. Жамцарановым на средства Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III в 1905 году. Азиатская Россия, Восточная Сибирь, Забайкальская область, Читинский уезд. Агинские хори-буряты. Шаманизм. Регистрировал Ц. Жамцаранов 25 января 1906 года.

Коллекционная опись РЭМ № 1149: Коллекционная опись Российского этнографического музея № 1149. От Ц. Жамцаранова. Собрана во время этнографической экскурсии в Забайкальскую область в 1906 году. Азиатская Россия. Восточная Сибирь. Забайкалье. Буряты. Регистрировал Ц. Жамцаранов 13 апреля 1907 года.

Коллекционная опись РЭМ № 1165: Коллекционная опись Российского этнографического музея № 1165. Собрана Ц. Жамцарано по поручению Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III в 1906 г. Иркутская губерния, Аларское ведомство. Буряты. Шаманство и быт. Регистрировал Ц. Жамцарано.

Коллекционная опись РЭМ № 1150: Коллекционная опись Российского этнографического музея № 1150. От Цыбена Жамцарано. Собрано по поручению Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III в апреле 1907 года. Иркутская губерния. Аларское ведомство. Буряты. Ламаизм. Регистрировал Ц. Жамцарано 30 апреля 1907 г.

Использованная литература

Гомбожапов, 2018: *Гомбожапов А. Г.* Представление об Абгалдае — духе-помощнике бурятских шаманов [The Idea of Abgaldai — the Spirit Assistant of the Buryat Dhamans] // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3(7). С. 5–18.

Гомбожапов, 2006: *Гомбожапов А. Г.* Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX вв.: истоки и инновации [Traditional Family and Ancestral Rituals of the Aga Buryats at the End of the 19–20 Centuries: Origins and Innovations]. Новосибирск: Наука, 2006.

Жамцарано, 1909: *Жамцарано Ц. Ж.* Онгоны агинских бурят [Ongons of the Aga Buryats] // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIV. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума (отделение), 1909. С. 379–395.

Жамцарано, 2001: *Цыбен Жамцарано.* Путевые дневники: 1903–1907 гг. [Travel Diaries: 1903–1907] / отв. ред. Ц. П. Ванчикова; сост. В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.

Жамцаранов, 1906: *Жамцаранов Ц.* Краткий отчет о поездке к бурятам с научной целью, по поручению Русского Комитета [A Brief Report on a Trip to the Buryats for Scientific Purposes, on Behalf of the Russian Committee] // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 6, декабрь 1906 г. СПб., 1906. С. 34–38.

Иванов, 1954: *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири (XIX — начало XX в.) [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia (19 — early 20 Century)]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Образцы народной словесности, 1918: Образцы народной словесности монгольских племен [Samples of The Folk Literature of The Mongolian Tribes] / Ц. Ж. Жамцарано. Т. I. Вып. 3. Пг.: Типография Российской академии наук, 1918.

Решетов, 1998: *Решетов А. М.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано [Science and Politics in the Fate of Ts. Zh. Zhamtsarano] // Orient: Альманах. Вып. 2/3: Исследователи Центральной Азии в судьбах России. СПб., 1998. С. 5–55.

Федорова, 2022: *Федорова М. В.* Влияние буддизма на шаманскую практику забайкальских бурят (по материалам коллекции Ц. Ж. Жамцарано из собрания РЭМ) [The Influence of Buddhism on the Shamanic Practice of the Trans-Baikal Buryats (based on the Materials of the Collection of Ts. Zh. Zhamtsarano from the Collection of REM)] // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. 23–25 декабря 2002 г. СПб., 2002. С. 103–105.

Хангалов, 1958: *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений [Collected Works]. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958.

Хүхэ мүнхэ тэнгэри, 1996: Хүхэ мүнхэ тэнгэри. Сборник шаманских призываний [Collection of Shamanic Invocations]. Кн. I. Улан-Удэ: Республиканская типография, 1996.

COLLECTIONS OF TSYBEN ZHAMTSARANO IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

Marina V. FEDOROVA
Russian Museum of Ethnography

The article is dedicated to ethnographic collections formed by the outstanding orientalist Tsyben Zhamtsarano during his visits to the Trans-Baikal region and the Irkutsk Governorate in 1905–1907 on assignment from the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III. At present the Russian Museum of Ethnography preserves 5 collections of Ts. Zhamtsarano, which include more than 200 objects representing different aspects of traditional Buryat culture: shamanic and Buddhist traditions, shaman-Buddhist syncretism, dwellings, clothing, weaponry. The author analyses the content of these collections and traces the history of their acquisition based on field diaries, archival materials, publications and collection inventories of the Russian Museum of Ethnography.

Key words: Buryats, collections, shamanism, Buddhism, Diaries, Archives.

About the author: **Marina V. FEDOROVA**, Leading Researcher of the Department of Siberia and the Far East, Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, Russian Federation) (fedorovarme@mail.ru). ORCID 0000-0002-3703-8809.

К. В. АЛЕКСЕЕВ
Санкт-Петербургский Государственный Университет

О ДВУХ ВЕРСИЯХ «АРТХАВИСТАРА-СУТРЫ» В МОНГОЛЬСКОМ ГАНДЖУРЕ

За исключением Ганджура Пхугдраг, все доступные для изучения тибетские собрания канонических текстов содержат неполную версию сутры «Артхавистара». О том, что заключительный фрагмент текста утрачен, сообщается уже в каталоге Бутона, составленном к 1326 г. Списки, восходящие к монгольскому «Золотому Ганджуру» 1628–1629 гг., содержат перевод полной версии «Артхавистары», включая тибетский колофон, который указывает в качестве переводчиков и редактора текста Видьякарапрабху, Чокьи Гьялпо и Кава Пэлцэка. Вероятно, тибетский оригинал сутры входил в состав архаичного Ганджура, использованного монгольскими редакторами в качестве модели для составления автохтонного сборника. Монгольский ксилографический Ганджур 1717–1720 гг. содержит новый перевод «Артхавистары», осуществленный на основе неполной тибетской версии текста из пекинского издания тибетского канонического сборника. Этот факт указывает на то, что для редакторов монгольского канона XVIII в. приоритетным было его полное соответствие пекинскому Ганджуру, в данном случае даже в ущерб целостности текста сутры.

Ключевые слова: «Артхавистара-сутра», монгольский Ганджур, Ганджур Пхугдраг.

Об авторе: АЛЕКСЕЕВ Кирилл Всеволодович, старший преподаватель СПбГУ, Восточный факультет, кафедра монголоведения и тибетологии (Санкт-Петербург, Россия) (kirill.alekseev@spbu.ru). ORCID 0000-0002-5729-9635.

© Алексеев К. В., 2024

Принято считать, что монгольский Ганджур сохранился до наших дней в двух так называемых редакциях¹. Старшая из них представлена рядом списков, которые восходят к «Золотому Ганджуру», составленному в правление Лигдэн-хана Чахарского в 1628–1629 гг.² Вторая, ксилографическая, была выполнена в 1717–1720 гг. в Пекине под эгидой императора Канси.

Если на настоящем этапе исследований можно с уверенностью утверждать, что вторая монгольская редакция была структурирована по образу и подобию одного из

пекинских ксилографических изданий тибетского канона (далее Q)³, то сборник, который мог послужить моделью для составления «Золотого Ганджура» Лигдэн-хана до сих пор не обнаружен. Состав и структура списков первой редакции существенно отличаются от всех известных на сегодняшний день тибетских собраний буддийских канонических сочинений⁴. Помимо этого, монгольские рукописные Ганджуры содержат переводы ряда

³ Вероятнее всего, 1700 или 1717–1720 гг. Подробнее см. [Алексеев, 2015. С. 212–213].

⁴ Согласно классификации, принятой в тибетологии в последние десятилетия, существует четыре группы тибетских Ганджуров: три так называемых «основных» или «стандартных» — Цхалпа (тиб. *tshal pa*), Тхэмпангма (тиб. *thems spangs ma*) и гибридные Ганджуры, составленные на основе двух первых групп, а также «местные» или «независимые» Ганджуры. Последние отличаются от «стандартных» Ганджуров своим составом и структурой [Tauscher, 2015. P. 108–109].

¹ Термин «редакция», традиционно используемый в русскоязычных работах (см., например, [Касьяненко, 1993. С. 8–13]), не отражает многослойных расхождений между большими корпусами текстов и используется в настоящей статье за неимением лучшего.

² О «Золотом Ганджуру» Лигдэн-хана см., например, [Aleksseev & Turanskaya, 2013].

альтернативных и редких версий тибетских текстов⁵.

Одной из примечательных особенностей монгольского рукописного Ганджура является наличие в его составе перевода полного текста сутры «Артхавистара» (санскр. *ārya-arthavistara-nāma-dharmaparyāya*⁶; тиб. *'phags pa don rgyas pa zhes bya ba'i chos kyi rnam grangs*), который стал основным предметом рассмотрения в настоящей статье.

На сегодняшний день установлено, что санскритский текст «Артхавистары» входил в состав Диргха-агама (санскр. *dirghāgama*), канонического собрания так называемых «длинных наставлений» Будды, сложившегося в рамках традиций Сарвастивады (санскр. *sarvāstivāda*) и/или Муласарвастивады (санскр. *mūlasarvāstivāda*)⁷, от которого до наших дней дошли лишь фрагменты⁸. «Артхавистара» не имеет параллели в Палийском каноне [Allon, 2021. P. 106]. Сутра дважды была переведена на китайский, Ань Шигао во II в. и Парамартхой в 563 г., а также на тибетский и монгольский языки. Текст «Артхавистары» излагается от имени Шарипутры, маркирован как «изложение дхарм» (санскр. *dharmaparyāya*; тиб. *chos kyi rnam grangs*) и представляет собой последовательность классификационных списков, описывающих основы буддийского учения. В отличие от других текстов подобного типа, структурирующих терминологию по числовому принципу, «Артхавистара» выстраивает группы терминов в тематическом порядке, от самых основ до достижения полного освобождения. Текст начинается с перечисления две-

надцати обстоятельств необходимых для практики буддийского учения (тиб. *dal ba tshogs pa bcu gnyis po*) и заканчивается перечислением характеристик достигшего высшей цели — архатства⁹.

«Артхавистара» относится к небольшому числу текстов (мула)сарвастивадинов, включенных в состав тибетских Ганджуров [Silk, 2015. P. 12]. Сутра упоминается в каталоге «Дэнкарма» (тиб. *ldan dkar ma*) [Herrmann-Pfandt, 2008. No. 206], и, следовательно, была переведена на тибетский к первой трети IX в. Вопрос о том, с какого языка был сделан тибетский перевод на данный момент можно считать открытым. Каталог «Дэнкарма», проводящий четкую грань между исходными языками переводов, включает сочинение в раздел махаянских сутр, переведенных с санскрита. Каталог, составленный Ригпэ Рэлдри в конце шестидесятых — начале семидесятых годов XIII в., помещает «Артхавистару» в раздел переводов с китайского [Kuijper van der & Schaeffer, 2009: P. 160 No. 11.15]¹⁰. Оба каталога не приводят никаких данных о переводчиках текста.

Примечательной особенностью бытования тибетоязычного текста «Артхавистары» является то, что на каком-то этапе его заключительная часть была утрачена. За единственным исключением, все доступные для изучения тибетские Ганджуры содержат неполную версию сутры¹¹. Текст обрывается посередине предложения на фразе: *so so'i bden pa bsal ba bsal ba spangs pa kun tu rtog pa'i rnyog pa med [par rnyed do]*¹². О том, что текст неполный (тиб. *mjug ma tshang ba*), сообщается уже в каталоге Бутона,

⁵ Предварительные замечания о такого рода примерах см. в [Алексеев, 2021; Alekseev, 2024].

⁶ В Чонэском, Дэгэском и Пекинском Ганджурах дан несколько иной вариант санскритского названия текста: *ārya-arthavighuṣṭa-nāma-dharmaparyāya*. См. [RKTS], URL: <<http://www.rkts.org/cat.php?id=318&typ=1>> (дата обращения 05.03.2024).

⁷ Современная буддология не обладает данными, достаточными для проведения четкой границы между школами сарвастивадинов и муласарвастивадинов в отношении текстов, входящих в Агама (санскр. *āgama*) [Hartmann, 2014. P. 140–141 fn. 5].

⁸ Из последних работ, посвященных исследованию санскритской рукописи Диргха-агама, см., например, [Hartmann & Wille, 2014].

⁹ Подробнее о «Артхавистаре» см., например, [Anālayo, 2014a. P. 39; Anālayo, 2014b. P. 34 fn. 64; Hartmann, 1994. P. 327–331; Hartmann, 1996. P. 70–71; Hartmann, 1999. P. 127–130, 134–135; Hartmann, 2004. P. 121; Hartmann, 2014. P. 136, 144–145].

¹⁰ См. также [Silk, 2019. P. 240].

¹¹ На это обстоятельство указал Йенс-Уве Хартманн в статье 1996 г. [Hartmann, 1996. P. 70–71]. С учетом новых данных о тибетских Ганджурах эта информация была проверена по базе данных [RKTS], URL: <<http://www.rkts.org/cat.php?id=318&typ=1>> (дата обращения 05.03.2024).

¹² Часть текста в скобках отсутствует в Чонэском, Литанском и Пекинском изданиях Ганджура.

составленном к 1326 г.¹³, а также в каталоге пекинского издания Ганджура 1410 г. [YLKC, 2008. P. 469–470].

Единственным тибетским каноническим сборником, в состав которого входит полный текст «Артхавистары» является Ганджур Пхугдраг (тиб. *phug brag*, далее F), хранящийся в библиотеке Дхарамсалы (Library of Tibetan Works & Archives). Этот рукописный Ганджур был составлен в конце XVII — начале XVIII вв. в западно-тибетском монастыре Пхугдраг, но является, при этом, результатом контаминации по крайней мере двух более ранних Ганджуров, принадлежащих к разным группам¹⁴.

В F «Артхавистара» включена в двенадцатый том раздела «Сутры»¹⁵ (далее AF). AF выказывает ряд интересных разночтений относительно других тибетских Ганджуров, однако в рамках настоящего исследования не представляется возможным дать полное их описание. В первую очередь бросается в глаза значительное количество пропусков в тексте AF по сравнению с другими тибетскими сборниками. Отдельные примеры разночтений, имеющие значение для характеристики версии «Артхавистары» в первой редакции монгольского Ганджура, приведены ниже в статье.

Йе.-У. Хартманн отмечает, что заключительная часть текста AF полностью соотносится с сохранившимися санскритскими фрагментами и китайскими переводами сутры [Hartmann, 1996. P. 71]. К сожалению, текст не имеет колофона. Джампа Самтэн указывает в качестве переводчиков «Артхавистары» Джинамитру, Сурендрабодхи и Ешэдэ с неуточненной ссылкой на некий каталог¹⁶. Эти же переводчики сутры указаны в каталоге пекинского Ганджура 1410 г. [YLKC, 2008. P. 469–470].

Монгольская версия «Артхавистары» включена в двадцать третий том (тиб. *ʼa*) раздела «Сутры» (монг. *eldeb*) первой редакции Ганджура и доступна для изучения в составе сле-

дующих списков: петербургского (лл. 33r–34v) [Касьяненко, 1993. № 778], улан-баторского (лл. 79r–84r), хух-хотского (лл. 107v–113v), улан-удэнского (лл. 180r–189v) (далее РК, UBK, ННК1, UUK)¹⁷. В ксилографическом издании монгольского Ганджура (далее МК) сутра включена в двадцать девятый том (тиб. *ha*) раздела «Сутры» (лл. 252v–260r) [Ligeti, 1942–1944. No. 1078].

Настоящее исследование монгольских версий «Артхавистары» осуществлялось на базе петербургского списка (далее APK) и ксилографического издания (далее AMK) монгольского Ганджура.

APK озаглавлен *tusa*¹⁸ *delgeregsen neretü nom-un jüil*. Как это часто бывает в первой редакции монгольского Ганджура, конечное название текста — *qutuy-tu udq-a delgeregsen neretü nom-un jüil* — отличается от начального. Текст снабжен монгольским колофоном — [34v38] *mongyol-un ayalyu-tur*¹⁹ *yeke tokiyalduyuluучи kelemürчи*²⁰ *daigung* (*dayun darqan*)²¹ *siki güsi*²² (*sečen bandi*)²³ *orčiyulba*²⁴:: :: — согласно которому текст был переведен Дайгунг Даюн Дархан Шиху Гуши и Сэцэн Банди. Оба переводчика многократно упоминаются в колофонах списков Ганджура Лигдэн-хана. Шиху Гуши был учеником Ширэгэту Гуши Цорджи и на рубеже XVI–XVII вв., до работы над Ганджуром, перевел ряд текстов для потомков Алтан-хана [Heissig, 1962. S. 21–22, 24–28]. Сэцэн Банди, по всей видимости, был учеником Шиху Гуши [Sečenbilig, 2017. P. 122–123].

Монгольский перевод текста крайне невнятный, содержит ряд пропусков и едва ли может быть прочитан без обращения к тибетскому оригиналу. Поверхностное текстологическое сличение AF и APK с тибетскими Ган-

¹³ Цит. по [Herrmann-Pfandt, 2008. No. 206]. См. также [Hartmann, 1996. P. 70].

¹⁴ О структурных особенностях F см., например, [Samten, 1992. P. i–xxv].

¹⁵ F: *mdo sde, na*, 330v3–338v6 [Samten, 1992. No. 137].

¹⁶ ‘Supplied from the catalogue’ [Samten, 1992. No. 137].

¹⁷ О списках первой редакции монгольского Ганджура см., например, [Alekseev, 2017].

¹⁸ В каталоге З. К. Касьяненко дана ошибочная транскрипция *tegüs* [Касьяненко, 1993. № 778].

¹⁹ ННК1: *ayalyu-dur*.

²⁰ UBK: *kelemüchi*.

²¹ UBK: *darqan dayun*.

²² UBK: *güüsi*.

²³ UUK: <*sečen bandi*>.

²⁴ UBK: *orciyulbai*.

джурами Цхалпа и Тхэмпангма²⁵ показало, что в подавляющем большинстве случаев АРК следует чтению двух основных групп тибетских Ганджуров. Так, например, в АФ отсутствует целый фрагмент, наличествующий в других тибетских Ганджурах и РК:

F 337v: -----

D, J, Z, S: bcom ldan 'das de bdag gi sdig pa mi dge ba'i chos rnam pa du ma sel ba'o zhes mchog tu dga' ba skye ba 'di ni dad pa can gyi mchog tu dga' ba'i chos rnam pa du ma sgrub pa'o zhes mchog tu dga' ba skye ba 'di ni dad pa can gyi mchog tu dga' ba'i dngos po yin no/

PK 34v9: ilaĵu tegüs nögčigsen-e tedeger buyan busu-yin neng olan [10] jüil nom arilbai: kemen ülemĵi bayasqulang töröküi ene kemebesü süsüg-ten-ü ülemĵi bayasqulang-un boda [11] bolai: ilaĵu tegüs nögčigsen-e olan jüil-tü buyan-tu nom-i бүтүгсен болai: kemen ülemĵi bayasqulang töröküi [12] ene kemebesü süsüg-tenü [sic] ülemĵi bayasqulang-un boda bolai:

Ту же картину мы наблюдаем и в случае более мелких пропусков текста в F. Например:

F 330v6: -----yongs su byang ba

D, J, Z, S: yongs su dag pa/ yongs su byang ba/

PK 330r18: оуоуата ариуун оуоуата арилуһан:

F 334r1: /'jig rten thams cad la mngon par-----[2] 'du shes kun tu bsten bsgoms lan mang du byas na/

D, J, Z, S: 'jig' rten thams cad la mngon par mi dga' ba'i 'du shes kun tu bsten bsgoms lan mang du byas na

PK 33v34: yirtinčü bügüde-tür ilete ülü [35] bayasqui sedkiküi qamuγ-ača batuda bisilyaĵu olan-da üiledbesü:

F 334v6: brtson pa dang-----
'groggs pa dang/

D, J, Z, S: brtson pa dang/ brtson pa dang 'groggs pa dang/

PK 33v50: kičiyenggüi kiged kičiyenggüi: nököčeküi

²⁵ Для сличения были использованы Ганджуры Цхалпа Литан (J), Дэгэ (D) и Тхэмпангма Тог (S) и Шэй (Z).

Случаев, когда текст АРК совпадает с АФ и имеет расхождения с другими тибетскими Ганджурами значительно меньше. В основном это пропуски текста и в F, и в РК. На данном этапе исследования не представляется возможным установить исходную тибетскую версию АРК.

Важной особенностью АРК является наличие последнего фрагмента «Артхавистары», отсутствующего во всех тибетских Ганджурах кроме F. Ниже в *Таблице 1* приведены транслитерация и транскрипция заключительной части текста в F, РК и МК²⁶.

Как следует из *Таблицы 1* (фрагмент А), в МК «Артхавистара» обрывается на том же самом месте, что и во всех тибетских Ганджурах за исключением F. Примечательно, что, несмотря на незавершенность текста, далее в МК дается заключительное название сочинения (фрагмент В), которое отсутствует во всех кроме F тибетских Ганджурах, включая Q²⁷, по образцу которого была составлена вторая монгольская редакция. Заключительная часть «Артхавистары» сохранилась только в F и РК (фрагмент С). Более того, в РК есть перевод тибетского колофона, утерянного во всех без исключения тибетских Ганджурах:

[34v36] enedkeg-ün²⁸ ubadini bandida gar-a braba kiged: kelemürči²⁹ bandi jöys³⁰ gyi rĵalbo³¹ orčiyulbai: [37] yekede tokiyalduyuluγüči kelemürči³² bandi (bal rčis)³³ nayirayulun³⁴ or{či}<osi>yulbai³⁵: : ::

²⁶ В транслитерации тибетского и в транскрипции монгольского текста знаком <...> обозначаются глоссы и интерполяции, знаком {...} – затертый или исправленный текст. В транскрипции монгольского текста используются следующие дополнительные диакритические знаки: á – 'á'; ê – 'ê'; é – 'é'; d' – 'd'; ð – 'ð' – иници, ñ – 'ñ' в виде петли перед согласными; è – 'è'; j – 'j'; ñ – 'ñ' с диакритической точкой; ò – 'ò'; ð – 'ð'; ù – иници, 'ü' в непервом слоге.

²⁷ В Q «Артхавистара» включена в раздел «Сутры», том *shu*, 197v6–203r5.

²⁸ UUK: kindkeg-ün.

²⁹ UBK: kelemüči.

³⁰ ННК1: čöys; UUK: čöys.

³¹ ННК1: čalbo; UBK: rgyal bô.

³² UUK: kelemüči.

³³ UBK: ápal rgyas.

³⁴ ННК1: nayirayul-un.

³⁵ ННК1, UBK, UUK: orčiyulbai.

Таблица 1

	F, mdo sde, na (AF)	PK, eldeb, 'a (APK)	МК, eldeb, ha (AMK)
A	[338r6] /de mi slob pa'i chos bcu po de dag skyes shing thob ste/ ldan na 'phags par 'gyur te/ yan lag lnga spangs pa/ lan [sic, = yan] lag [7] drug dang ldan pa/ bsrung ba gcig dang ston pa bzhi dang ldan pa/ so so'i bden pa bstsal pa/ bstsal pa spangs pa/ kun tu rtog pa'i rtog [sic, = rnyog] pa med pa/	[34v21] tere kemebesü surtaquyin [sic] tedeger [22] arban nom-i töröged olju tegüsbesü ülemji tabun gesigün-i tebčigsen: jiryuyan gesigün-lüge tegüsügen: [23] nigen nigen sakiyan-tu dörben baysi-lüge [sic] tegüsügen: öber-e öber-e ünen-i öggügči öggügen-i tebčigči: [24] qamuy-ača adqay-tuyin [sic] adqay ügei:	[259v31] ülü surqu-yin arban nom tedeger töröküi boluyad [260r] olqu buyu tegüsbesü ele: qutuy-tan-u tabun üy-e [2] gesigün-i tarqayaysan jiryuyan üy-e gesigün-lüge [3] tegüsügen nigen-i sakiyči: dörben bisirel-lüge [4] tegüsügen öber-e öber-ün ünen-i geyigsen: [5] geyigsen-i tarqayaysan: qamuy-a sejiğ-ün bulunggir [6] ügei bolai:
B	-	-	qutuy-tu delgerenggüi udq-a-tu [7] kemegdeküi nom-un jüil tegüsbe:: : ::
	F, mdo sde, na	PK, eldeb, 'a	
C	lus kyi [8] 'du byed shin tu sbyangs pa/ sems shin tu rnam par grol ba/ shes rab shin tu rnam par grol ba/ ma 'dres pa'i bsnyen pa'i skyes bu dam pa zhes bya ba'o// [338v] tshe dang ldan pa dag sems dang yid dang rnam par shes pa tha ma gzugs dang/ sgra dang/ dri dang/ ro dang reg bya dag gis kun tu ma bstsags shing nye bar ma bstsags [2] pa gang yin pa de nyid mtshams sbyor ba med par 'gag par 'gyur te/ de nyid sdug bsngal gyi mtha' yin no/ 'di ni don rgyas pa zhes bya ba'i chos kyi rnam grangs [3] shes bya <ba> yin te/ tshe dang ldan pa dag khyed la ngas chos thog mar dge pa/ bar du dge pa/ tha mar dge pa/ don bzang po'i tshig 'bru bzang po/ ma 'dres pa [4] yongs su rdzogs pa/ yongs su dag pa/ yongs su byang ba/ tshangs par spyod pa bstan par bya ste/ 'di lta ste/ don rgyas pa zhes bya ba'i chos <kyi> rnam grangs rab [5] tu bshad do/ zhes gsungs pa de ni bshad pa 'di yin no/ tshe dang ldan pa sha ri'i bus de skad ces smras pa dang/ tshang pa mtshungs par spyod pa mkhas [6] pa rnam yid rangs te/ tshe dang ldan pa sha ri'i bus smras pa la mngon par bstod do// 'phags pa don rgyas zhes bya ba chos kyi rnam grangs/ rdzogs so//	bey-e-yin üiledküi masi bisiluysan sedkil masi mayad toniluysan: <biligmasi mayad toniluysan> masi [25] qoličalduysan-i dulduyidduysan yeke ere boyda kemegdekü: amin qabiy-a-tan-a sedkil kiged duran medeküyin öngge [26] kiged dayun ünür amtan kürteküi-nuyud-i [sic] qamuy-ača ülü quriyañad [sic] oyoğata ülü quriyaqui ali büküi tere [27] büged: töröl-ün jabsar barilduqui ügegüy-e türidkeküi bolumui: tere büged jobalang-un kiğayar bolai: [28] ene kemebesü udq-a delgeregsen neretü ene nom-un jüil kemegdeküi buyu: amin qabiy-a-tan tan-tur nom-un [29] terigün buyan: dumda buyan: eçüs buyan: sayin udq-a-tu: sayin üge ayalyu-tu: ese [30] qoličalduysan: oyoğata tegüsügen: oyoğata ariyun: oyoğata ariluysan: ariyun yabudal-i [31] dulduyidduyči buyu: eyin uqaydaqui: udq-a delgeregsen neretü nom-un jüil-i masi sayitur nomlasuyai: kemen aliba nom-lagsan [sic] tere kemebesü nomlaysan bolai: amin qabiy[33]-a-tu saributari teyin kemen ügülegsen-tür adali ariyun yabudal-tan merged bayasulčaju: [34] amin qabiy-a-tu saributari-yin ügülegsen-i ilete maytabai:: qutuy-tu udq-a [35] delgeregsen neretü nom-un jüil tegüsbei:: : ::	

Специфическая транскрипция имен в колофоне не позволяет с уверенностью идентифицировать переводчиков текста на тибетский язык. По всей видимости, *gar-a braba* — это индийский пандита Видьякарапрабха (санскр. *vidyākaraṣṭha*), работавший над переводами буддийских текстов в VIII в. В таком же неполном виде, *gar-a praba*, его имя приведено в другом колофоне РК [Касьяненко, 1993. № 285], где мы можем с уверенностью его идентифицировать. Второе имя *joys gyi rjalbo*, вероятно, представляет собой транскрипцию тиб. *chos kyi rgyal po*, однако среди переводчиков тибетского Ганджура персонажа с таким компонентом имени обнаружить не удалось. *Bal rčis*, названный в колофоне редактором перевода, скорее всего, Кава Пэлцэк (тиб. *ska ba dpal brtsegs*), известнейший тибетский ученый и переводчик VIII в. В колофонах РК его имя нередко преподносится в искаженном виде, например: *skau-a balarčing*, *đbal praday*, *dabal jčiy*, *đpal bičig*, *ábal irseng*, *bal irsęgs* [Касьяненко, 1993. № 125, 354, 484, 737, 776, 804]. Совпадают и его титулатуры: *yekede tokiyaldyuyulyuči kelemürči bandi* < тиб. *zhu chen gyi lo tsa ba ban dhe* — ‘старший редактор, досточтимый’³⁶. Добавляет уверенности в правильности идентификации имен переводчиков

и то, что Видьякарапрабха и Пэлцэк совместно работали над переводом некоторых канонических текстов, о чем свидетельствуют колофоны тибетских Ганджуров³⁷.

Монгольское заглавие АМК отличается от APK: [253r1] *qutuy-tu delgeregsen udq-a-tu kemegdeküi* [2] *nom-un jüil*. Даже при самом поверхностном сравнении текстов, становится очевидным, что МК содержит другой перевод «Артхавистары». Ниже, в Таблице 2, приведено сопоставление фрагмента текста в F³⁸, РК и МК, следующего непосредственно за зачином сутры, которое иллюстрирует это наблюдение.

Из описанного выше можно сделать следующие выводы. Прежде всего, в первой трети XVII в. монгольским переводчикам была доступна полная версия «Артхавистары», вероятно, входившая в состав некоего, скорее всего, локального и архаичного тибетского Ганджура. Тибетский колофон, сохранившийся в монгольском переводе, подтверждает данные каталога «Дэнкарма», о том что «Артхавистара» была переведена с санскрита, однако указывает других переводчиков и редактора текста, нежели каталог пекинского Ганджура 1410 г., — Видьякарапрабху, Чокьи Гьялпо и Кава Пэлцэка.

Таблица 2

F, <i>mdo sde, na</i> (AF)	PK, <i>eldeb, 'a</i> (APK)	MK, <i>eldeb, ha</i> (AMK)
[330v5] /de nas tshe dang ldan pa sha{i}Q:shA ri'i bus dge slong rnam la smras pa/ tshe dang ldan pa dag khyed la/ chos thog mar dge ba/ bar du dge ba/ tha mar dge ba don bzang [6] po/ tshig Q:+'bru bzang po/ ma <'>dres Q:'dres pa yongs su rdzogs pa/ Q:+'yongs su dag pa/ yongs su byang ba/ tshangs par spyod pa bstan par bya ste/ 'di lta ste/	[33r18] tendecé amin qabiy-a-tu saribudari ayay-a tegimlig-üdtür ügulerün: amin qabiy-a-tu tan-a teden-tür nom-un terigün [19] buyan: dumda buyan: ečüs buyan: sayin udq-a: sayn üge: sayin ayalyu: ese qoličalduysan oyojata tegüsügen: oyojata ariyun oyojata ariluysan: ariyun [20] yabudal-i čing batu bolayad: eyin uqaydaqui:	[253r7] tendecé amin qabiy-a-tu saribudari [8] ayay-q-a tegimlig-üdtür üguler-ün: amin [9] qabiy-a-tu-a čimadur nom-un terigün buyan: dumda [10] buyan: ečüs buyan: sayin udq-a-tu: sayn [11] üge-tü: ese qoličalduysan oyojata tegüsügen: [12] oyojata ariluysan: oyojata geyigen: ariyun [13] yabudal-i nomlaytuyai [sic] buyu: eyin uqaydaqui:

³⁶ О значении термина *zhu chen* см., например, [Halkias, 2014. P. 149].

³⁷ О сочинениях, переведенных Видьякарапрабхой и Пэлцэком, и их коллаборациях см., например, [Herrmann-Pfandt, 2008. S. 467, 471].

³⁸ Для F в режиме надстрочного форматирования даны разночтения с Q (197v8–198r5).

Таблица 2 (окончание)

F, <i>mdo sde, na</i> (AF)	PK, <i>eldeb, 'a</i> (APK)	MK, <i>eldeb, ha</i> (AMK)
<p>don rgyas pa zhes bya ba'i chos kyi rnam [7] grangs rab tu bshad kyi<s>^{Q:kyis}/ de legs par rab tu nyon la/ yid la zung shig dang bshad do/ /don rgyas pa'i chos kyi rnam grangs gang zhe na/ tshe dang ldan pa dag /dal ba [8] tshogs pa bcu gnyis po 'di dag ni/ 'phags pa'i chos 'thob^{Q:thob} par 'gyur ba ste/ 'di lta ste/</p>	<p>tusa delgeregsen kemegdeküi nom-un jüil-i nomlasuyai: tegüni masi sayitur sonosču sedkil[21]-tegen toytayan nomlasuyai: tusa delgeregsen nom-un jüil ali bui kemebesü ele: amin qabiy-a-tu-a edeger arban qoyar čola-tu [sic] [22] ayimay kemebesü qutuy-tanu nom-i olqu buyu: eyin uqaydaqui:</p>	<p>[14] delgerenggüi uđq-a-tu kemegdeküi nom-un jüil-i [15] masi nomlaqui-ber tegün-i masi sayitur sonosuyad [16] sedkil-degen toytay-a nomlasuyai bi: delgerenggüi [17] uđq-a-tu nom-un jüil ali bui [18] kemebesü: amin qabiy-a-tu-a: čölöge-tü arban [19] qoyar čiyuluysan edeger kemebesü qutuy-tan-u [20] nom-i olqui boluysan buyu: eyin uqaydaqui:</p>
<p>bdag gis 'byor ba^{Q:pa} dang/ gzhan gyi 'byor ba^{Q:pa} dang / mi nyid dang yul [331r] dbus su skyes pa dang/ dbang po rnam ma tshang ba med pa dang / las kyi mtha' 0^{Q:ma} btang ba nyid dang/ gnas la dad par gyur^{Q:gyur} pa^{Q:ba} dang/ [2] sangs rgyas rnam byung ba dang/ dam pa'i chos bstan pa dang^{Q:}/ chos bstan pa^{Q:} rnam gnas pa dang/ gnas pa rnam kyi^{Q:} rjes su 'jug pa dang/ gzhan la so sor snying [3] brtse ba ste/</p>	<p>öberün uçiral kiged: busud-un uçiral: kümün kiged dumda [23] töröküi erketen-nuyud [sic] büridügsen ügei üile-yin ki'jayar-i ese tebčiged oron-tur süsüg-tür bolqui: burqan-nuyud ireküi degedü nom-i [24] nomlaqui-tur nomlaysan nom-ud mayad orosiqui kiged: orosiysan bügüden-tür dayan oroqui busud-i öbere öbere-eče nigülesküi buyu:</p>	<p>[21] öber-ün uçiral busud-un uçiral: kümün büged: [22] dumdatu oron-dur töröküi: erketen-nügüd ese [23] büriddügsen ügegü: üiles-ün ečüs ülü [24] ögküi büged: oron-i bisireküi boluysan: burqan-nuyud [25] ireküi kiged: degedü nom-i uqayuluysan: bükü [26] nom-i uqayuluysan oron: oron-nuyud-i dayan [27] orolduqui: busud-a öber-e öber-e [28] nigülesküi buyu:</p>
<p>de ltar na tshe dang ldan pa dag/ dal ba tshogs pa bcu gnyis po 'di dag ni 'phags pa'i chos 'thob par 'gyur pa^{Q:ba} yin no/ ^{Q:+tshe dang ldan pa dag} /smra ba'i dge slong gтам smra bas [4] gzhan dag la rnam pa nyi shus gтам bya ste/ 'di lta ste/</p>	<p>[25] tere metü bolbasu amin qabiy-a-tan-a edeger arban qoyar čola-tu [sic] ayimay kemebesü qutuy-tanu nom-i olqu bolai: amin qabiya-a-tan-a [26] ügülegči: ayay-a tegimlig üge ügülejü busud-un qorin jüil üges-i ügüleküi: eyin uqaydaqui:</p>	<p>teyimü-yin tula amin qabiy-a-tu-a [29] čölöge-tü arban qoyar čiyuluysan edeger [30] kemebesü: qutuy-tan-u nom-ud-i olqui boluysan bolai: [31] amin qabiya-a-tu-a ügülegsen ayay-q-a tegimlig [253v] üge ügüleküi-ber busud-a qorin jüil-iyer [2] ügülegdeküi buyu: eyin uqaydaqui:</p>

Составители ксилографической редакции монгольского буддийского канона имели в своем распоряжении перевод полного текста «Артхавистары», но предпочли перевести его заново с сокращенной версии текста. Это дока-

зывает, что для редакторов монгольского ксилографического Ганджура приоритетно было полное соответствие Q³⁹, в данном случае даже в ущерб целостности текста сутры.

Использованные источники и литература

Алексеев, 2015: *Алексеев К. В.* Монгольский Ганджур: генезис и структура [Mongolian Ganjur: Genesis and Structure] // Страны и Народы Востока, 2015, т. XXXVI. С. 190–228.

Алексеев, 2021: *Алексеев К. В.* Альтернативные сочинения в составе монгольского рукописного Ганджура [Alternative Compositions as Part of the Mongolian Handwritten Ganjur] // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания. Пятая международная конференция при поддержке президента Монголии. 19–21 апреля, 2021. СПб.: ИВР РАН, МУ ШУА, 2021. С. 15–16.

Касьяненко, 1993: *Касьяненко З. К.* Каталог петербургского рукописного Ганджура. Составление, введение, транслитерация и указатели [Catalog of St. Petersburg Handwritten Ganjur. Compilation, Introduction, Transliteration and Indexes] // Памятники письменности Востока. СПб.: Bibliotheca Buddhica, XXXIX. М.: Наука, Издательская фирма 'Восточная литература', 1993.

Alekseev, 2017: *Alekseev K.* On the Correlations between the Copies of the Mongolian Manuscript Kanjur. In: S. Chuluun (ed.) *The Mongolian Kanjur*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences, 2017. P. 37–50.

Alekseev, 2024: *Alekseev K.* The Dunhuang History of the *Cycle of Birth and Death* in the Mongolian Manuscript Kanjur // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2024. In print.

Alekseev & Turanskaya, 2013: *Alekseev K, Turanskaya A.* An Overview of the *Altan Kanjur* Kept at the Library of the Academy of Social Sciences of Inner Mongolia // *Asiatische Studien*, 2013, Vol. LXVII(3). P. 755–782.

Allon, 2021: *Allon M.* The Composition and Transmission of Early Buddhist Texts with Specific Reference to Sutras // *Hamburg Buddhist Studies* 17. Bochum Freiburg: Projektverlag, 2021.

Anālayo, 2014a: *Anālayo Bh.* The Dawn of Abhidharma. *Hamburg Buddhist Studies*, 2. Hamburg: Hamburg University Press, 2014.

Anālayo, 2014b: *Anālayo Bhu.* Three Chinese *Āgama* Discourses without Parallels // *Dhammadinnā* (ed.) *Research on the Āgama*. Taipei: Dharma Drum Publishing Corporation, 2014. P. 1–55.

Halkias, 2014: *Halkias G. T.* Translating the Foreign into the Local: The Cultural Production and

Canonization of Buddhist Texts // *Uganda Sze-pui Kwan and Lawrence Wang-chi Wong* (eds.) *Translation and Global Asia: Relocating Networks of Cultural Production*. Asian Translation Traditions Series, 1. Hong Kong: Chinese University Press, 2014. P. 143–166.

Hartmann, 1994: *Hartmann Je.-U.* Der *Ṣaṣṣūtraka*-Abschnitt des in Ostturkistan überlieferten *Āgama* // *Cornelia Wunsch* (ed.) *Deutscher Orientalistentag, Vorträge*. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft / Supplement* 10. München: Steiner, 1994. P. 324–334.

Hartmann, 1996: *Hartmann Je.-U.* Notes on Two Texts in the Phug Brag Kanjur // *Indica et Tibetica*, 1996, Bd. 28 (Suhrlékäh). Festgabe für Helmut Eimer. Herausgegeben von Michael Hahn, Jens-Uwe Hartmann und Roland Steiner). P. 69–78.

Hartmann, 1999: *Hartmann Je.-U.* Buddhist Sanskrit Texts from Northern Turkestan and their Relation to the Chinese Tripiṭaka // *Newsletter of the Research Institute of Bukkyo University*, 1999. P. 107–136.

Hartmann, 2004: *Hartmann Je.-U.* Contents and Structure of the *Āgama* of the (Mūla-)Sarvāstivādins // *Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhism at Soka University for the Academic Year 2003, 2004*. P. 119–137.

Hartmann, 2014: *Hartmann Je.-U.* The *Āgama* of the (Mūla-)Sarvāstivādins: What Was the Purpose of This Collection? // *Dhammadinnā* (ed.) *Research on the Āgama*. Taipei: Dharma Drum Publishing Corporation, 2014. P. 135–166.

Hartmann & Wille, 2014: *Hartmann Je.-U., Klaus W.* The Manuscript of the *Āgama* and the Private Collection in Virginia // *Paul Harrison and Jens-Uwe Hartmann* (eds.) *From Birch Bark to Digital Data: Recent Advances in Buddhist Manuscript Research*. Papers Presented at the Conference Indic Buddhist Manuscripts: The State of the Field Stanford, June 15–19 2009. *Denkschriften / Österreichische Akademie Der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse* 460. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2014. P. 137–155.

Heissig, 1962: *Heissig W.* Beiträge zur Übersetzungsgeschichte des mongolischen buddhistischen Kanons // *Abhandlungen der Akademie*

³⁹ Случаи такого рода не единичны. См., например, [Yampolskaya, 2015].

der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse, 1962, Dritte Folge, Nr. 50. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. P. 5–42.

Herrmann-Pfandt, 2008: *Herrmann-Pfandt, A.* (ed.) *Die Lhan kar ma: ein früher Katalog der ins Tibetische übersetzten buddhistischen Texte // Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens*, Nr. 59. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008.

Kuijp van der & Schaeffer, 2009: *Kuijp L. W. van der, Kurtis R. Sch.* *An Early Tibetan Survey of Buddhist Literature: The Bstan pa rgyas pa rgyan gyi nyi 'od of Bcom ldan ral gri // Harvard Oriental Series*, No 64. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2009.

Ligeti, 1942–1944: *Ligeti L.* *Catalogue du Kanjur Mongol imprimé: Catalogue. Vol. I // Bibliotheca Orientalis Hungarica*, III. Budapest: Société Körösi Csoma, 1942–1944.

RKTS: Resources for Kanjur & Tanjur Studies. URL: <https://www.istb.univie.ac.at/kanjur/rktsneu/sub/index.php>. (Accessed 05.03.2024).

Samten, 1992: *Samten Ja.* *Phug brag bka' gyur bris ma'i dkar chag [A Catalogue of the Phug-Brag Manuscript Kanjur]*. Dharmasala: Library of Tibetan Works & Archives, 1992 (*In Tibetan*).

Sečenbilig, 2017: *Sečenbilig S.* *Mongyol "Tanjuur"-un orčiюly-a ba bar keblel-ün teiken toyimu [On Translating and Publishing the Mongolian Kanjur]*. In: S. Chuluun (ed.) *The Mongolian Kanjur*. Ulaanbaatar, Mongolian Academy of Sciences, 2017. P. 116–134 (*In Mongolian*).

Silk, 2015: *Silk Jonathan A.* *Canonicity // Jonathan A. Silk (ed.) Brill's Encyclopedia of Buddhism. Volume I: Literature and Languages. Handbook of Oriental Studies. Section Two, India 29/1*. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 5–137.

Silk, 2019: *Silk, Jonathan A.* *Chinese Sūtras in Tibetan Translation: A Preliminary Survey // Annual Report of the International Institute for Advanced Buddhism at Soka University (創価大学国際仏教学高等研究所年報)*, 2019, Vol. 22. P. 227–246.

Tauscher, 2015: *Tauscher H.* *Kanjur // Jonathan A. Silk (ed.) Brill's Encyclopedia of Buddhism. Volume I: Literature and Languages. Handbook of Oriental Studies. Section Two, India 29/1*. Leiden, Boston: Brill, 2015. P. 103–111.

Yampolskaya, 2015: *Yampolskaya N.* *Buddhist Scriptures in 17th Century Mongolia: Eight Translations of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā // Asiatische Studien — Études Asiatiques*, 2015, 69(3). P. 747–772.

YLKC, 2008: *gYung lo'i bka' gyur dkar chag. Bde bar gshegs pa'i gsung rab rin po che'i dkar chags bstan pa rgyas pa'i nyi 'od ces bya ba. In: Bka' gyur: krung go'i bod rig pa zhib «jug lte gnas kyi bka'» bstan dpe sdur khang gis bsdur zhus [Comparative Edition of the Tibetan Canon, Based on the Derge Edition, with References to Variants in the Chone, Lhasa, Lithang, Narthang, Peking and Urga Editions]*, Vol. 105. *Krung go'i bod rig pa dpe sdur khang*, 2008. P. 373–482 (*In Tibetan*).

ON THE TWO VERSIONS OF THE ARTHAVISTARA-SŪTRA IN THE MONGOLIAN KANJUR

Kirill V. ALEKSEEV
St. Petersburg State University

All the available Tibetan canonical collections, apart from the Phug brag Kanjur, contain an incomplete version of the *Arthavistara-sūtra*. The fact that the final part of the text had been lost was observed already in the Kanjur catalogue compiled by Bu ston by 1326. The copies of the 1628–1629 Mongolian manuscript Kanjur contain the complete version of the *Arthavistara* together with the translation of the Tibetan colophon, which gives Vidyākara-prabha, sKa ba dpal brtsegs and certain Chos kyi rgyal po as the translators and the revisor of the text. Presumably, the original of the text was part of some archaic Tibetan Kanjur used by Mongolian editors as a model for their collection. The 1717–1720 xylographic edition of the Mongolian Kanjur incorporates a new translation of the *Arthavistara* based on the incomplete text included in the Peking edition of the Tibetan canon, which shows that in the belief of its editors the concordance with the Peking Kanjur overrode the very integrity of the *sūtra*.

Key words: *Arthavistara-sūtra*, Mongolian Kanjur, Phug brag Kanjur.

About the author: **Kirill V. ALEKSEEV**, Senior Assistant Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Department of Mongolian Studies and Tibetology (St. Petersburg, Russian Federation) (kirill.alekseev@spbu.ru). ORCID 0000-0002-5729-9635.

И. А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«ДУН ЦЗИН МЭН ХУА ЛУ»: ПРЕДИСЛОВИЕ

Статья посвящена уникальному китайскому сочинению XII в. «Дун цзин мэн хуа лу» Мэн Юань-лао, беспрецедентному в китайской истории письменному источнику комплексных сведений о городской жизни времени Северной Сун. Первая публикация из серии работ, посвященных «Дун цзин мэн хуа лу», включает в себя полный комментированный перевод авторского предисловия к данному памятнику.

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, китайский город, Мэн Юань-лао, «Дун цзин мэн хуа лу».

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом Южной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. (Санкт-Петербург, Россия) (Igor.Alimov@kunstkamera.ru). ORCID 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И. А., 2024

Настоящей статьей я начинаю серию публикаций, посвященных уникальному китайскому письменному памятнику XII в. «Дун цзин мэн хуа лу» (東京夢華錄 «Записи снов о Хуасюй в Восточной столице»)¹. Об авторе этого па-

¹ Название этого сочинения восходит к истории из «Лецзы» (列子 «Учитель Ле», V в. до н. э.) о стране всеобщего благоденствия, увиденной мифическим императором Хуан-ди 黃帝 во сне: «...Ему привиделось, что он попал в страну Хуасюй. Страна эта лежала на запад от области Яньчжоу и на север от области Тайчжоу, а в скольких миллионах ли от Срединного царства — неведомо. До нее нельзя добраться ни на лодке, ни на телеге, ни пешком. Странствовать там можно лишь в мыслях. В этой стране нет ни начальников, ни старших и все устраивается само собой. В людях нет ни жадности, ни похоти, и каждый живет сам по себе. Люди там не радуются жизни и не боятся смерти, и поэтому никто не умирает прежде срока. Они не знают, что такое ставить себя выше других, и поэтому им неведомы любовь и ненависть. Они не знают, что такое угождать или вредить другим, соглашаться с другими или идти наперекор чужой воле, поэтому они не ведают ни выгод, ни убытков. В мире нет ничего, что вызывало бы в них недовольство или сожаление, ничего, что страшило бы их или заставляло завидовать. Они ходят по воде — и не тонут, ступают по огню — и не горят. Ударить их — и на них не появятся раны. Ущипнешь их — и на их коже не останется следа. Они ходят по воздуху, как по суше, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туманы не мешают им смотреть, раскаты грома не мешают слушать, красота и уродство не

мятника — а сборник подписан именем Мэн Юань-лао (孟元老, XII в.) — практически ничего не известно; все те скудные сведения, которыми мы располагаем, содержатся в авторском предисловии к «Дун цзин мэн хуа лу» (датированном 1147 г.), — собрании исполненных легкой ностальгической грусти воспоминаний Мэн Юань-лао о великолепии былой жизни, которой он жил до поспешного бегства на юг в 1126 г. сунского императорского двора.

«Дун цзин мэн хуа лу» — чрезвычайно ценный памятник, это беспрецедентный в китайской истории письменный источник комплексных сведений о городской жизни времени Северной Сун, а конкретно — восточной

смущают их сердца, горы и ущелья не утомляют их ноги, ибо они странствуют всюду душой» (пер. В. В. Малявина в кн.: [Чжуан-цзы, 1995. С. 298–299]). В русскоязычном китаеведении распространен ряд вариантов переводов названия этого памятника, например: «Записи ярких сновидений о Восточной столице», «Сны о великолепии Восточной столицы», «Многоцветные записи снов о Восточной столице», «Записи о красоте Восточной столицы» и некоторые другие. Я остановился на переводе «Записи снов о Хуасюй в Восточной столице» (при этом добавив для ясности отсутствующее в оригинале «хуа»). Краткие сведения о «Дун цзин мэн хуа лу» см.: [Bibliography, 1978. P. 150–152].

столицы империи г. Бяньцзин 汴京 (Бяньлян 汴梁, Бяньду 汴都 и др., совр. г. Кайфэн в пров. Хэнань). Нет, пожалуй, ни одной серьезной работы, посвященной китайскому быту, ремеслу, торговле, праздникам, традиционным обычаям и т. п. сунского времени, где не были бы задействованы материалы из «Дун цзин мэн хуа лу»². Необходимость полного комментированного перевода сочинения Мэн Юань-лао на русский язык назрела уже давно, и я по мере сил собираюсь выполнить эту задачу. Настоящей публикацией вниманию читателя предлагается предисловие к «Дун цзин мэн хуа лу», снабженное необходимыми комментариями³.

Я, недостойный, сопровождая покойного батюшку, исколесил вослед [его] служебным назначениям и север и юг, а в год *гуй-вэй* девиза правления Чун-нин [мы] прибыли в столицу⁴. Гадание указало⁵ [нам] поселиться в южной части проулка к западу от моста Цзиньянцяо в западной части города⁶. Шло время, и [я]

² Из отечественных исследований это в первую очередь классическая работа Э. П. Стужиной (1931–1974) «Китайский город XI–XIII вв.» [Стужина, 1979].

³ Перевод данного предисловия на английский язык был сделан Стивеном Вестом (S. H. West, b. 1944), см. [West, 1985. P. 67–71]. Настоящий перевод выполнен по критическому тексту «Дун цзин мэн хуа лу», подготовленному профессором Хэйлуунцзянского университета И Юн-вэнем (伊永文, р. 1950), см.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 1–6].

⁴ Год *гуй-вэй* девиза правления Чун-нин — 1103.

⁵ Гадание указало... — Как известно, в старом Китае любые важные решения жизненного цикла обычно принимались после консультации с геомантом, который, сопоставляя множество факторов (в том числе даты рождения обратившихся к нему), определял благоприятные сроки для того или иного начинания (например, свадеб и похорон) либо благоприятную местность для будущего жилища или захоронения, и т. п.

⁶ Цзиньянцяо 金梁橋 — мост через р. Бяньхэ 汴河, одну из рек, протекавших через Бяньцзин; был расположен в западной части столицы (во Внешнем городе, недалеко от внешней городской стены). Название этого моста фигурирует как в нескольких дошедших до нас сунских городских повестях хуабэнь (как-то: «Сун сы гун да нао цзинь хунь чжан», 宋四公大鬧禁魂張 «Господин Сун Четвертый сильно вредит Чжану Жадюге»; «Чэнь сюнь цзянь мэи лин ши хунь цзя», 陳巡檢梅領失渾家 «Пристав Чэнь теряет супружницу на перевале Мэйлин»), так и в знаменитом классическом романе «Шуй ху чжуань» (水滸傳 «Речные заводи»).

взрослел, что называется, в сени августейшей колесницы⁷. Раз за разом сменяли друг друга дни великого спокойствия, [в столице] царило многолюдье и изобилие, малые дети предавались играм и забавам, а убежденные седидами старцы не ведали о звоне оружия. Времена года и празднества шли своим чередом, и каждое дарило свое очарование — ночи в огнях ламп⁸

⁷ В сени августейшей колесницы. — Иносказательно об императорском дворце, столице. Речь идет о времени относительного мира и процветания сунской империи — до 1126 г., т. е. до бегства императорского двора на юг страны. Собственно, последующий текст и составляет описание примет безмятежной и мирной жизни императорской столицы. В те времена столичное население не знало военных столкновений: спокойной чередой шли сезонные праздники, сопровождавшиеся роскошными гуляниями; торговля процветала; привычно отправлялись государственные обряды; строились исключительно сооружения мирного, а не военного назначения; металл использовался для изготовления ритуальных сосудов, а не для изготовления оружия; военные чиновники получали назначения не за ратные подвиги, а за природные таланты. Если в этой безмятежной жизни и происходили перемены, то связаны они были лишь с новыми громкими именами очередных талантливых ученых, которых мир узнал благодаря их победам на государственных экзаменах... Конечно, в реальности все обстояло не столь благобно, однако в данном случае мы имеем дело с воспоминаниями человека, утратившего прошлую жизнь, которой он восхищался, и которую спустя годы, разумеется, идеализирует.

⁸ Имеется в виду праздник фонарей (*шаньюань* 上元, *юаньсяо* 元宵, *юаньси* 元夕), который отмечался в пятнадцатый день первой луны по лунному календарю. Праздник фонарей появился сравнительно поздно и, по мнению некоторых исследователей, носит следы влияния буддизма. Непременными атрибутами праздника были масляные фонари, а также пышные народные гуляния, первоначально властями осуждавшиеся: «В последнее время в городах собираются толпы народа, гром барабанов оглушает небо, свет факелов ослепляет землю, люди носят маски зверей, мужчины наряжаются в женское платье, певички, шуты и актеры кривляются на все лады, потешают омерзительными выходками, смешат непристойной одеждой... Соперничая в щегольстве, люди проматывают все свои сбережения, разоряются дотла. Все семьи и дети, знатные и подлые, смешиваются вместе, монахи и миряне не различаются» (см.: [Крюков, 1984. С. 199]). С VI в. праздник стал государственным, наибольшего расцвета достиг в танское и сунское время: при Сун во время праздника было разрешено ночное хождение по улицам в течение пяти дней, что в иные дни строжайше возбранялось. Каждая семья считала своим долгом обзавестись фонарем редкой, причудливой формы, и во время праздника ночи напролет горели тысячи разнообразных фонарей. В «Дун цзин мэн хуа лу» есть отдельные разделы, посвященные этому и другим названным праздникам.

и кануны луны⁹, время снега и пора цветения, дни просьбы о предзнаменовании¹⁰ и восхождении в горы¹¹, учебное озеро¹² и сад прогулок¹³...

⁹ То есть праздник середины осени (*чжунцю* 中秋, *юэси* 月夕), отмечавшийся на пятнадцатый день восьмой луны. Праздник стал популярным еще при Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), но общегосударственное значение приобрел при Тан (618–907), когда возник обычай восхвалять в это время прелесть луны (что нашло отражение в стихах многих танских поэтов). Точные же даты, когда отмечался праздник, были установлены при Сун, когда помимо поклонения луне широкое распространение получил обычай любования луной.

¹⁰ День просьбы предзнаменования (*цицяо* 乞巧) — т. е. праздник «двойной семерки» (*циси* 七夕), отмечавшийся в седьмой день седьмой луны. В начале сунского правления отмечался не в седьмой, а в шестой день — такой порядок был унаследован от предыдущего времени; в 978 г. императорским указом для праздника был определен седьмой день, что и закрепилось впоследствии. Восходит к легенде о двух разлученных Млечным Путем влюбленных — небесных Ткачихе и Пастухе, которым позволялось проводить вместе лишь один день в году. Данный праздник во многом воплощал женские мечты о счастье, оттого и многие связанные с ним обычаи относились в первую очередь к женщинам: так, женщины, облачившись в новое платье, устраивали ночью гадания — *цицяо*, «просили предзнаменования», надеясь на хорошие приметы, что сулят им счастливое будущее.

¹¹ День восхождения в горы — один из обычаев, связанных с праздником «двойной девятки» (*чунцию* 重九, *чунъян* 重阳), отмечавшимся в девятый день девятой луны. В это время было принято любоваться осенними хризантемами, а также подниматься на возвышенности и совершать восхождения на горы, где следовало любоваться природой и пить вино с лепестками хризантем, что, по поверью, должно было отвести напасти и продлить жизнь.

¹² Имеется в виду озеро в парке Цзиньминчи 金明池. Парк располагался в западном предместье Кайфэна, за городской стеной, это было место отдыха августейшей семьи. Вокруг озера был устроен парк с множеством строений и живописных уголков, а площадь самого озера была вполне достаточной для судоходства, чем двор и пользовался, устраивая не только регаты и увеселительные прогулки на воде, но и разыгрывая на Цзиньминчи целые «потешные» баталии. Подробнее о Цзиньминчи см.: [Шевченко, 2016].

¹³ Речь идет о другом императорском парке Цюньлиньюань 瓊林苑, располагавшемся напротив комплекса Цзиньминчи. Был построен в начале сунского правления, здесь располагалась высокая насыпная гора, которую венчал роскошный павильон, у подножия находился пруд. Парк предназначался для любования цветами, которые были высажены повсюду в великом множестве. Также в этом парке приходили чествования выдержавших императорские экзамены претендентов на государственные должности.

[Тогда] лишь поднимешь взор, а [перед тобою] встают дворцовые терема и расписные палаты, изукрашенные двери и жемчужные пологи. Резные повозки заполняют столичные улицы, драгоценные скакуны состязаются в резвости на императорской дороге, блеск золота и изумруда слепит взор, а в воздухе витают ароматы от изысканных одеяний... Новые напевы и веселый смех [звучали] в домах среди ив¹⁴ на улицах в цветах, пение флейт и переборы струн [неслись] из чайных и винных лавок, со всех сторон стремглав летели доклады, [сопредельные] страны как одна слали послов, и все, что есть меж четырех морей невиданного, продавали на столичных рынках, а в харчевнях готовили любые яства Поднебесной. Яркие цветы наводняли улицы, несть числа было весенним прогулкам, отовсюду звучала музыка, и в скольких домах пировали ночи напролет! Удивительные диковины поражали глаз, а роскошь заставляла замереть в удивлении. [Император] являл свой лик на первое полнолуние на учебном озере, на поклонениях в предместье и церемониях в храме [императорских] предков, часто снисходили принцессы и наложницы наследника престола. И если что и строи-

¹⁴ Дома среди ив на улицах в цветах — иносказательно о так называемом «веселом» квартале Пинканли 平康里, месте средоточия увеселительных заведений, где обитали артисты и певички. Я использую термин «певичка» для перевода *цзи* 妓 исключительно в силу того, что он устоялся в русской переводческой традиции, но нужно иметь в виду, что *цзи* ни в коей мере не являлись девицами легкого поведения или же проститутками (как это часто звучит в китаеведных работах), но были вполне образованными женщинами, которые вели самостоятельную, независимую жизнь и зарабатывали средства к существованию художественными навыками и талантами. По справедливому замечанию А. Г. Сторожука, «утонченная образованная девушка, владеющая каллиграфией, секретами стихосложения, умеющая петь и танцевать, приглашаемая на пиры конфуцианских ученых, отнюдь не подходит под определение проститутки, хотя бы и “высшего ранга”» [Сторожук, 2010. С. 119]. Так называемые певички пользовались в образованном обществе большой популярностью: гонорары за их участие в пирах могли составить весьма существенную сумму, хотя девушка могла еще и не принять приглашения, сочтя пригласившего недостойным своего общества. Старая китайская проза пестрит историями известных певичек и описанием тех чувств, что связывали их со знаменитыми поэтами и сановниками.

лось — так это дворцовые палаты, а если что и отливали из бронзы — так это большие жертвенные треножники¹⁵. Если и видели певичек, то возвращающимися из присутственных мест властей предрежащих или с дворцовых пиров, а среди перемен числились [исключительно] новые славные имена выдержавших экзамены, и люди военные получали чины [единственно] за таланты...

И я, недостойный, несколько десятилетий наслаждался в свое удовольствие бесчисленным привольем [столицы], не зная пресыщения, но однажды разгорелся огонь войны, и в год, следующий за годом *бин-у* девиза правления Цзин-кан¹⁶, [я] оставил столицу, перебравшись сюда, на юг, бежал в чужие края, [ища спасения] за Рекой¹⁷, стал одинок и несчастен, а годы мои уж склонились к закату. Лишь подумаю об ушедшем, о прелести, что была ранее, о тех спокойствии и красоте — и охватывает глубокая тоска...

Однажды собрались мои родные, мы заговорили о былом, сетуя на то, как переменялась к худшему нынешняя жизнь, и я, недостойный, опасаясь, что все уйдет безвозвратно, а те, кто мог судить о прошлых нравах и обычаях [столичной жизни], будут обойдены официальными хрониками, — что оказалось бы воистину печально! — стал с великим тщанием просматривать [свои] записи и составлять [из них] книгу в надежде, что открывшему ее удастся постичь величие прежних времен.

В древности был человек, путешествовавший во сне по стране Хуасюй, и удовольствие его было безгранично; теперь я, недостойный, путешествую по воспоминаниям, а [потом]

¹⁵ В противопоставление строительству военных укреплений и изготовлению оружия. Здесь, как и в следующем пассаже, дается описание мирного времени умиротворения и процветания.

¹⁶ Год, следующий... — 1126.

¹⁷ То есть за Янцзы, ставшей пограничным рубежом между захватившими север Китая чжурчжэнями и империей Южная Сун (1127–1279). Стивен Вест справедливо полагает, что Мэн Юань-лао нашел приют где-то на землях совр. пров. Цзянсу [West, 1985. P. 70].

оглядываюсь назад в печали, — чем не пробуждение ото сна [после посещения] Хуасюй? [И книгу] эту назвал — «Записи снов о Хуа[сьюй]».

Однако же в море столичного многообразия были такие места, где [я] так и не побывал ни разу, лишь слышал от других, но [и здесь] пропусков быть не должно! Я встречался с бывшими земляками, умудренными возрастом и добродетелями, [что могли] дополнить и украсить [мои записи], дабы достичь совершенной полноты — и разве не было то замечательной удачей?

Язык этих записей вульгарен, груб — не чета отточенному литературному слогу! [Я] хотел лишь, чтобы все от начала и до конца стало известно [в мире]. Читатель, прошу, учти это!

Предисловие написал в последний день года *дин-мао* девиза правления Шао-син Мэн Юань-лао, Затворник Ю-лань.

Из текста предисловия явственно следует, что Мэн Юань-лао происходил из достаточно обеспеченной чиновничьей семьи. По обычаям своего времени он путешествовал с семьей от одного места службы отца к другому (отец, видимо, был чиновником средней руки). Юношей попал в столицу империи и провел там более двадцати лет (с 1103 по 1126 г.). Очевидно также, что Мэн Юань-лао не сдавал экзамены на право занятия вакантной чиновничьей должности и никогда не служил — состояния семьи ему вполне хватало на безбедную жизнь. Можно предполагать, что Мэн Юань-лао получил вполне обычное домашнее образование и особыми литературными талантами не блистал (что видно по слогу изложения)¹⁸. Это, однако же, не помешало ему создать «Дун цзин мэн хуа лу» — уникальный историко-этнографический

¹⁸ В свое время историк литературы Дэн Чжи-чэн (鄧之誠 1887–1960) в своем предисловии к «Дун цзин мэн хуа лу» указал, что, по его мнению, Мэн Юань-лао ученым-литератором не был, поскольку в его описаниях «ни на йот нет порядка и системы», а литературный стиль во многом оставляет желать лучшего, изобилуя просторечиями [Мэн Юань-лао, 2008а. С. 22].

памятник, систематизировано и детально рассказывающий об устройстве китайского горо-

да XI–XII вв., его быте, нравах и обычаях, и тем самым вписать свое имя в историю¹⁹.

Использованная литература

Bibliography, 1978: A Sung Bibliography. Hong Kong, 1978.

Гу Чуань-во, 1981: 顧傳渥. 何人孟元老 // 南充師院學報 [Who was Meng Yuan-lao?]. 1981. 第1期.

И Юн-вэнь, 2011: 伊永文. 孟元老考 // 南開學報 [About Meng Yuan-lao]. 2011. 第3期 [].

Крюков, 1984: Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.) [The Chinese ethnic Group in the Middle Ages (7–13 centuries)]. М., 1984.

Кун Сянь-и, 1980: 孔憲易. 孟元老其人 // 歷史研究 [Meng Yuan-lao as a Current Person]. 1980. 第4期.

Мэн Юань-лао, 2006: 孟元老. 東京夢華錄箋注 [Records of Dreaming of Huaxu in the Eastern Capital with Notes and Comments] / 伊永文箋注. 北京, 2006. 1–2册.

¹⁹ Первым, кто сделал предположение о том, что за человеком скрывался под именем Мэн Юань-лао, был цинский ученый и уроженец Кайфэна Чан Мао-лай (常茂徠, 1788–1873), который указал, что это был Мэн Куй (孟揆, XII в.), служивший в столице помощником начальника Подворного департамента (Хубу), а Юань-лао — его второе имя. См.: [Мэн Юань-лао, 2008б. С. 206]. Предположение Чан Мао-лая было поддержано современным ученым Гу Чуань-во 顧傳渥, который высказал мнение о том, что Мэн Куй упоминается (трижды) в самом тексте «Дун цзин мэн хуа лу», но под своим вторым именем — Мэн Цзин-чу 孟景初 [Гу Чуань-во, 1981]. Современный ученый Кун Сянь-и 孔憲易 предположил, что за именем Мэн Юань-лао мог скрываться кто-то из родственников сановника Мэн Чан-лина (孟昌齡, XI в.) — например, Мэн Юэ (孟鉞, XII в.), сын сына Мэн Чан-лина Мэн Куя, ведь у Мэн Юэ действительно был литературный псевдоним Ю-лань цзюйши [Кун Сянь-и, 1980]; эта точка зрения зафиксирована и в [Сундай вэньхуа, 2006. Т. 1. С. 230]. Несколько позднее И Юн-вэнь отверг мнение о том, что Мэн Юань-лао — кто-то из родственников Мэн Чан-лина, и выдвинул гипотезу, что автором «Дун цзин мэн хуа лу» был представитель правящего сунского рода Чжао Цзы-чжи (趙子直, вт. пол. XI — перв. пол. XII) (см.: [И Юн-вэнь, 2011]). Эта гипотеза была опровергнута профессором Гэ Чжао-цюанем (何兆泉, р. 1977), приведшим аргументы в пользу того, что нет никаких оснований считать, будто Мэн Юань-лао — ненастоящее имя автора «Дун цзин мэн хуа лу», человека, безусловно, получившего образование, но ученого невеликого [Хэ Чжао-цюань, 2015]. Также по поводу авторства «Дун цзин мэн хуа лу» см.: [West, 1985 P. 66–76]. Следует добавить, что «A Sung Bibliography» называет даты жизни Мэн Юань-лао — ок. 1090 — ок. 1150, но никак их не обосновывает [Bibliography, 1978. P. 150].

Мэн Юань-лао, 2008а: 孟元老. 東京夢華錄注 [Records of Dreaming of Huaxu in the Eastern Capital with Comments] / 鄧之誠注. 北京, 2008.

Мэн Юань-лао, 2008б: 孟元老. 東京夢華錄全譯 [Records of Dreaming of Huaxu in the Eastern Capital with the Complete Translation in Modern Chinese] / 姜漢椿譯注. 貴陽, 2008.

Сторожук, 2010: Сторожук А. Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан [The Three Teachings and Culture of China: Confucianism, Buddhism and Taoism in the artistic work of the Tang Era]. СПб., 2010.

Стужина, 1979: Стужина Э. П. Китайский город XI–XIII вв.: экономическая и социальная жизнь [Chinese city of the 11–13 centuries: Economic and Social Life]. М., 1979.

Сундай вэньхуа, 2006: 宋代文化史大辭典 [A Large Dictionary of History of Song Era Culture] / 虞雲國主編. 上海, 2006. 1–2册.

Хэ Чжао-цюань, 2015: 何兆泉. 《東京夢華錄》作者問題考 [Research of the Problem of the Author of Records of Dreaming of Huaxu in the Eastern Capital] // 浙江學刊. 2015. 第5期.

Чжуан-цзы, 1995: Чжуан-цзы. Ле-цзы [Zhuangzi. Le-zi] / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В. В. Малявина. М., 1995.

Шевченко, 2016: Шевченко М. Ю. Генеральный план парка Цзиньминчи в городе Дунцзин (современный Кайфэн) времен династии Северная Сунн [The Master Plan of Jinmingchi Park in Dongjing City (modern Kaifeng) during the Northern Song Dynasty] // Градостроительство. 2016. № 2. С. 81–88.

West, 1985: West S. H. The Interpretation of a Dream: The Sources, Evaluation, and Influence of the «Dongjing Meng Hua Lu» // T'oung Pao. 1985. № LXXI.

«DONG JING MENG HUA LU»: PREFACE

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS

The article is devoted to a unique Chinese work of the 12th century. «Dong jing meng hua lu» by Meng Yuan-lao, an unprecedented in Chinese history written source of comprehensive information about urban life during the Northern Song. It is the first publication in a series of works dedicated to «Dong jing meng hua lu» and includes a complete annotated translation of the author's preface to this monument.

Key words: China X–XIII centuries, Song era, Chinese city, Meng Yuan-lao, «Dong jing meng hua lu».

About the author: **Igor A. ALIMOV**, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvest.org). ORCID 0000-0002-3235-8459.

Лю Лицю

Нанкинский университет науки и технологии

Рамиль М. ВАЛЕЕВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Рафаэль М. ВАЛЕЕВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Р. З. ВАЛЕЕВА

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

С. А. КИРИЛЛИНА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА В. А. ГОРДЛЕВСКОГО АКАДЕМИКУ В. В. БАРТОЛЬДУ 1910–1920-Х ГОДОВ ИЗ ФОНДА СПБФ АРАН

Первые два десятилетия XX в. отразили переломные общественно-политические и социокультурные перемены в российском государстве и обществе и, конечно, в судьбах и наследии выдающихся востоковедов — ученых Москвы и Санкт-Петербурга, которые оставили значимые работы по истории и культуре тюрко-монгольских народов. Академики-востоковеды РАН В. В. Бартольд (чл.-корр. с 1910 г. и академик с 1913 г.) и В. А. Гордлевский (чл.-корр. с 1929 г. и академик АН СССР с 1946 г.) — значимые фигуры в истории отечественной классической ориенталистики и арабо-мусульманских штудий, в частности, московского и Санкт-Петербургского центров востоковедения, особенно в сфере академической и университетской тюркологии, османологии, арабологии, иранистики и общественной жизни Российской империи и СССР. Они широко известны в истории гуманитарной науки современной Российской Федерации и стран СНГ. Оригинальным и интересным источником личных связей и истории российского востоковедения остается эпистолярное наследие отечественных востоковедов, в частности сохранившиеся письма представителя московского центра ориенталистики В. А. Гордлевского академику В. В. Бартольду (1910–1928 гг.) из его личного фонда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Основное внимание в данной статье уделено обзору 27 писем В. А. Гордлевского из Москвы, Уфы и Зушы, отразивших этапы его жизни и творчества и страницы истории московского востоковедения. В перспективе предстоит их полностью опубликовать. Этот оригинальный эпистолярный, несомненно, воссоздаст объективную и отчасти субъективную картину жизненных реалий востоковедения в России в первые десятилетия XX в.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, эпистолярное наследие, В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Благодарность: Авторы выражают благодарность директору СПБФ АРАН, чл.-корр. РАН, профессору И. В. Тункиной и сотрудникам известного научного центра за предоставленную возможность опубликовать и ввести в научный оборот данные материалы эпистолярного наследия российского ученого.

Об авторах:

Лю Лицю, кандидат исторических наук, доцент, Школа иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологии (Нанкин, Китай) (liqiu_2018@163.com). ORCID 0009-0001-2154-1485.

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (valeev200655@mail.ru). ORCID 0000-0003-3462-6469.

ВАЛЕЕВ Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, вице-президент ИКОМОС России, заместитель директора по научной деятельности, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (valeev_rm@inbox.ru). ORCID 0000-0003-4239-766X.

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной сфере, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия) (valroz@inbox.ru). ORCID 0000-0001-6347-0710.

КИРИЛИНА Светлана Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия) (kirillina@iaas.msu.ru). ORCID 0000-0001-5769-3715.

© Лю Лицю и соавт., 2024

Выдающиеся ученые-востоковеды В. В. Бартольд (1869–1930) и В. А. Гордлевский (1876–1956) внесли огромный вклад в отечественное и европейское востоковедение, особенно в тюркологию, тюркологию и османистику.

Нет особой необходимости подробно освещать в статье этапы жизненного и научного пути двух великих ученых Российской империи–СССР и современной России. Мы коснемся только ряда жизненных событий и этапов деятельности В. А. Гордлевского и содержания его неопубликованного и сохранившегося эпистолярного наследия 1910–1928 гг.¹ К сожалению, на данном этапе в современных российских центрах, в частности в личном фонде В. А. Гордлевского в Архиве РАН² не удалось найти ответные письма академика В. В. Бартольда. Предварительные поиски в других отечественных архивных центрах тоже не увенчались успехом.

Труды российских востоковедов второй половины XIX — начала XX в. и особенно многогранная и насыщенная деятельность Бартольда и Гордлевского в истории дореволюционной и советской ориенталистики посвящены в целом арабо-мусульманскому наследию средневековья и нового времени и, в частности, языкам, этнографии, фольклору, истории, литературе и культуре тюркоязычных народов России и Турции и всему евразийскому тюркскому общественно-политическому и историко-культурному пространству.

Можно вспомнить образное выражение академика И. Ю. Крачковского, высказанное

в грозовой 1941 г.: «Славная плеяда, озарявшая наше востоковедение до 30-х годов, вырисовалась ясно — Ольденбург, Марр, Бартольд...» [Крачковский, 1941. С. 4]. Творчество В. А. Гордлевского было органично связано и стало продолжением традиций и новаций этой классической эпохи академического, университетского и практического востоковедения России.

В октябре 1976 г. в Институте востоковедения АН СССР на научной сессии «История и филология Турции», посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося тюрколога академика В. А. Гордлевского, были даны следующие обобщающие оценки его наследия: в его исследовательское пространство входили «история, экономика, этнография тюркских народов, а также археология, языковедение, литературоведение и фольклористика»; «он воспитал целое поколение исследователей-тюркологов»; участники сессии «отметили непреходящую научную ценность для тюркской филологии и истории, вообще и турецкой, в частности, многих трудов ученого», вклад и значение «его деятельности для развития татарской публицистики» и др. [Беляева и др., 1976. С. 95–99].

В целом для современной российской ориенталистики В. А. Гордлевский остается известным как «лучший в нашей стране знаток турецкого языка и культуры Турции» [Крачковский, 1947. С. 3] и «как тюрколог с широким диапазоном знаний в области различных тюркских языков, фольклора и литературы тюркских народов» [Баскаков, 1953. С. 11].

Феномен формирования профессиональной деятельности и личности В. А. Гордлевского и его взаимоотношений с В. В. Бартольдом можно оценить только в широком обществен-

¹ См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. В. А. Гордлевский–В. В. Бартольд. Письма.

² Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1–6. Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956), востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1946).

но-политическом и историко-научном контексте, особенно опираясь на сохранившееся эпистолярное наследие востоковедов России. Письма — яркий источник межличностной и межкультурной коммуникации в истории отечественного востоковедения рубежа XX в. Данный пласт взаимоотношений современных ученых дополняется интернет-коммуникацией.

В истории отечественного востоковедения, в том числе тюркологии и османистики, заметна линия исследовательского интереса к эпистолярному наследию ученых-тюркологов предшествующих поколений [Самойлович, 2008]. В 1973 г. известный советский и российский тюрколог Н. А. Баскаков опубликовал системный обзор писем выдающегося востоковеда А. Н. Самойловича к В. А. Гордлевскому [Баскаков, 1973. С. 84–92]. В оценке Н. А. Баскакова: «Приводимые ниже письма А. Н. Самойловича к В. А. Гордлевскому наглядно свидетельствуют о той готовности, с которой ученые информировали друг друга о своей работе, взаимно консультировались, стремясь к объединению усилий для развития отечественной тюркологии» [Баскаков, 1973. С. 84].

В 2006 г. Баскаков вновь обратился к эпистолярному наследию А. Е. Крымского и В. А. Гордлевского [Баскаков, 2006. С. 3–18]. Также известна публикация востоковеда И. В. Зайцева о письмах российского и польского филолога и ориенталиста, профессора, доктора филологических наук, караимского гахана (гахана) С. М. Шапшала (1873–1961)³, написанных в 1945–1950 гг. В. А. Гордлевскому. Они являются свидетельством продолжения и целенаправленного изучения его личного фонда и рукописного наследия [Зайцев, 2007. С. 147–169].

В основном эпистолярное наследие В. А. Гордлевского представлено в его личном фонде в Архиве РАН в Москве⁴. Среди авторов писем В. А. Гордлевскому фигурируют известные отечественные и зарубежные ученые-востоковеды конца XIX — первой половины XX в.:

В. М. Алексеев, Ф. Х. Бабингер, В. И. Беляев, И. С. Брагинский, А.-З. Валидов, Г. С. Губайдуллин, Н. К. Дмитриев, В. И. Зайончковский, А. Н. Кононов, Ф. Е. Корш, И. Ю. Крачковский, С. Е. Малов, Н. Я. Марр, Б. В. Миллер, А. С. Твертинова, С. М. Шапшал, А. Ю. Якубовский и др.

Опубликованное и рукописное эпистолярное наследие В. А. Гордлевского пока остается малоизученным. Вместе с тем для многих специалистов и общественности современной России оно имеет несомненную научную и культурную ценность.

Поиск и публикация разнообразных архивных материалов, в том числе эпистолярного наследия академика Гордлевского, остается одной из важных научных задач современного российского востоковедения.

В данном случае письма профессора В. А. Гордлевского академику В. В. Бартольду позволяют ввести в научный оборот ценные и значимые сведения, объективно отражающие историю науки о Востоке в целом, особенно историю тюркологии, туркологии и османистики, феномен Лазаревского института восточных языков (далее — ЛИВЯ) в изучении Востока, роль и конкретный вклад этих выдающихся ученых-востоковедов и просветителей, их академическую биографию в условиях политического и общественного развития России на рубеже XIX — первых двух десятилетий XX в.

К первой группе эпистолярных посланий В. А. Гордлевского В. В. Бартольду из фонда СПбФ АРАН следует отнести шесть писем и открыток 1910–1916 гг., написанных из Москвы.

Как известно, В. А. Гордлевский после завершения учебы в Лазаревском институте восточных языков (1895–1899 гг.) и на историко-филологическом факультете Московского университета (1899–1904 гг.) в 1904 г. был оставлен в ЛИВЯ «для подготовки к профессорской деятельности и командировки в 1906 г. для усовершенствования в восточных языках на Восток (в Турцию и Сирию)», где изучал турецкий и арабский языки и собирал уникальный турецкий историко-культурный материал. Информация о собранных материалах отразилась в его публикациях дореволюци-

³ О нем см.: [Баскаков, Тинфович, 1973; Kobackaitė, 1997; Karaim Collection, 2003; Петров-Дубинский, 2007; Прохоров Д. А., Кизилов, 2008; Хаджи Серайя Хан, 2010; Дзевановский-Петрашевский, 2018] и др.

⁴ Архив РАН. Ф. 688. Оп. 4. Переписка. 1906–1956.

онного и раннего советского этапа, а также они упоминаются в его эпистолярном наследии.

После научной командировки в Османскую империю (1906–1907 гг.) последний год В. А. Гордлевский провел в Париже, где слушал лекции в известном учебно-исследовательском центре Франции Колледж де Франс (*фр.* le Collège de France, осн. в 1530 г.). В XIX — начале XX в. востоковедческие кафедры данной школы были связаны с ведущими направлениями европейской ориенталистики: египтологией, ассириологией и семитологией (еврейский, халдейский и сирийский языки).

Вступительная лекция В. А. Гордлевского, посвященная новой османской литературе и произнесенная им 27 сентября 1907 г. [Гордлевский, 1961. С. 351] студентам ЛИВЯ, открыла десятилетний, дореволюционный «лазаревский» период его творчества (1907–1918 гг.), тесного общения и роли учителей и соратников в научных поисках молодого тюрколога и османиста. Этот период творчества и взаимоотношений отразился в его переписке с А. Е. Крымским в дореволюционный период, в 1906–1913 гг.⁵

После отъезда из Москвы (1918 г.), в киевский период жизни А. Е. Крымский составил библиографию работ В. А. Гордлевского, которая сохранилась в личном архивном фонде ученого в Институте рукописи Научной библиотеки им. В. И. Вернадского⁶.

Первая опубликованная тюркологическая работа В. А. Гордлевского «Обзор сказок по сборнику Игн. Куноша» (1900 г.) [Гордлевский, 1900. С. 185–219; Гордлевский, 1961. С. 177–223] была основана на его выпускной дипломной работе в ЛИВЯ и открыла периоды тюркологических, османистических и тюркологических исследований. В предисловии к этой публикации В. А. Гордлевский отмечал: «Я по совету А. Е. Крымского решил представить сокращенное изложение всех сказок (т. е. первой части второго тома)...» [Гордлевский, 1900. С. 185–186].

⁵ Подробнее см.: [Валеев и др., 2020а; Валеев и др., 2020б; Валеев и др., 2020в].

⁶ Институт рукописи Научной библиотеки им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25531. Л. 1–10.

По оценке В. А. Гордлевского: «Об османской народной словесности в Европе узнали уже из записей Куноша. Заслуги Куноша, правда, громадны, однако методы и приемы мадьярского ориенталиста возбуждают иногда сомнения и недоумения» [Гордлевский, 1961. С. 315].

В целом, обзор и систематизация опубликованных В. А. Гордлевским в 1900–1918 гг. и более поздних тюркологических и османистических работ свидетельствуют об оригинальных и прогрессивных взглядах и оценках на изучение классических и современных языков, фольклора, средневековой и новой литературы, этнографии и культуры тюркских народов Османской империи и России⁷, а тем более — о пристальном внимании к тюркологическим и османистическим исследованиям в России, Европе и мусульманском Востоке.

В переломный рубеж творчества московского востоковеда в 1929 г. академики В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и И. Ю. Крачковский в «Записке об ученых трудах проф. В. А. Гордлевского» в связи с рекомендацией его к избранию членом-корреспондентом АН СССР по разряду востоковедения выделяли следующие его качества: «Проф. I Московского государственно-го университета и Института востоковедения имени Нариманова Владимир Александрович Гордлевский бесспорно лучший в настоящее время в СССР специалист по языку, литературе и быту Турции»; «По своей научной подготовке... и по месту своей преподавательской деятельности В. А. Гордлевский принадлежит к московской школе русских востоковедов»; «...деятельность московских востоковедов... направлялась преимущественно в сторону этнографии и фольклора. К востоковедам этого типа принадлежит и В. А. Гордлевский»; «работами Гордлевского сделано чрезвычайно много... для будущих исследований». Учителями и наставниками были даны и другие значимые характеристики его наследия [Записка, 1930. С. 20–26].

О сформировавшемся и углубляющемся учебном и научном интересе В. А. Гордлевско-

⁷ Основную библиографию работ В. А. Гордлевского см.: [Библиография, 1946]; [Базиянц, 1979. С. 56–63] и др.

го к языку, фольклору, литературе, этнографии и истории Османской империи и тюркских народов России ярко свидетельствуют его разнообразные публикации периода работы в ЛИВЯ: «Народные османские песни. Вып. I–II» (М., 1909); «Очерки по новой османской литературе. Пособие к лекциям» (М., 1909); «Турецкий язык. Пособие к лекциям в Лазаревском институте в 1909–1910 acad. году» (М., 1910); «Очерки по новой османской литературе» (М., 1912); «Образцы османского народного творчества. Ч. I. Тексты» (М., 1916) и другие заметки и статьи, посвященные истории и культуре современных тюркоязычных народов.

В XIX — начале XX в. ЛИВЯ (учрежден в 1815 г.) формировался и развивался как центр преподавания трех основных современных «мусульманских» языков (с 1848 г.). В 1830–1870 гг., особенно после преобразования института в 1848 г., наметились новые направления исследования и сформировались прогрессивные учебно-методические и научные традиции изучения турецкого языка и тюркского историко-культурного пространства.

В 1872–1918 гг. в специальных классах ЛИВЯ на базе кафедры турецко-татарского языка получило дальнейшее развитие преподавание турецкого языка и различных тюркологических, туркологических и османистических дисциплин. В библиотеке специальных классов института сформировалась солидная база книг и рукописей на арабо-мусульманских языках, в том числе посвященных языку, литературе, истории и культуре тюркских народов и Османской империи [Тридцатилетие, 1903; Базиянц, 1959; Базиянц, 1973]. Например, экстраординарный профессор кафедры турецко-татарского языка института (с 1884 г.) малоазийский грек С. Е. Саков (1846–1921) читал студентам специальных классов института, в том числе воспитаннику института В. А. Гордлевскому (1895–1899 гг.), курсы турецкого, азербайджанского, чагатайского и сартовского языков, а также вел занятия, посвященные казанско-татарским текстам. К началу учебной и научной деятельности В. А. Гордлевского ЛИВЯ был ведущим институтом московского центра российского востоковедения.

В 1902 г. в связи с 30-летием образования Специальных классов ЛИВЯ почетными членами института были избраны известные российские и европейские востоковеды — академики В. Р. Розен и В. В. Бартольд, профессора Страсбургского университета — арменист и иранист Генрих Хюбшман (Johann Heinrich Hübschmann, 1848–1908) и семитолог, арабист-исламовед Теодор Нёльдеке (Theodor Nöldeke, 1836–1930). В приветственной телеграмме В. Р. Розен писал: «Я счастлив, что отныне буду числиться в списках учреждения, которое, бодро, шагая вперед по новому пути, все более и более упрочивает за собой славу одного из крупных центров русского востоковедения». Теодор Нёльдеке в телеграмме, выражая «глубоко прочувственную благодарность», отмечал, что «если Вы... удостоили меня такой чести, то я в этом вижу оценку не столько результатов моих трудов, сколько моих стремлений к изучению истории литератур и языков азиатских стран».

В первые десятилетия XX в. и до закрытия и последующей реорганизации ЛИВЯ (1918–1924 гг.)⁸ в этих учебных и исследовательских процессах важную роль играла последняя когорта ведущих представителей московской школы — А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский и др. Факты, события и оценки этих лет представлены в его посланиях 1918–1928 гг.

Начало работы В. А. Гордлевского в институте в 1907 г. совпало с одним из проектов В. Ф. Миллера о преобразовании Специальных классов ЛИВЯ в самостоятельный Восточный институт. Эта тенденция реформ института сохранялась вплоть до закрытия учебного заведения. В 1918–1919 гг. Гордлевский в своих письмах коснется ряда аспектов завершающего этапа организационных перемен и закрытия

⁸ После переименований в 1918–1919 гг., в 1920 г. в Наркомнаце была высказана идея создания на базе ЛИВЯ Института «Живого, практического востоковедения». Постановлением СНК РСФСР от 7 сентября 1920 г. Центральный институт живых восточных языков был организован на базе бывшего Лазаревского института в Москве. В 1921 г. на базе ЛИВЯ был образован Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова (МИВ), где также работал В. А. Гордлевский. В 1954 г. МИВ был присоединен к МГИМО.

основного институционального центра московской школы востоковедения. Московский востоковед обращался к В. В. Бартольд, начиная со своих первых дореволюционных писем, по различным вопросам состояния, проблемам и перспективам российского востоковедения.

1910–1916 гг. были отмечены важными фактами и событиями профессионального роста, преподавательской, исследовательской и общественной работой преподавателя крупного московского востоковедного центра XIX — начала XX в. Особо выделяется 1916 г., когда В. А. Гордлевский был утвержден экстраординарным профессором ЛИВЯ.

Начав педагогическую, научную и общественную деятельность в ЛИВЯ, В. А. Гордлевский связал свою личную и профессиональную деятельность не только с учителями (В. Ф. Миллером, Ф. Е. Коршем, А. Н. Веселовским), но и с А. Е. Крымским и другими выпускниками института, особенно с близкими коллегами и соратниками, в дальнейшем известными российскими востоковедами: В. Ф. Минорским (1877–1966), Н. И. Ашмариним (1870–1933), Б. В. Миллером (1877–1956), А. А. Семеновым (1873–1958) и др.

В 1915 г. В. А. Гордлевский посвятил биографические заметки Б. В. Миллеру и В. Ф. Минорскому [Гордлевский, 1915а. С. 228–229; Гордлевский, 1915б. С. 232]. Также он опубликовал цикл рецензий в журнале «Русский вестник»: на работу А. Е. Крымского «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка» (1910 г.), в 1911 г. и 1915 г. — на работы В. Ф. Минорского «Материалы для изучения персидской секты» («Люди истины») (1911 г.) и «Курды. Заметки и впечатления» (1915 г.). Намного позднее, на склоне жизненного пути, в 1956 г. В. А. Гордлевский напечатал свою мемориальную статью «Памяти Н. И. Ашмарина (К 85-летию со дня рождения)» [Гордлевский, 1968. С. 429–437].

Чаяния и думы В. А. Гордлевского на этапе преподавательской и научной деятельности в ЛИВЯ, а также подготовки и сдачи магистерских экзаменов на восточном факультете Санкт-Петербургского университета в 1910 г. представлены в первом письме (Москва, 7.II.1910 г.):

«Дорогой Василий Владимирович! Вы меня смущаете своею любезностью, тем более, что в глубине души я не могу не сознавать, что Ваше внимание ко мне незаслуженно. Как я Вам говорил перед Рождеством, я хотел на обратном пути из Финляндии приступить к экзаменам, но устранился неопределенности программы В. А. Жуковского⁹. В сущности, требования, предъявляемые им, правильны, и обнаруживают ясное понимание условий, которым должен удовлетворять человек, сосредотачивающий главное свое внимание на османском языке, — именно он требует знания персидской лирики, под влиянием которой складывались, разумеется, все образцы османской поэзии. Но я хочу идеальную постановку втиснуть в реальную программу, которую и представляю ему на утверждение»¹⁰.

Далее читаем в письме следующие строки:

«Вероятно, страх мой объясняется малой подготовленностью, хотя, думаю, что подражательная османская поэзия (азиатская школа) никогда не будет меня особенно интересовать. Несмотря на свои слабые знания, я дерзаю все же сказать Вам, что хочу дерзать потому, что дольше нельзя уже тянуть это неопределенное положение, отвлекающее от серьезных работ. Итак, жребий брошен! Одновременно с письмом Вам я посылаю, как Вы тогда говорили, прошение ректору о допущении меня к экзаменам. Я думал бы устроить таким образом: в первую голову пустить турецкие наречия, историю османской литературы и историю османской империи. Во вторую очередь — т[ак] наз[ываемые] второстепенные предметы»¹¹.

Также в первом письме отразились некоторые востоковедные сюжеты из истории европейской науки о Востоке. В. А. Гордлевский не упустил возможности сообщить В. В. Бартольду: «Вчера я переглядывал работу Харт-

⁹ Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918) — российский востоковед-иранист, член-корреспондент Петербургской АН (1899 г.), профессор Петербургского университета (1889 г.), начальник Учебного отделения восточных языков МИД (1905–1907 гг.), автор оригинальных исследований в области персидского языка и литературы, фольклора, этнографии и истории Ирана.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 1–1 об.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 1 об.–2.

мана¹²: «Unpolitische Briefe aus der Türkei»¹³ и, если только опять Вы не ознакомились с работой раньше меня, хочу Вас порадовать, что там передаются кое-какие сведения о Серальской¹⁴ библиотеке и найденных там рукописях»¹⁵. Завершая свое письмо В. А. Гордлевский критически оценил работу немецкого востоковеда: «Для меня вообще книга Хартмана полна серьезного интереса, только материал не обработан...»¹⁶.

В этой группе дореволюционных писем особо выделяется письмо В. А. Гордлевского В. В. Бартольду от 15 октября 1910 г. Позволим подробнее обратиться к этому примечательному тексту. Он писал: «Дорогой Василий Владимирович! Недавно был у меня В. П. Налимов¹⁷, с которым Вы имели случай познакомиться в Москве во время съезда естествоиспытателей»¹⁸,

и, увидев у меня Вашу статью о съезде¹⁹, начал высказываться по поводу недостатков организации и постановки некоторых вопросов. Он также отметил безыдейность съезда и очень был рад слышать, что его замечания совпадают с Вашими. Он просил меня при случае написать Вам, что ему хотелось бы получить от Вас оттиск этой статьи. Вообще, Ваша статья написана беспристрастно; не сказал бы этого относительно Вашего резюме доклада Штернберга²⁰ («О нуждах русской этнографии»). Кажется, это был самый боевой доклад, но о многом Вы умолчали (о его выпадах по адресу Анучина²¹, носивших какой-то личный характер), и возражения Анучина, оторванные от прокурорства обличительного введения Штернберга, становятся не совсем уместными. О впечатлении, произведенном докладом и потом²² Штернберга, я слышал от нескольких лиц, и даже лица, не скрывающие от себя темных сторон Анучина, находят, что в излишке корректности по отношению к Анучину Штернберга нельзя было упрекнуть»²³. Как нам представляется, дана достаточно четкая характеристика атмосферы, царившая в российской этнографии на рубеже XIX–XX вв.

¹² Хартманн Мартин (Martin Hartmann, 1851–1918) — крупный немецкий востоковед и исламовед, ученик немецкого профессора и востоковеда Генриха Леберехта Флейшера (Heinrich Leberecht Fleischer) (1801–1888), адъюнкт по восточным языкам и древностям (с 1835 г.), член-корреспондент «по разряду восточному» Санкт-Петербургской академии наук (с 1849 г.). В 1875 г. получил докторскую степень в Лейпцигском университете. В 1876–1887 гг. драгоман в Генеральном консульстве Германии в Бейруте. В 1887–1918 гг. профессор кафедры восточных языков в Берлине. Подробнее см.: [Wokoeck, 2009].

¹³ Работа Хартманна М. «Аполитичные письма из Турции» была опубликована в Лейпциге в 1910 г.

¹⁴ Сераль — султанский дворец в Стамбуле.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 2 об.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 3 об.

¹⁷ Налимов Василий Петрович (1879–1939) — по происхождению коми-зырянин, этнограф, географ и писатель. С 1917 г. в должности приват-доцента преподавал в Казанском университете. В 1922–1938 гг. профессор Московского университета. Исследовал верования и обычаи финно-угорских народов, в экспедициях собирал песни, сказки, предания, легенды коми. В 1933 г. был арестован по «делу Союза освобождения финских народностей». В 1933–1935 гг. находился в ссылке под Норильском. В 1939 г. умер в Сыктывкарской тюрьме, в 1955 г. был реабилитирован.

¹⁸ Речь о XII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве, который проходил с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. 30 декабря 1909 г. В. В. Бартольд участвовал в заседании подсекции этнографии и антропологии и обмене мнениями при обсуждении доклада В. Г. Богораза «Психология шаманизма у народов Северо-Восточной Азии». Также В. В. Бартольд выступил с докладом «К вопросу о происхождении кайтаков».

¹⁹ Имеется в виду публикация В. В. Бартольда «XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Занятия подсекции этнографии», изданная в журнале «Живая старина» [Бартольд, 1910]. Он дал общий обзор и анализ работы данной подсекции Съезда. В своей статье писал: «Чтобы дать читателям более наглядное впечатление о характере и результатах работ подсекции, доклады расположены не в хронологическом порядке, но в зависимости от вопросов, которым посвящены доклады, от попыток определить общие задачи русской этнографии и средства к их выполнению до сообщений об отдельных народностях». См.: [Бартольд, 1910. С. 178].

²⁰ Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) — российский и советский этнограф, член-корреспондент АН СССР по отделу палеоазиатских народов (1924 г.). В 1902–1917 гг. секретарь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Профессор Петроградского университета (1918 г.). Подробнее см.: [Гаген-Торн, 1975].

²¹ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) — российский и советский географ, антрополог, этнограф, археолог и музеевед. Академик имп. Санкт-Петербургской Академии наук (1896 г.). См.: [Карпов, 1958].

²² Слово подчеркнуто автором.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 5–5 об.

В письме от 13 марта 1916 г. отразились личное отношение и оценки роли В. В. Бартольда в профессиональном формировании В. А. Гордлевского: «Дорогой Василий Владимирович! Я все-таки не ошибся, направив статью именно к Вам. Как и в год сотрудничества моего в журнале «Мир ислама», так и теперь вижу я в Вас отзывчивого, опытного редактора, мнением которого приходится всегда дорожить». И далее особо отмечал важность «такого руководителя, отсутствие которого в области востоковедения всегда я остро чувствовал, вследствие чего не успел и упорядочить своих знаний, и страдаю от этого до сего дня...»²⁴. Эти строки письма ярко свидетельствуют о той огромной роли В. В. Бартольда в судьбе и углублении профессиональной деятельности его московского ученика и соратника — В. А. Гордлевского.

В письме В. А. Гордлевского из Москвы (от 27 апреля 1916 г.) замечен важный личностный рубеж, когда он в качестве корреспондента газеты «Русское слово» и переводчика был командирован на Кавказский фронт. Он писал академику В. В. Бартольду: «Я к Вам с большой просьбой. Мне представляется возможность уехать на Кавказ в качестве переводчика при штабе армии, и я хотел бы свободное время от прямых своих обязанностей отдать изучению края и людей, с которыми буду сталкиваться». И просил для изучения этнографии, рукописей и археологии края ходатайства «иметь на руках рекомендации от различных ученых Общества или организаций. Как один из членов Русского Комитета по изучению...»²⁵ Азии, быть может, Вы нашли бы возможным выхлопотать мне от Комитета соответствующее удостоверение — очень был бы Вам признателен. А если бы Вы еще от себя дали мне ряд указаний, на что важно обратить внимание в районе Турецкой Армении и Курдистана... <...> Может быть, сумел бы сделать там что-нибудь полезное вообще для нашего востоковедения»²⁶.

В 1918–1919 гг. В. А. Гордлевским были написаны девять писем академику В. В. Бартоль-

ду из Уфы, Зушы²⁷ и Москвы, в полной мере отразившие радикальные перемены в его судьбе, институциональные и содержательные перемены в российском, в частности в московском, востоковедении и драматичные общественно-политические трансформации российского государства и общества.

Не освещая подробно эти годы жизни В. А. Гордлевского и содержание его писем, обратимся к некоторым сюжетам и обстоятельствам.

В биографии ученого-профессора и действительного статского советника В. А. Гордлевского особо выделяется переходный и кратковременный административный период с апреля по декабрь 1917 г., когда он «был назначен министерством просвещения Временного правительства исполняющим обязанности попечителя Оренбургского учебного округа» [Базиянц, 1973. С. 17], образованного еще в 1875 г.

До его назначения на этот пост в конце XIX — первые десятилетия XX в. попечителями учебного округа были известные отечественные ученые: в 1885–1890 гг. — зоолог-натуралист Д. С. Михайлов (1824–1889), в 1890–1904 гг. — видный киевский филолог и педагог, известный латинист И. Я. Ростовцев. В 1906 г. попечителем Оренбургского учебного округа был назначен Николай Алексеевич Бобровников (1854–1921), педагог, приемный сын известного востоковеда-монголоведа А. А. Бобровникова (1821/22–1865). В 1908–1910 гг. эту должность занимал А. В. Никитский (1859–1921), филолог-классик, специалист в области греческой эпиграфики.

Последним попечителем Оренбургского учебного округа в 1916–1917 гг., до назначения В. А. Гордлевского, стал А. Н. Деревницкий (1859–1943) — известный ученый-филолог и эллинист [Галиуллина, 2012. С. 58–61]. Во многом эти назначения и фигуры объясняются фактором «цивилизационно-миссионерских задач», возложенных на Казанский учебный

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 7.

²⁵ Так написано автором.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 9–9 об.

²⁷ После отъезда из Уфы В. А. Гордлевский жил в этом населенном пункте. Сельцо Большая река Зуша (Головкина), Российская империя, Тульская губерния, Новосильский уезд. Зуша — река в Тульской и Орловской областях России, правый приток реки Оки.

округ, и с первых лет деятельности Оренбургского учебного округа официальной имперской идеологией и практикой.

Известный советский историк востоковедения и биограф А. П. Базиянц справедливо отмечал: «Однако и в Уфе, на посту попечителя Оренбургского учебного округа, он оставался ученым. Здесь В. А. Гордлевский собирал татарские и башкирские песни, устные рассказы, знакомился с творчеством татарских писателей» [Базиянц, 1973. С. 17].

Первое письмо попечителя Оренбургского учебного округа В. А. Гордлевского из Уфы датировано 5 мая 1917 г., второе письмо из Уфы — 30 апреля 1918 г.

Приведем лишь ряд положений этих писем, свидетельствующих о событиях общественной жизни и личной позиции В. А. Гордлевского.

Он писал следующие строки в письме из Уфы от 5 мая 1917 г.: «Дорогой Василий Владимирович! Я обещал написать Вам о своих первых впечатлениях уфимских. Здесь, кажется, глубже пришлось мне соприкоснуться с жизнью, с отношениями людскими, созданными революцией. Мои выводы, быть может, несколько пессимистичны: я забываю, что во время борьбы валяются всегда подгнившие устои»; «Созиданию должно предшествовать крушение старого, отжившего, но здесь революционный дух обуял всех и вся, и не хотят люди слушать голоса разума»; «Раздражение усиливается на периферии потому, что нередко центр слишком далек и слишком поздно откликается на нужды местные»; «Все находится в полной дезорганизации. Когда я приехал, при местном союзе учителей выбрана была комиссия по управлению²⁸ округом; чтобы как-нибудь наладить работу я собирал комиссию...»²⁹.

Далее в своем последнем письме из Уфы (30 апреля 1918 г.) он писал В. В. Бартольду: «Дорогой Василий Владимирович! Пишу Вам накануне отъезда из Уфы — больше оставаться здесь уже не в силе — те сбережения, которые были сделаны, израсходованы, и мы отправляемся на подножный корм в деревню»; «...

Теперь национальные учреждения ликвидированы, и все перешло в комиссариат по башкирским делам...»; «Сами татары, видимо, не теряют еще совсем надежды, что им удастся восстановление ведомств — финансового и просвещения, с таковой целью муфтий и председатель вед[омства] просв[ещения] (Курбангалиев — юрист) отправились в Москву...»; «...Инициатива... исходит от Комиссариата по мус[ульманским] делам, и по видимому, от одного из комиссаров А. Галимджана Ибрагимова (писатель) — он был избран в Учредительное Собрание и был на платформе советской власти; он большее участие принимал в редактировании газеты социалистической — Чулпан³⁰ — выходившей в Смольном, теперь перенесенный в Москву»; «Общее настроение, общие условия... Вам известны: живут остатки России и империи...»; «Гонорар за статью... получил, жаль, что приостановлен журнал; но, очевидно, издавать сейчас — мука — и не только потому, что дорого стоит; в общем вид у книжки³¹ должен быть неряшливый — даже совестно становится, что академическое издание — технически так слабо: где был корректор, что делал...?»; «Книжки самой я до сих пор не получил, будьте так добры пришлите ее мне по адресу. Почтовое отделение Корсаково Тульской губернии, Зуша. Был бы очень рад, если бы прислали и свою последнюю работу — Очерк ислама³². Шлю сердечный привет Марье Алексеевне»³³.

Завершающая группа из 19 писем В. А. Гордлевского (с 23 августа 1918 г. по 29 октября 1928 г.) академику В. В. Бартольду является важным источником сведений о московском периоде жизни и ценным материалом осмыс-

²⁸ Подчеркнуто автором.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 10–10 об.

³⁰ «Утренняя звезда» — общественно-политическая газета («газета лево-социалистического направления»). Орган Центрального мусульманского комиссариата (ЦМК) при Наркомате по делам национальностей РСФСР. Издавалась в 1918–1919 гг. в Петрограде (издано 12 номеров) и с 13-го номера — в Москве (издано 33 номера) на татарском языке. В начале деятельности официальный редактор — Г. Абушаева, фактически — Галимджан Ибрагимов.

³¹ Слово зачеркнуто и снова восстановлено.

³² Имеется в виду работа В. В. Бартольда «Ислам: общий очерк» (Пг., 1918 г.).

³³ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 14–15.

ления истории постреволюционной и ранней советской ориенталистики, в первую очередь московского востоковедения этого десятилетия. Четыре письма 1918 г. были написаны из Москвы, Уфы и Зушы, а 15 посланий 1919–1928 гг. — из Москвы.

Завершая обзор писем, выделим только некоторые темы, оценки и итоги.

Одной из главных тем, затронутых в первых письмах, являются институциональные перемены в московском востоковедении, в частности судьба ЛИВЯ и поворотные рубежи ранней советской ориенталистики.

В октябре 1918 г. В. А. Гордлевский писал: «И так я — в Москве, но не Лазаревском инст[итут]е вост[очных] я[зыков], в Лаз[аревском] Переднеазиатском инст[итуте]. Не знаю, мож[ет] б[ыть], я и вправду человек неуживчивый, но должен сказать откровенно: Институт давно нуждался в реформе, в идеале реформа задумана хорошо, но осуществлена неудачно...»³⁴.

Потери и смерть наставников и коллег особенно волнуют В. А. Гордлевского: «Я был огорчен Вашим известием о смерти. Три смерти в течение нескольких месяцев, эта потеря была бы заметна и не только в России, смерти Залемана и Жуковского — сильный удар...»³⁵; «А смерть собирает жатву. ...Вам назову скончавшегося третьего дня Алексея Ник[колаевича] Веселовского³⁶. Видел я его в воскресенье, был он неважен»³⁷.

Отдельно представим полный текст письма от 19 марта 1928 г., посланного в связи со смер-

тью супруги В. В. Бартольда: «Дорогой Василий Владимирович! Когда весть о смерти приходит внезапно, всегда чувствуешь себя как бы виноватым, и кажется, что не умел вовремя сказать человеку, что он есть, а Марья Алексеевна была, как она мне представлялась, человек добрый и душевный. От души жалею Вас. Вл. Гордлевский»³⁸.

В рассмотренной панораме эпистолярного наследия В. А. Гордлевского все же выделяются 12 завершающих писем 1920-х годов, отличающихся насыщенностью фактов, событий и оценок своей личной и профессиональной деятельности и в целом отечественного востоковедения.

Эти послания — реакция на революционные общественно-политические события 1917 г. и институциональные мероприятия по радикальному реформированию системы академического и университетского востоковедения.

В своем письме от 27 мая 1920 г. В. А. Гордлевский писал: «Дорогой Василий Владимирович! Я так надолго замолчал и скрылся с московского горизонта, что Вы меня, пожалуй, и забыли. Только на днях вернулся я в Москву. Год вышел тяжелый. Хотя скитался я по тюрьмам сравнительно немного и всего 1½ мес[яца], но моральное состояние было скверное, а вдобавок, сидя в тульской чрезвычайке, сильно простудился; сперва перемучился и ходил даже на работу (из концентрационного лагеря), так что отпущенный на свободу, я, как пласт, пролежал в деревне две недели»³⁹. Этот жизненный эпизод практически не отразился в биографических очерках В. А. Гордлевского.

В этом же письме он писал: «Вы в Питере счастливы: М.[Н/К]. Максимов⁴⁰ привез оттуда ряд брошюр прекрасные изданные, — по буддизму. Он вообще находит, что у Вас там чувствуется в работе налаженность. Будьте так добры, сообщите, в каком положении печатание Записок В[осточного] О[тделения]. Может б[ыть], моя статья отпечатана, и Вы прислали

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 19.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 17 об.

³⁶ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) — историк литературы, профессор (1872 г.), заслуженный профессор Петербургского университета (1895 г.), ординарный академик Петербургской АН (1881 г.). Профессор А. Н. Веселовский в письме своему ученику и коллеге, В. А. Гордлевскому (22 июля/4 августа 1918 г.), говоря о новом рубеже в судьбе А. Е. Крымского, писал: «Крымский никогда и не помышлял об Иркутском университете (так ли я прочел? Да и есть ли такой университет?), а в настоящее время на пути в Киев, где учреждается Украинская академия, во главе с Вернадским, который вызывает его, чтобы он помог в ее организации». См.: Архив Академии наук. Ф. 688. Оп. 4. Д. 74. Л. 6.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 19 об.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 38.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 26.

⁴⁰ Скорее всего, имеется в виду аспирант М. К. Максимов в Институте востоковедения.

бы мне хотя один оттиск? И. А. Орбели хотел мне выслать тоже и указатель к 3[апискам] в[осточного] о[тделения], и Зап[иски] (т. 24), но или забыл, или очень занят»⁴¹.

Текст писем позволяет дополнить фактами историю востоковедения как академического и университетского направлений и дисциплин, осветить методологические и методические подходы, формирование новых институциональных форм и особенностей взаимодействия основных университетов и Академии наук, деятельность ключевых институциональных центров науки о Востоке в СССР.

В тексте писем появляются имена и личности дореволюционных и советских востоковедов-наставников и коллег, в окружении которых жил и творил В. А. Гордлевский: Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский⁴², И. А. Орбели, А. А. Шахматов и др.

Наследие В. А. Гордлевского позволяет размышлять о междисциплинарной природе востоковедения в России — академического и вузовского статуса, стилей и оценок эпистемологической парадигмы «Россия–Восток–Запад», взаимодействия ориенталистики и властей дореволюционного имперского и раннего советского государства и общества. Прослеживаются универсальные научные, идейные подходы и ценности дореволюционного и раннего советского востоковедения на рубеже и в первые десятилетия XX в., гуманитарные традиции и преемственность, сохраняющийся академизм, энциклопедизм, просветительство и гуманизм отечественных востоковедов и феномен миссии России на Востоке.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 27–27 об.

⁴² В рассмотренном фонде сохранилось одно письмо В. А. Гордлевского академику И. Ю. Крачковскому от 1 апреля 1929 г. Позволим себе опубликовать его в приложении к статье в несколько сокращенном виде.

Введение в научный оборот писем В. А. Гордлевского академику В. В. Бартольдусу создает документальную базу для более углубленного освещения жизни и деятельности московского востоковеда-турколога, османиста, академика АН СССР и формирования целостного представления об истории российской ориенталистики в переломные первые десятилетия XX в.

Приложение

В. А. Гордлевский И. Ю. Крачковскому⁴³
Москва, I.IV.1929.

Дорогой Игнатий Юлианович!

Со времени Вашего последнего письма, в котором Вы предлагали мне доставить Вам свои *opuscula*⁴⁴ для рассылки по назначению, прошло больше месяца, и мож[ет] б[ыть], я поступаю не совсем правильно, обращаясь к Вам (ведь Вы оставили секретарство в Отделении), но что поделаешь? Привычка! Они создали как бы традицию (...их сейчас и разрушают).

И так, позвольте надеяться за Вашу любезность и просить разослать по адресатам оттиски; и еще просьба: В. В. Бартольдом представлена была для напечатания в Докладах заметка «Кладбище Зейнилер в Брусе»⁴⁵. Пока она не набрана (хотя по времени, казалось мне, она могла бы уже быть набранной), нельзя ли будет внести изменения в листе 7-м, с конца 4-й строчки согласно присылаемому листу, а абзац в 2 строки, мож[ет] б[ыть] уместно... выбросить.

Только что получил оттиски статей и рецензий Ваших и Вашей жены и благодарю.

Вл. Гордлевский.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. Л. 41.

⁴⁴ Небольшое литературное произведение (*лат.*).

⁴⁵ См.: [Гордлевский, 1929].

Источники

Архив РАН. Фонд 688. Оп. 1–6. Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956), востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1946).

Архив РАН. Ф. 688. Оп. 4. Переписка. 1906–1956. Институт рукописи Научной библиотеки

им. В. И. Вернадского Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25531. Л. 1–10.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 70. В. А. Гордлевский–В. В. Бартольд. Письма.

Использованная литература

Самойлович, 2008: Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография [Alexander Nikolaevich Samoilovich: Scientific Correspondence. Biography] / Сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова; отв. ред. Д. М. Насилов. М., 2008.

Базиянц, 1959: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков: (Исторический очерк) [Lazarev Institute of Oriental Languages: (Historical essay)]. М., 1959.

Базиянц, 1973: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения [Lazarev Institute in the History of Russian Oriental Studies]. М., 1973.

Базиянц, 1979: *Базиянц А. П.* Владимир Александрович Гордлевский [Vladimir Alexandrovich Gordlevsky]. М.: Наука, 1979.

Бартольд, 1910: *Бартольд В. В.* XII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Москве. Занятия подсекии этнографии [XII Congress of Russian Naturalists and Doctors in Moscow. Classes of the Ethnography Subsection] // Живая старина. 1910. Год XIX. Вып. I–II. С. 176–187.

Баскаков, 1953: *Баскаков Н. А.* Академик В. А. Гордлевский — филолог-историк [Academician V. A. Gordlevsky — Philologist and Historian] // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию: сб. ст. М., 1953. С. 10–22.

Баскаков, 1973: *Баскаков Н. А.* А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому [Samoilovich in Letters to V. A. Gordlevsky] // Советская тюркология. 1973. № 5. С. 84–92.

Баскаков, 2006: *Баскаков Н. А.* Из писем А. Е. Крымского к В. А. Гордлевскому [From Letters of A. E. Krymsky to V. A. Gordlevsky] // *Türkologiya*. 2006. № 2/4. С. 3–18.

Баскаков, Тинфович, 1973: *Баскаков Н. А., Тинфович М. С.* М. Шапшал (к 100-летию со дня рождения) [S. M. Shapshal (on the 100-th anniversary of his Birth)] // Советская тюркология. 1973. № 3. С. 119–121.

Беляева и др., 1976: *Беляева Н., Васильев Д., Ли Ю., Маштакова Е., Филиппова С., Юсипова Р.* 100-летний юбилей академика В. А. Гордлевского [The 100th Anniversary of Academician V. A. Gordlevsky] // Советская тюркология. 1976. № 5. С. 95–99.

Библиография, 1946: Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР профессора В. А. Гордлевского (к 70-летию со дня рождения) [Bibliography of the printed works of corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Professor V. A. Gordlevsky (on the 70th anniversary of his birth)]. М., 1946.

Валеев и др., 2020а: *Валеев Р. М., Василюк О. Д., Валеева Р. З., Кириллина С. А., Мейер М. С., Мартынов Д. Е., Хайрутдинов Д. Р.* Неопубликованное письмо В. А. Гордлевского А. Е. Крымскому из Турции (1906 г.) [Unpublished letter by V. A. Gordlevsky to A. E. Krymsky from Turkey (1906)] // Сборник публикаций научного журнала Chronos сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М.: Научный журнал Chronos, 2020. С. 7–11.

Валеев и др., 2020б: *Валеев Р. М., Василюк О. Д., Валеева Р. З., Кириллина С. А., Мартынов Д. Е., Мейер М. С., Хайрутдинов Д. Р.* Письма В. А. Гордлевского А. Е. Крымскому из фондов Института рукописи Научной библиотеки В. И. Вернадского Украины (1906–1909 гг.) [Letters of V. A. Gordlevsky to A. E. Krymsky from the Collections of the Institute of Manuscripts of the Scientific Library of V. I. Vernadsky of Ukraine (1906–1909)] // Сборник публикаций мультидисциплинарного научного журнала «Архивариус» г. Киева: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). Киев: мультидисциплинарный научный журнал «Архивариус», 2020. С. 10–16.

Валеев и др., 2020в: *Валеев Р. М., Валеева Р. З., Василюк О. Д., Кириллина С. А., Мейер М. С., Хайрутдинов Д. Р.* Неопубликованные письма академика В. А. Гордлевского академику А. Е. Крымскому из фондов Института рукописи Научной библиотеки им. В. И. Вернадского Украины (1906–1909 гг.) [Unpublished letters of Academician V. A. Gordlevsky to Academician A. E. Krymsky from the Collections of the Institute of Manuscripts of the Vernadsky Scientific Library of Ukraine (1906–1909)] // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2020. № 4. С. 128–137.

Гаген-Торн, 1975: *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг [Lev Yakovlevich Sternberg] / Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука; ГРВЛ, 1975.

Галиуллина, 2012: *Галиуллина С. Д.* Персональный состав попечителей Оренбургского учебного округа [The Personal Composition of the Trustees of the Orenburg Educational District] // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 58–61.

Гордлевский, 1900: *Гордлевский В. А.* Обзор турецких сказок по сборнику Игн. Куноша [Turkish Fairy Tales Based on the Collection of Ign. Kunosh] // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 185–219.

Гордлевский, 1915а: *Гордлевский В. А.* В. Миллер (Биографическая заметка) [V. V. Miller (Biographical Note)] // Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Т. 2. М., 1915. С. 228–229.

Гордлевский, 1915б: *Гордлевский В. А.* В. Ф. Минорский (Биографическая заметка) [V. F. Minorsky (Biographical Note)] // Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Т. 2. М., 1915. С. 232.

Гордлевский, 1929: *Гордлевский В. А.* Кладбище Зейнилер в Брусе [Zeiniler Cemetery in Brusa] (Представлено акад. В. В. Бартольдом в ОГН 23.IV.1929) // Доклады Академии наук СССР. Серия Б. 1929. С. 213–217.

Гордлевский, 1961: *Гордлевский В. А.* Избранные произведения [Some Scientific Works]. Т. II. Язык и литература. М., 1961.

Гордлевский, 1968: *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения [Some Scientific Works]. Т. 4. Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968.

Дзевановский-Петрашевский, 2018: *Дзевановский-Петрашевский В.* Серая Маркович Шапшал (1873–1961): опыт биографического очерка [Seraya Markovich Shapshal (1873–1961): the Experience of a Biographical Sketch] // Almanach Karaimski. Вып. 7. С. 25–65.

Зайцев, 2007: *Зайцев И. В.* «Что мне делать и как быть?» (письма Серая Марковича Шапшала академику В. А. Гордлевскому: 1945–1950) [“What should I do and what should I do?” (Letters of Serai Markovich Shapshal to Academician V. A. Gordlevsky: 1945–1950)] // Вестник Евразии. 2007. № 4. С. 147–169.

Записка, 1930: Записка об ученых трудах проф. В. А. Гордлевского. Л., 1930. С. 20–26.

Карпов, 1958: *Карпов Г. В.* Путь ученого: очерки жизни, научной и общественной деятельности Д. Н. Анучина, 1843–1923 [The Path of a Scientist: Essays on the Life, Scientific and Social Activities of D. N. Anuchin, 1843–1923]. М.: Географгиз, 1958.

Крачковский, 1941: *Крачковский И. Ю.* Из воспоминаний о Марре [From the Memories of Marr] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1941. № 3. С. 3–7.

Крачковский, 1947: *Крачковский И. Ю.* Владимир Александрович Гордлевский // Труды Московского института востоковедения. Вып. 4. М., 1947. С. 3–6.

Петров-Дубинский, 2007: *Петров-Дубинский О. В.* С. М. Шапшал (Эдиб-ус-Султан) — учитель Валиахда Мохаммед-Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-шаха [S. M. Shapshal (Edib-us-Sultan) — Teacher of Waliahda Mohammed Ali, Adjutant General of Mohammed Ali Shah] // Восток. 2007. № 5. С. 64–78.

Прохоров, Кизилев, 2008: *Прохоров Д. А., Кизилев М. Б.* Шапшал Серая Маркович (1873–1961) [Shapshal Seraya Markovich (1873–1961)] // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008. С. 396–400.

Тридцатилетие, 1903: Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института. 1872–1902. Памятная книжка [The Thirtieth Anniversary of the Special Classes of the Lazarev Institute. 1872–1902. A commemorative Book]. М., 1903.

Хаджи Серая Хан, 2010: Хаджи Серая Хан Шапшал — выдающийся сын караимского народа. Сборник Haji Seraya Khan Shapshal is an outstanding son of the Karaite people. Collection. Haji Seraya Khan Shapshal is an outstanding son of the Karaite people. Collection.]. Симферополь, 2010.

Karaim Collection, 2003: Seraya Szapszal's Karaim Collection. Vilnius, 2003.

Kobeckaitė, 1997: *Kobeckaitė H.* Lietuvos karaimai. Vilnius, 1997.

Wokoeck, 2009: *Wokoeck U.* German Orientalism: The Study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945. London; New York, 2009.

**LETTERS OF V. A. GORDLEVSKY TO ACADEMICIAN
V. V. BARTOLD IN THE 1910–1920S FROM THE FUNDS OF
THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE ARCHIVE OF THE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

LIU Liqiu

Nanjing University of Science and Technology

Ramil M. VALEEV

Kazan (Volga Region) Federal University

Rafael M. VALEEV

Kazan (Volga Region) Federal University

Roza Z. VALEEVA

Kazan Innovative University

Svetlana A. KIRILLINA

Lomonosov Moscow State University

The first two decades of the 20th century reflected crucial socio-political and socio-cultural changes in the Russian state and society and, of course, in the destinies and legacy of outstanding orientalists of Moscow and St. Petersburg, who left significant works on the history and culture of the Turkic and Mongolian peoples. The epistolary heritage of Russian Orientalists remains an original and interesting source. It reflects both personal connections of academics and the history of Russian Oriental studies. In the article the letters of the representative of the Moscow center of Oriental studies Vladimir A. Gordlevsky to Academician Vasili V. Bartold (written from 1910 to 1928) are analyzed. The letters are kept at Gordlevsky's personal funds in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The main attention in this article is devoted to a review of 27 letters by V. A. Gordlevsky from Moscow, Ufa and Zusha, reflecting the stages of his life and work as well as the history of Moscow Oriental studies.

Key words: Russia, the East, Oriental studies, epistolary heritage, V. V. Bartold, V. A. Gordlevsky.

About the authors:

LIU Liqiu, Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Nanjing University of Science and Technology (Nanjing, China) (liqiu_2018@163.com). ORCID 0009-0001-2154-1485.

Ramil M. VALEEV, Dr. Sci. (History), Professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (Ramil.Valeev@kpfu.ru). ORCID 0000-0003-3462-6469.

Rafael M. VALEEV, Dr. Sci. (History), Professor, Vice-President of the National Council of ICOMOS. Kazan (Volga Region) Federal University. (Kazan, Russian Federation) (valeev_rm@inbox.ru). ORCID 0000-0003-4239-766X.

Roza Z. VALEEVA, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics and International Communication, Kazan Innovative University (Kazan, Russian Federation) (valroz@inbox.ru). ORCID 0000-0001-6347-0710.

Svetlana A. KIRILLINA, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation) (kirillina@iaas.msu.ru). ORCID 0000-0001-5769-3715.

А. МАНДИРМАА
Дальневосточный федеральный университет

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В ВОСТОЧНОМ ИНСТИТУТЕ: НЕКОТОРЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, где преподавались монгольский, китайский, корейский, японский, маньчжурский и другие восточные языки. Вскоре данный вуз стал одним из крупных центров монголоведения в Российской империи помимо Санкт-Петербургского университета. Если в Санкт-Петербургском университете преподавались предметы по классическим направлениям монголоведения таким, как языковедение, история, источниковедение, литература, фольклор и другие, то в Восточном институте во Владивостоке вели курсы по разговорному и письменному монгольскому языку, новейшей истории Монголии, административному устройству и социально-экономическому состоянию страны. В связи с этим, его стали называть практическим центром монголоведения России. Однако несмотря на это, история кафедры монгольской словесности Восточного института до сих пор мало изучена. Целью данного исследования является описание документов, хранящихся в настоящее время в Государственных архивах Приморского края и Дальневосточном историческом архиве, расположенных во Владивостоке.

Ключевые слова: монголоведение Дальнего Востока, город Владивосток, А. М. Позднеев, Восточный институт, архивные документы.

Благодарность: Автор выражает благодарность своему научному руководителю Кузьменко Наталье Николаевне (kuzmenko.nn@dvfu.ru), кандидату исторических наук, профессору кафедры японоведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ВИ-ШРМИ ДВФУ) за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Об авторе: Агваанцэрэн МАНДИРМАА, магистрант Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) (mandirmaa623@gmail.com).

© Мандирмаа А., 2024

В конце XIX в. Российская империя расширила свою территорию на восток, и многие русские поселились на Дальнем Востоке. Была построена Восточно-Китайская железная дорога; резко возросло значение морских портов вдоль побережья. Город Владивосток стал местом встречи многих этнических групп, таких как русские, китайцы, корейцы, японцы и маньчжуры. С развитием политических, военных, экономических и торговых отношений возникает большой спрос на квалифицированных переводчиков и исследователей, знающих восточные языки и культуры. 9 июля 1899 г. император Николай II принял решение о создании Восточного института во Владивостоке. Первым директором вуза был назначен Алек-

сей Матвеевич Позднеев (1851–1920), выдающийся монголовед, востоковед, профессор Петербургского университета. 21 октября 1899 г. Восточный институт официально открыл свои двери. Занятия начались 1 ноября 1899 г. И имеются сведения, что в первом учебном году учились 26 студентов и 4 добровольных слушателя [Дальневосточный, 1997. С. 14]. Курс обучения длился четыре года и делился на два этапа, первый из которых занимал один учебный год и являлся общим для всех студентов. Второй этап — три учебных года со специализацией на китайско-японском, китайско-корейском, китайско-монгольском отделениях [Трубич, 2017. С. 59].

Сведения о кафедре монгольской словесности Восточного института. Ныне в Государственном архиве Приморского края в фонде № 115 хранятся материалы, связанные с Восточным институтом. Этот фонд был образован в 1944 г.; документы поступали в него в 1951, 1953 и 1965 гг. Объем фонда составляет 1287 дел, все они относятся к периоду 1899–1928 гг. В состав фонда вошли документы по личному составу, оформленные в три описи. Первая опись называется “Личные дела студентов за 1899–1922 гг.”, вторую опись составляют анкеты, зачетные листы, списки студентов и копии свидетельств об окончании института и восточного факультета за 1905–1928 гг. Третья опись называется “Личные дела профессора института Г. Ц. Цыбикова”. В ней хранится документ (Д. 1, Л. 19–20 об.), свидетельствующий о существовании кафедры монгольской словесности Восточного института.

Документ представляет собой двухстраничную с текстом на лицевой и оборотной сторонах рукопись, написанную на русском языке. В правом верхнем углу первого листа имеется надпись: “Господину Приамурскому Генералу губернатору”; посередине — другая: “Въ Конференцію Восточного Института”. Надо отметить, что Конференция Восточного института являлась высшим управляющим органом вуза. В рукописи нет имени адресата, и она не датирована. Далее в рукописи написано: “Конференція Восточного Института в заседании о немъ 24-го сего Сентября слушала заявление г. директора нижеследующего содержания. Ко штатамъ Восточного Института въ числе 8 кафедр этого учреждения **имеется кафедра монгольской словесности**, на обязанности лица занимающего лежитъ преподаваніе монгольскаго языка на трех и — обзора административного устройства и торгово-промышленной деятельности Монголии — на двух старших курсах Института. Открывается еще съ прошлаго года кафедра эта не была замещена у насъ своевременно и такое положение не можетъ, быть поставлено въ упрекъ Институту, такъ какъ **со времен перемещенія моего во Владивостокъ кафедра монгольской словесности остается доселе вакантною даже**

при С-Петербургомъ Университете, за полнымъ отсутствіемъ въ Россіи специалистовъ этого предмета...” [ГАПК, Д. 1. Л. 19].

Данный документ свидетельствует о том, что в Восточном институте имела кафедра монгольской словесности. Сама рукопись, скорее всего, принадлежит директору А. М. Поздневу.

В то время в России было мало специалистов-монголоведов. Объективную картину состояния дел дает современный историк О. Н. Полянская. Она пишет: “Начало XX в. было сложным для монголоведного направления в Петербургском университете. В связи со сложной политической обстановкой на Дальнем Востоке возникла необходимость подготовки военных специалистов со знанием восточных языков: монгольского, китайского, японского. А. М. Позднеев был направлен во Владивосток, чтобы возглавить Восточный институт. Предполагалось, что новое учебное заведение станет центром изучения языков и истории Востока. В 1899 г. умер профессор К. Ф. Голстунский. В. Л. Котвич, выпускник Санкт-Петербургского университета, впоследствии известный монголовед, основоположник алтаистики, полностью еще не мог посвятить себя научно-педагогической деятельности, поскольку служил в министерстве финансов, а будущий светило монголоведного направления востоковедения А. Д. Руднев еще не закончил университет” [Полянская, 2011. С. 49]. На основе вышесказанного можно сделать вывод с еще большей вероятностью, что рукопись действительно принадлежит профессору А. М. Поздневу.

Главным содержанием данной рукописи является решение вопроса о подготовке молодого специалиста, выпускника Санкт-Петербургского университета Г. Ц. Цыбикова преподавателем-профессором для кафедры монгольской словесности Восточного института. С 1 июля 1901 г. ему назначена стипендия в размере 3000 рублей на один год. Документ написан в 1901 г., так как в нем не один раз упоминается выражение “сего 1901 года”.

Материалы об учебных программах. В Государственном историческом архиве Дальнего

Востока в фонде № 226 хранятся документы, связанные с Восточным институтом за 1899–1906 гг. В фонде имеется одна опись, состоящая из двух старых описей. Всего в фонде 644 дела. Дело № 56 содержит материал, представляющий собой учебные программы кафедры монгольской словесности. Это четыре листа (л. 84–87 об.). Рукопись написана на русском языке. Она называется “Обозрение преподавания по кафедре монгольской словесности в Восточном институте на 1902–1903 академический год, составленное профессором А. М. Позднеевым”. В рукописи изложены учебные программы для студентов второго и третьего курсов кафедры монгольской словесности.

Учебная программа для студентов II курса состояла из теоретических и практических занятий. Первые занятия включали в себя усвоение грамматики монгольского языка, чтение и письмо, этимологию лексического состава монгольского языка и синтаксис. На практических занятиях студенты читали сочинения из “Оюнтульхигурь”¹, “Тобайнъ гэгэн у тучжи”, “Описание Пекина”, “Описание Жэ-хэ”, “Чжанчжа гэгэну намтар”, “Путешествие Чжэбъизунь дамба хутухты в Эрдэни-цзу”, “Хождение в Тибет ламы Заяева”, а также знакомились с некоторыми образцами монгольского эпоса такими, как “Сказание о пире Чингисхана” и “Предание о переходе Бурят из Монголии в Россию”. Помимо этого, по этой программе студенты читали и учились перефразировать разговорные тексты по сочинению “Цинь-вэнь-чжи-яо” [РГИА ДВ. Д. 56. Л. 84 об.].

Для студентов III курса теоретический курс проходил по 3 лекции в неделю. Это было в основном чтение исторических, буддийских, разговорных и беллетристических текстов. Чтение исторических текстов включало в себя 1, 5 и 6 главы “Летописи Санан-Сэцэна” и отрывки из летописи “Алтанъ тобчи”. В качестве буддийских текстов рассматривали сочинение “Тонилхуинъ чимэкъ”. Для развития чтения разговорного языка изучали сочинение “Чусё чжи нань”. С беллетристическими текстами познакоми-

лись через роман “Гурбань-улус-унь-бичикъ” [РГИА ДВ. Д. 56. Л. 85].

Тематику учебных программ кафедры монгольской словесности Восточного института исследовала кандидат исторических наук О. А. Трубич. В своей статье “Учебная программа как изучения монгольского языка в Восточном институте (конец XIX — начало XX в.)” она рассматривает “Обозрение преподавания...” за 1900–1901 академический год. Содержание данного материала практически полностью совпадает с содержанием первой части архивного материала “Обозрение преподавания... на 1902–1903 академический год, составленное профессором А. М. Позднеевым” в Государственном историческом архиве Дальнего Востока. Однако, О. А. Трубич не ссылается на архивные документы, очевидно, она использовала учебные программы, опубликованные на журнале “Известия Восточного института” в 1900 и 1904 гг.

О. А. Трубич пишет, что “...Пониманию особенностей языка и культуры способствовала правильно выбранная литература, например: «Описание Пекина», «Описание Жэ-хэ», «Хождение в Тибет ламы Заяева», «Сказание о пире Чингисхана», «Предание о переходе бурят из Монголии в Россию» и др. Учащиеся читали и перефразировали разговорные тексты по сочинению «Цинь-вэнь-чжи-яо». Начиная с третьего курса, на практических занятиях предусматривалось написание и перевод простых писем с русского на монгольский язык, чтение оригинальных исторических произведений на монгольском языке, таких как «Летопись Санан Сэцэна» — основополагающий труд по истории Монголии. Литературный памятник «Алтан тобчи» включал поэтические фрагменты, стихотворения, народные пословицы и т. д. Важную роль в учебном процессе играли и другие иноязычные материалы: буддийские тексты с разъяснением богословской и исторической терминологии, разговорные маньчжурские тексты и т. д.” [Трубич, 2011. С. 128–129].

Поскольку языковая подготовка в Восточном институте носила практический характер, она больше ориентировалась на разнообразие диалектов, ознакомление с чтением различ-

¹ Здесь и далее сохранено написание названий сочинений, имен собственных, терминов, какое они имеют в подлиннике.

ных текстов, умение и навыки написания официальных и деловых переписок и др. Иными словами, программа обучения была не только очень насыщенной, но и включала новейшие сведения о современном состоянии страны. В этом большую роль сыграли опыт и знания профессора А. М. Позднеева, полученные им во время его второй экспедиции в Монголию в 1892–1893 гг.

На листах 85–87 вышеупомянутого архивного документа написана другая учебная программа курса по изучению административного устройства Монголии, порядка управления этой страной и ее экономическим состоянием. Это краткое обозрение учебной программы ранее не рассматривалось современными исследователями. Курс проходил по одной лекции в неделю. Для ознакомления с курсом студентам читались лекции о современном административном строе, законоположении, судебных отношениях Монголии. Уделялось внимание рассмотрению преимущественных прав богдоханов, их печатей, цвет платья, богдоханский герб Министерства, приказы Цинской империи и их отношение к управлению монголов.

Обозрение программы данного курса делится на две части:

1. Сведения о классификации сословий современной (начало XX в.) Монголии;
2. Сведения о государственных и общественных органах управления, представление чиновников на должности и определение их обязанностей.

Если посмотреть первую часть, то можно увидеть, что профессор А. М. Позднеев разделял общество монголов-халхасов XIX–XX вв. (халхасы — народ, составляющий основное население Монголии) на несколько сословий. В первую очередь, он рассматривал сословие благородных чиновников или “сайт нары”, которое представляет несколько рангов: “ваны, бэйлэ, бэйсэ, гуны и тайжчи” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 85 об.]. В архивном документе кроме перечисления классификации других подробностей не имеется.

Такое деление благородного сословия практически совпадает с позицией современных монгольских исследователей, например, таких

как Ж. Урангуа. Она считает, что вышеупомянутые титулы зарождались в 1691 г. и сохранились вплоть до начала XX в. Каждый из титулов имел несколько своих подразделений или степеней. Например, “ван”, или высший титул благородных чиновников Монголии, в период династии Цин разделялся на “чин ван” и “джун ван”. Титул “тайжчи” носили прямые потомки Чингис-хана, однако к XIX в. этот титул давался не только прямым его потомкам, но и потомкам его братьев, что стало причиной увеличения количества людей, обладателей данного титула. Однако в обозрении учебной программы кафедры монгольской словесности, хранящегося в Государственном историческом архиве Дальнего Востока, не упоминается о титуле “хан”. Наиболее авторитетные потомки Чингис-хана имели право носить этот титул и позднее он стал разделяться на четыре основные части: тушээт хан, засагт хан, сэцэн хан и сайн ноён хан [Урангуа, 2000. С. 15].

По классификации профессора А. М. Позднеева, вторую группу монгольского сословия составляли сословия среднего и нижнего классов: простолюдины или “хира ясуту”, “думба”, “дарханы”, “хя”, “тутгимэль”, “чернь” или “магу” и “хамчжилга” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 85–86]. В этом архивном материале, как в первой его части, кроме перечисления наименований не дано никаких подробностей о среднем сословии.

В учебной программе упоминаются также “хуяки” или латники (военнообязанные) и “албату” (данники).

Последнее сословие монгольского общества представляли “ламанарь”, или духовное сословие. Основную массу этой группы составляли монахи и “шабинары хутухт” (группа поданных церковных феодалов) [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 85–86].

А. М. Позднеев, давая обзор сословиям Монголии конца XIX — начала XX вв., выделял несколько сословных групп: сословие благородных, среднего и нижнего классов и духовное сословие. Первое сословие благородных чиновников сравнительно хорошо исследовано. Здесь можно назвать работы и монографии монгольских ученых Ж. Гэрэлбадраха,

Ж. Урангуа, Д. Цогзолсурэна и многих др. Однако среднее и нижнее сословия монгольского общества конца XIX в. исследовано мало. Следует отметить, что до настоящего времени все наименования среднего сословия, за исключением дарханов и хамчжилга, изучены мало. Поэтому сведения профессора А. М. Позднеева являются ценным источником для исследователей.

Во второй части обзора учебной программы содержатся материалы о государственных и общественных органах управления Монголии в составе Цинской империи, обязанностях чиновников, соответствии их той или иной должности. В первую очередь рассматривается так называемый чин “улясутайский цзянь-цзюнь” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 86], который является высшим наместником или генералом-губернатором цинского правительства во Внешней Монголии. В изложении учебной программы не дано подробностей об этой должности. В ряде других источников улясутайский цзянь-цзюнь назывался великим генералом-губернатором. Он подчинялся Лифаньюаню или цинской службе, ведавшей зависимыми монгольскими территориями и надзиравшей за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. Резиденция улясутайского цзянь-цзюня располагалась в Улясутае (западный город в Монголии), также у него были два помощника или “хэбэй-амбани” в Кобдо и Урге [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 86], о которых также упоминается в изложении учебной программы. Студентам читали лекции об преимущественных значениях ургинского хэбэй-амбаня, за которого боролись монгольские и маньчжурские хэбэй-амбани.

Внешняя Монголия находилась в составе династии Цин более двухсот лет, и маньчжурская власть предпринимала особые меры по отношению к монголам, сохраняя структуру органов местной власти. Об этом также упоминается в изложении учебной программы кафедры монгольской словесности Восточного института. “Высшей стадией монгольского управления являются *сеймы монгольских князей*. Дела, подлежащие их рассмотрению и обсуждению, являются следующие: а) народная перепись;

б) собрание статистических сведений об экономических состояниях монголов; в) избрание и назначение чиновников для очередного служения по различным управлениям Монголии; и г) распределение средств содержания управления и отбывания натуральной повинности. Сеймовую старшину называют “*чигулган у даруга*”, а его кандидата — “*дэд чигулган у даруга*”. Они имеют свои сеймовые управления или аймочные чжисаны. Круг деятельности сеймовых управлений бывает: а) чисто исполнительная; б) часть распорядительная. Также у них узаконенное местонахождение и их установленный обычай перекочевки. Архивы сеймовых управлений отмечены отдельным пунктом” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 86].

С целью ослабления влияния монгольских князей Цинская власть дробила территорию Монголии на множество подразделений. Четыре главные *аймаки* (Засагт хан, Тушээт хан, Сэцэн хан и Сайн ноён хан) Монголии стали делиться на более ста *хошунов*, хотя это число до этого решения составляло меньше десяти. В учебной программе указаны такие административные должности, как “*тусалакчи цзянь-цзюнь*”, “*цзасак*” и “*тусалакчи тайжчи*” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 86 об.]. Эти должности занимали люди, имеющие какие-нибудь аристократические корни. Среди них цзасак имел наследственную преемственность и каждый новый цзасак ездил к цинскому богдохану, чтобы представиться. В изложении учебной программы отмечено, что в рамках курса будут изучать служебные отличия, награды и наказания цзасаков, их смерть и обряды при погребении. Также были административные должности “*цзахирахчи*”, “*цзалан*”, “*мэйрэн*”, “*сумун у цзангин*”, “*богико*”, “*хундуй*” и “*хя*” [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 86 об.], которые могли занимать простолюдины. Кроме того, рассматривались источники доходов на содержание хошунного управления, особые чины для управления проживающими в Монголии китайцами, *цзаргучи* и их *ямун* и компетенция.

Последнюю часть программы курса по изучению административного устройства Монголии, порядка управления этой страны и экономическим состоянием, составляли почтовые

управления в Монголии. Отдельно рассматривались *харачинские* почтовые станции и входящие в состав их чины, также *Сайр-усуский царгучей* и область его ведения. Изучали особенности управления и содержания алтайского почтового тракта в районах: а) до Улясутая б) до Кобдо в) до Суока г) до Дзиндзилика д) от Кобдо до Гучена е) от Сайр-усу до Урги ж) Кяхты–Сумун у орто–Улясутайские цохор орто [РГИА ДВ, Д. 56. Л. 87].

Преподаватели кафедры монгольской словесности Восточного института. На основе исторических хрестоматий и научных статей уточняются сведения учителей монгольского языка. Например, в 1899–1901 гг. преподавателем монгольской словесности работал профессор А. М. Позднеев, в 1901–1902 г. — лектором монгольского языка уроженец Забайкальской области Селенгинского округа бурятский монах Рабтан Намдаков [Дальневосточный, 1997. С. 16]. После увольнения А. М. Позднеева с должности директора института в связи с его назначением на новую должность в Министерстве Народного Просвещения директором «временно» с 30 ноября 1903 г. был назначен Григорий Владимирович Подставин (1875–1924). В 1904–1905 академическом году, часы по кафедре монгольской словесности вели исполняющий должность профессора Г. В. Подставин и лектор Г. Ц. Цыбиков [Полянская, 2011. С. 51].

Ныне в Государственном архиве Приморского края в № 115 фонде, в описи № 3 хранятся личное дело профессора института Г. Ц. Цыбикова. Согласно этим документам Гонбаджап Цебекович Цыбиков родился 20 апреля 1872 г. В 1899–1902 гг. он был в командировке в Тибете. 10 февраля 1903 г. он назначен преподавателем монгольского языка в Восточном институте. В период с 1 мая 1905 г. по 1 июня того же года он был командирован в Монголию. В иных источниках об этой командировке упоминается, что он был переводчиком на встречах Далай-ламы XIII с российскими политиками в период оккупации Тибета британскими войсками. Затем 13 декабря 1905 г. он был уволен с должности преподавателя монгольского языка в Восточном институте. Затем он снова занимал

эту должность на протяжении четырех лет — 28 октября 1906 г. — 29 сентября 1910 г. [ГАПК, Д. 1. Л. 1–1 об.].

Второй документ, свидетельствующий о преподавательском составе кафедры монгольской словесности Восточного института, хранится в Государственном историческом архиве Дальнего Востока в фонде № 226, описи № 1, дело 640. Это личное дело лектора монгольского языка Цэддэ Ирдыньева. Согласно этому документу, он работал в Восточном институте с 1906 года и уволен 15 сентября 1907 г., так как не вернулся вовремя после летних каникул [РГИА ДВ, Д. 640. Л. 2].

Кроме указанных преподавателей в Восточном институте работал лектор монгольской словесности по фамилии Гонгоров. Он заменил Цэддэ Ирдыньева с 1 октября 1907 г. по 1909 г. [Полянская, 2011. С. 52]. Однако его инициалы не известны.

На основании архивных и других документов нам удалось составить список имен преподавателей, работавших на кафедре монгольской словесности Восточного института:

- 1899–1901 — Алексей Позднеев;
- 1901–1902 — Намдаков Рабтан;
- 1903–1910 (с перерывом) — Гонбаджап Цыбиков;
- 1904–1905 — Григорий Подставин;
- 1906–1907 — Цэддэ Ирдыньев;
- 1907–1909 — Гонгоров и др.

Студенты кафедры монгольской словесности Восточного института. Основанный в октябре 1899 г., Восточный институт за очень короткое время расширился и вскоре стал крупным центром востоковедения в азиатской части России. “Если в 1900 г. в институте обучалось лишь 23 студента, 4 офицера-слушателя, 8 добровольных слушателей, а в 1910 г. — 86 студентов, 71 офицера-слушателей, 9 добровольных слушателей” [Кочешков, 1999. С. 82]. В Восточном институте проводились ежедневные утренние лекции, вечерняя практика и занятия по официальному переводу. Студенты также познакомились с китайской торговлей, промышленностью, банковским делом и таможней. Повторяя сказанное ранее, студенты всех специальностей изучали китайский язык.

Неотъемлемой частью учебной программы была стажировка во время летних каникул в стране обучения. Такой летней стажировки в то время не было ни у одного другого студента университета в Российской империи. В Государственном историческом архиве Дальнего Востока в фонде № 226 хранятся некоторые сведения о летних практиках студентов Восточного института, которые стажировались в Монголии. Например, на 71-й странице архивного дела № 476 упоминается, что студент Третьяков в 1908 г. съездил в Монголию. Его отчетная работа состоит из описания Тушэту-хановского аймака, сбора народных песен, поговорок, пословиц, загадок и суеверий. Он частично перевел летопись “Эрдэнийн эрихэ”, составил перечень важнейших торговых дел в данном аймаке, сделал таблицу жуков и бабочек, водящихся в аймаке, а также он сделал некоторые фотоснимки. Отчет поездки Третьякова проверил профессор В. Кюнер² [РГИА ДВ, Д. 476. Л. 13]. Оригинала отчета среди архивных документов не встречается, написано лишь краткое упоминание.

На 28-й странице архивного дела № 476 написано, что студент III курса Александр Лебедев в 1908 г. ездил в Ургу с целью изучения почтовых станций. Его отчетные работы включают в себя заметки и наблюдения *ямунь* монголов. Работа имеет 8 глав, и первая глава посвящается описанию перевозки от Кяхты до Урги, повинности и обязанности людей на станциях. Все остальные главы посвящены всестороннему описанию быта, одежды, юрт и др. Личности учеников Третьякова и Лебедева, чем они занимались после выпуска вуза и как в дальнейшем сложилась их судьба, неясны.

Среди выпускников кафедры монгольской словесности успешным был известный востоковед и дипломат Алексей Павлович Хионин (1879–1971). В 1903 г. он окончил китайско-монгольское отделение Восточного института с

дипломом первой степени. По окончании института он был оставлен для приготовления к профессорскому званию и утвержден Министерством народного просвещения в должности ассистента профессора по кафедре монгольской словесности. Русско-японская война разрушила все его планы и надежды. В январе 1904 г. Хионин был командирован в Порт-Артур в распоряжение адмирала Алексева как специалист-монголовед. 26 января того же года был мобилизован по случаю осады Порт-Артура. С 1 февраля по 10 апреля 1906 г. Алексей Павлович находился в распоряжении Штаба главнокомандующего (генерала Гродекова) в Харбине, в конце апреля был демобилизован, отчислен в запас и вызван в Петербург. В 1907–1909 гг. работал атташе Азиатского департамента МИДа в Петербурге. Потом он был командирован в качестве драгомана Российского консульства в Кашкар, в декабре 1910 г. был переведен в Улясутай на должность секретаря Российского консульства. После Улясутай, он работал в Консульстве России в Урге. Также он служил в Маньчжурии и Цицикаре. С 1928 по 1936 гг. Алексей Павлович состоял профессором монголоведения в Японо-русском институте в Харбине. Совместно с К. Исида он составил «Монгольско-русско-японский словарь» (829 страниц), который был опубликован в 1941 г. в Токио исследовательским отделом ЮМЖД. В 1950 г. Алексей Павлович переселился с семьей в Австралию и прожил там до 92 лет. В 1971 г. в Сиднее он скончался [Зубова, 2021].

Заключение. Архивные документы кафедры монгольской словесности Института Востока, хранящиеся в Государственном архиве Приморского края и Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, расположенных во Владивостоке, предоставляют ряд новых сведений и возможностей для исследования современного монголоведения. Они позволяют: 1) более подробно изучить внешнюю политику Российской империи в отношении Дальнего Востока через учебные программы Восточного института, где проходила подготовка будущих дипломатов; 2) использовать сведения о

² Профессор Николай Васильевич Кюнер (1877–1955) начиная с 1902 г. читал лекции по истории, этнологии, географии и культуре стран Дальнего Востока в Восточном институте. Он владел 16 иностранными языками, как тибетский, корейский, монгольский, китайский, японским, санскрит и др.

Монголии конца XIX — начала XX вв., указанных в учебной программе, для исторических исследованиях; 3) биографические и иные

сведения преподавателей и профессоров кафедры монгольской словесности обогащают историю развития монголоведения.

Источники

ГАПК, Д. 1: Государственный архив Приморского края. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1. Л. 19–20 об. Письмо Приамурскому генералу-губернатору.

РГИА ДВ, Д. 56: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 226. Оп. 1. Д. 56, Л. 84–87 об. Обзорение преподавания по кафедре монгольской словесности в Восточном институте на 1902–1903 академический год, составленное профессором А. М. Позднеевым.

ГАПК, Д. 1. Л. 1–1 об.: Государственный архив Приморского края. Ф. 115. Оп. 3. Д. 1. Формулярный

список о службе исполняющего должности профессора Восточного института коллежского асессора Гонбажапа Цебековича Цыбикова.

РГИА ДВ, Д. 640: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 226. Оп. 1. Д. 640. Дело о лекторе монгольского языка Восточного института Цэддэ Ирдынвевь.

РГИА ДВ, Д. 476: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 226. Оп. 1. Д. 476. Л. 13; 28; 33. — Отчеты профессоров и преподавателей о работах студентов Восточного института.

Использованная литература

Дальневосточный, 1997: *Ермакова Э. В., Куцый Г. С., Георгиевская Е. А.* Дальневосточный государственный университет: История и современность [Far Eastern State University: History and Modernity]. Владивосток: ДВГУ, 1997.

Зубова, 2021: *Зубова В. Р.* 50 лет со дня кончины А. П. Хионина [50 years Since the Death of A.P. Khionin]. 2021. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/50 лет со дня кончины а п хионина/?yclid=lrftbk9xwx764053869 (Дата обращения: 21.01.2024)

Кочешков, 1999: *Кочешков Н. В.* Восточный институт во Владивостоке (1899–1920) и его профессора [Oriental Institute in Vladivostok (1899–1920) and Its Professors]. Владивосток, 1999.

Полянская, 2011: *Полянская О. Н.* Монголоведение в университетах России в XIX —

начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке [Mongolian Studies at Russian Universities in the 19th to the Early 20th Century. Oriental Institute in Vladivostok] // Гуманитарный вектор. 2011. № 3(27). С. 48–52.

Трубич, 2017: *Трубич О. А.* Государственная политика в области востоковедческого образования на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.) [State Policy in the Field of Oriental Studies Education in the Far East (From the Late 19th to the Early 20th Century)]: дисс. на соиск. учен. степ. к. и. н. / ДВФУ. Владивосток, 2017.

Урангуа 2000: *Урангуа Ж.* Хэргэм, зэрэг, цол өргөмжлөхүй. XVII–XX зууны эхэн [Titles, Academic Degrees, Ranks. From the 17th to the Early 20th Century.]. УБ., 2000.

MONGOLIAN STUDIES AT THE ORIENTAL INSTITUTE: SOME ARCHIVAL DOCUMENTS

Agvaantseren MANDIRMAA
Far Eastern Federal University

In 1899 the Oriental Institute was opened in Vladivostok, where Mongolian, Chinese, Korean, Japanese, Manchu and other oriental languages were taught. Soon this institute became one of the largest centers of Mongolian studies in the Russian Empire, along with St. Petersburg University. Subjects in classical areas of Mongolian studies such as linguistics, history, source studies, literature, folklore and others were taught at St. Petersburg University, while subjects of spoken and written Mongolian, the modern history of Mongolia, the administrative structure and socio-economic state of the country were taught at Oriental Institute in Vladivostok. However, despite this, the history of the Department of Mongolian Language and Literature at the Oriental Institute is still poorly understood. The purpose of this article is to describe documents currently stored in the State Archives of the Primorsky Territory and the Far Eastern Historical Archives, located in Vladivostok.

Key words: Mongolian studies of the Far East, Vladivostok, A. M. Pozdnev, Institute of Oriental Studies, archival documents.

Acknowledgement: The author would like to express the sincerest gratitude to her supervisor Natalia Nikolaevna Kuzmenko (kuzmenko.nn@dvfu.ru), Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Japanese Studies at the Oriental Institute — School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, for her invaluable advice on the research planning and recommendations throughout writing of the article.

About the author: **Agvaantseren MANDIRMAA**, Master's student of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation) (mandirmaa623@gmail.com).

УДК 75.04
DOI 10.48612/IVRRAN/8dxg-2pp7-1fzb

Е. В. АСАЛХАНОВА

Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов

I МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЙ ПЛЕНЭР «РИСУНОК НА ОНОНЕ»

Статья посвящена Международному пленэру «Рисунок на Ононе», состоявшемуся летом 2023 г. В пленэре приняли участие российские художники из Москвы, Республики Бурятия, Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области, Агинского Бурятского округа Забайкальского края, а также монгольские художники из различных районов (аймаков) Монголии. В статью включены отрывки из дневника, который автор вел во время пленэра.

Ключевые слова: рисунок, пленэр, художник, пейзаж, монгольский, бурятский.

Благодарность: участники пленэра выражают благодарность организатору пленэра Балта Базаргуруевичу Батожаргалову.

Об авторе: АСАЛХАНОВА Екатерина Владимировна, кандидат искусствоведения, главный художник, Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов; преподаватель, Усть-Ордынская детская школа искусств (п. Усть-Ордынский, Усть-ордынский Бурятский округ, Иркутская область, Россия) (asalhane@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5330-4054.

© Асалханова Е. В. 2024

Международный пленэр «Рисунок на Ононе» (*бур.*: Уласхоорондын I пленэр «Онон шада-рай зураглал») состоялся с 26 июня по 7 июля 2023 г. В пленэре приняли участие художники из Монголии и России (Москвы, Республики Бурятия, Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области, Агинского Бурятского округа Забайкальского края). Ряд материалов о пленэре был опубликованы ранее [Асалханова, 2023. С. 3; Асалханова, 2023а. С. 122–127; Асалханова 2023б. С. 293–298; Васаева, 2023. С. 3; Сергеева, 2023. С. 3]. При написании статьи использованы фрагменты дневника автора статьи, который он вел во время пленэра.

Монгольские участники пленэра в основном представляли собой молодое поколение художников Улан-Батора и некоторых других регионов Монголии. Это члены Союза художников Монголии: Баасанжаргал Булганбаатар (1971 г. р., Ховд аймак), Базаррагчаа Тувшин (1978 г. р., Улан-Батор), Энхтайван Гансух (1981 г. р., Улан-Батор), Адъяа Мөнхзолбоо (1987 г. р., Дархан), Очирбал Энх-Од (1987 г. р.,

Улан-Батор), Цэрэндорж Батдэлгэр (1987 г. р., Говь-Алтай сомон), Батхуу Аюурзана (1988 г. р., Кобдоский аймак), Идэртэнц Мөнх-Идэр (1996 г. р., Дархан). Художники взяли с собой флаг Союза художников Монголии и везде, где рисовали, в первую очередь устанавливали его.

Российские художники в основном были членами Всероссийской творческой общественной организации (ВТОО) «Союз художников России». Это: член Московского отделения Бато Дугаржапов (1966 г. р.); член Иркутского регионального отделения Екатерина Асалханова (1973 г. р.), член Молодежного объединения Марина Алексеева (1988 г. р.), а также художники Валентина Никитина (1998 г. р.), Илона Ринчинэ (1970 г. р.), не входившие в состав членов «Союза художников России». У нас флага ВТОО не было, по этому поводу шутили, что надо его нарисовать. Организатором пленэра был председатель Некоммерческой организации (НКО) «Нютаг», талантливый резчик по дереву, народный мастер Балта Батожаргалов из села Будалан Забайкальского края. Привет-

ственный адрес участникам пленэра направили Президент Союза художников Монголии Ганбат Пурэв и Президент Российской академии художеств Зураб Церетели.

Из Иркутска мы выехали на поезде до Читы. На железнодорожном вокзале в Чите нас встретил Б. Б. Батожаргалов и через п. Агинское поздним вечером привез на своем автомобиле на турбазу «Приононье». Монгольские художники и Бато Дугаржапов были уже там.

26.06.2024. В первый день пленэра ранним утром писали этюды окрестных пейзажей. Этим летом на вершине горы Баян Уула была установлена часовня хозяина местности, покровителя растительного и животного мира Белого Старца (*бур.*: Сагаан Үбэгэн) (автор скульптуры — Булат Дондоков). Обряд освящения (*бур.*: рабнай) проводили ламы Агинского дацана. На горе росло много ирисов, встречались саранки (карликовая лилия), попадались зайцы. Вечером ходили рисовать на гору Бага Батор хада».

На берегу Онона находится часовня хозяйки реки (*бур.*: Онон хатан эжын ордон): через застекленные окна можно увидеть монументальную роспись темперой на холсте, выполненную Намжилмой Эрдынеевой в традициях бурятской национальной живописи (*бур.*: буряад зураг).

На турбазе «Приононье» в просторном здании, стилизованном под юрту с белым куполом, хозяин турбазы Баяржап Юндунович Дугаров устроил музей народного быта и картинную галерею. Центральное место в музее занимает монументальная скульптура Бабжа Барас-батора, легендарного воина-защитника. Также здесь установлены деревянные скульптуры, изображающие животных восточного календаря (автор — Б. Б. Батожаргалов). На территорию турбазы забегали зайцы, запрыгивали лягушки, в окрестностях можно было увидеть тарбаганов. У входа в нашу комнату ласточки свили гнездо, и там уже вылупились птенцы. В свободное время, когда было очень жарко, монгольские художники рисовали под навесом портреты друг друга, позируя по очереди.

27.06.2023. Рано утром на горе Бага Батор я написала вид на реку Онон. Потом Балта Ба-

заргуруевич возил нас на Чингисын шулуун. Написала два этюда — большой маслом на картоне и маленький на бумаге гуашью. Было ветрено, но тепло. Здесь находятся уникальные природные объекты: Чингисов камень (*бур.*: Чингисын шулуун) или Чаша Чингис-хана, Котел-камень, Камень-колыбель (*бур.*: Үлгы шулуун), останцы, плиточные могилы, овечьи легенды горы Бага Батор и Ехэ Батор, Гэдэргэ, Дэлюун Болдог-хада и др. Возле Камня-колыбели много детских игрушек, вещей — здесь молятся о даровании потомства.

Было интересно наблюдать за работой художников. Порыв ветра опрокинул емкость для воды на моем этюднике, вода пролилась на мои джинсы. Чтобы просушить их, я пошла посмотреть этюды других художников... Помню, что особенное впечатление на меня произвел большой этюд Бато Дугаржапова «Чингисын шулуун», он решал композицию, как французские импрессионисты — сразу на большом формате, выбрав необычную точку зрения.

Вечером ездили в с. Будалан, что в Агинском районе Агинского Бурятского округа Забайкальского края, посетили сельский дом культуры, музей и выставочный зал «Магия дерева» (*бур.*: «Модоной шэди»). В музее есть хорошая танка бурятской работы «Жамсаран» (он же: Бегдзе), а также старинные предметы быта. В музее дома культуры хранится набор национальных шахмат, вырезанных Балта Базаргуруевичем в 1982 г. Я сделала описание этих шахмат и фотофиксацию. Здесь представлена миниатюрная круглая скульптура «Пять видов скота» (*бур.*: «Табан хушуу мал»), некоторые другие скульптуры, а также сундук с рельефной резьбой, принесший Б. Б. Батожаргалову награду на Международном бурятском фестивале «Алтаргана» в 2016 г. Ужинали в гостеприимном доме Балта Базаргуруевича. Рисовали дружеские шаржи, пели бурятские и монгольские народные песни. Монгольские художники пели хором; их мужские голоса звучали мощно.

28.06.2023. Утром было пасмурно, затем весь день шел дождь. Некоторые поехали с Балта Базаргуруевичем на гору Ехэ Батор писать этюды. Промокли. Стояли в беседке на горе, но было тесно. Поставила натюрморт — талис-

ман нашего пленэра, старинный медный чайник бурятского художника Ц. С. Сампилова (1893–1953), который нашли на его даче. (Впоследствии дачу купил у вдовы Ц. С. Сампилова племянник Б. Б. Батожаргалова). Еще положила на тарелке к чайнику позы (*монг.: буузы*), что вызвало смех у Тувшина Базаррагчаа, который стал делать вид, что ему очень хочется поесть буузы... Писали натюрморт. Даже под навесом было холодно.

29.06.2023. С утра небо было пасмурное, в тучах. Поехали в пещеры Хээтэй, сделали остановку в с. Нижний Цасучей. Пещеры Хээтэй — карстовые пещеры, сообщающиеся между собой. Слово ‘хээтэй’ означает ‘узорчатый’, ‘с узорами’. На потолке пещеры — кристаллические образования, похожие на снежинки. Сначала мы спустились в Сухую (Верхнюю) пещеру, держась за специальную веревку. В Мокрой пещере характерные типичные карстовые и ледяные образования, это своеобразная пещера-ледник глубиной пятнадцать метров. Памятник является научным объектом геологического наследия. В пещеру нужно было спускаться, лежа на животе, держась за веревку. Мы скатывались вниз почти по отвесной ледяной горе и оказывались на плато. Было впечатление, что ты попал в нижний мир, в царство духов. Можно было свободно ходить, выпрямившись в полный рост, но кое-где передвигались ползком, а где-то скатывались с ледяных гор. Было очень холодно. Поначалу я не могла решиться спуститься в пещеру, но жена Балта Базаргуруевича Цымпелма Жигжитовна дала мне зимние сапоги, в которых она сама спускалась когда-то в эту пещеру, и это придало мне смелости. Нам выдали теплую одежду, наколенники, страховочные тросы, шлемы, налобные фонари, перчатки. Нашим проводником был учитель географии из с. Кусочи, родины бурятского художника Галсана Эрдэнийна (1885–1938), Эрдэни Бадмаевич Лодонов, очень опытный инструктор, с хорошим чувством юмора. Он водит в эти пещеры своих учеников на уроках географии. Преодолев все свои страхи и трудности спуска, поднявшись наверх, мы поужинали на свежем воздухе под навесом и написали несколько этюдов окрест-

ных гор и долины. Цветы желтые и оранжевые лилии. Накрапывал небольшой дождь.

В этот день на пленэр смогли приехать представители старшего поколения сибирских художников: Народный художник Республики Бурятия Баир Тайсаев (1948 г. р.), председатель Бурятского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» с 2002 по 2010 гг.; Заслуженный работник культуры Агинского Бурятского округа Баяр Ширибазаров (1953 г. р.); председатель Читинского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» с 2000 по 2008 гг. Николай Орлов (1955 г. р.); член Бурятского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» Дондок Юндунов (1957 г. р.). Также к участникам пленэра вечером этого дня присоединился Заслуженный художник Республики Бурятия, председатель Бурятского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» Евгений Болсобоев (1971 г. р.).

30.06.2023. День провели на горе Гэдэргэ, что значит ‘гора Возвращения’. Есть интересная легенда об этой горе. Другое ее название — Дэлэун Болдог хада (*бур.:* «Гора, становящаяся селезенкой»). При определенном освещении она приобретает сине-лиловый цвет, и ее силуэт напоминает селезенку. Отсюда открываются панорамные виды на Онон. Сначала с Мариной писали этюды на берегу реки у подножия горы (два этюда акрилом), потом на горе я написала еще три этюда.

01.07.2023. Рано утром выехали с турбазы «Приононье». Оставили вещи в доме Балта Базаргуруевича. На горе Будалан (*бур.:* Будалан Уула), или Ехээ Обоо, был молебен в честь обоо¹ (*бур.:* Обоо тахилга). Молебен проводили ламы. У старинной ступы необычной трапециевидной формы сделала зарисовку и затем этюд по памяти. После молебна состоялись традиционные «Игры трех мужей» (*бур.:* «Эрын гурбан наадан»): скачки (*бур.:* морин урилдаан), борьба (*бур.:* бухэ барилдаан) и стрельба из лука (*бур.:* хур-харбан). Я делала наброски и зарисовки. Бато Дугаржапов писал

¹ Овоо — возвышенность, на которой воздвигнута в честь ее духов насыпь в виде кучи камней, веток. Имеет сакральное значение.

Бата Дугаржапов «Будала обоо». Масло, холст. г. Москва. 2023 г.

картины с натуры на холсте большого формата, запечатлев зрителей и спортивные состязания. Наш монгольский художник Цэрэндорж Батдэлгэр решил принять участие в состязании по вольной борьбе и в результате занял III место среди мужчин в весовой категории выше 75 кг. Все участники пленэра горячо болели за него. Идэртэнц Мөнх-Идэр спел оригинальную протяжную песню (*бур.*: ута дуун) и сказал благопожелания по-монгольски. Пообедали на природе, накрыв стол в тени березовой рощицы. Вечером, приехав в с. Будалан, искупались в реке Онон. По дороге видели дзеренов — монгольских антилоп, передвигавшихся скачками. В степи на столбе у дороги было орлиное гнездо с двумя орлятами.

2.07.2023. Выехали из с. Будалан в Национальный парк Алханай. День был пасмурный, временами шел дождь. По дороге заехали в Агинский музей, оставили там наши этюды. Проезжали села Урдо-Ага, Хойто-Ага, Цогто Хангил, Дульдурга, деревню Алханай. Приехав, заселились в домики, сходили вечером на источник. В горной реке с водопадами вода холодная, чистая и вкусная. Смочила руки и лицо. Некоторые наши мужчины приняли ванны, заходили в ледяную воду.

Сравнивали, как слова произносятся на хоринском диалекте, на иркутском, по-монгольски. Монголы и агинские буряты общаются почти свободно, хорошо понимают друг друга, за исключением некоторых слов. Например, слово 'земляника' в хоринском диалекте — 'ульжоргонэ', в иркутском диалекте — 'зэдгэнэ', по-монгольски — 'зэдгэн'². У нас, иркутских бурят, для обозначения слов 'туда-сюда' говорят 'тиишэ-иишэ', по-монгольски — 'тэнд-инд'³. По-бурятски 'нож' — 'хотиго', по-монгольски 'хотог'⁴. Одно и то же слово — 'гоё', буряты и монголы используют для обозначения понятия 'красивый', 'нарядный'.

03.07.2023. Монгольские художники направили нам букет даурских лилий (красная или пенсильванская лилия)⁵. Ходили на источники,

² Земляника, клубника — (*монг.*: зэдгэнэ).

³ Туда-сюда — (*монг.*: тэнд-энд).

⁴ Нож — (*монг.*: хутга).

⁵ Даурская, или пенсильванская лилия (*лат.*: *Lilium pensylvanicum*, или *Lilium dauricum*) — вид однодольных цветковых растений, входящий в семейство Лилейные. Многолетнее травянистое растение, достигающее до полутора метров в высоту, с красно-оранжевыми цветками. В России произрастает в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, а также в Монголии, Китае, Северной Корее.

Участники пленэра в пещерах Хээтэ

Гансук Энхтайван за работой

писали этюды. Вечером написала по памяти субурган⁶ на горе Будалан.

4.07.2024. Ночью и утром был сильный дождь. Писали букет в домике. Написала гу-

⁶ Субурган — (монг.: суврага), священное буддийское сооружение, построенное и освященное по буддийским канонам, реликварий, вертикальная модель космоса, олицетворяет собой тело, речь и ум Будды. Является объектом почитания и местом накопления благих заслуг.

ашью два этюда с букетом (один в помещении, так как шел дождь), второй — на следующее утро на фоне стены домика. Собираемся идти на Үүдэн сумэ (с бур.: Храм-ворота).

17:30. Мы на вершине Алхана, поднялись на самую высокую точку — Үүдэн сумэ. Покровитель Алхана является идам Дэмчог (Чакра-самвара). Үүдэн сумэ оказался величественный и больше, чем я предполагала. Здесь положено

Участник пленэра художник Идэртэнц Мөнх-Идэр

делать подношения зернами риса или пшеницы, поэтому возле Золотой ступы в Үүдэн сумэ много бурундуков. С Үүдэн сумэ открывается красивый панорамный вид на долину и горы вдаль. Светило солнце. Чуть выше находится пещера Загуурди, название которой произошло от тибетского слова ‘бардо’, означающего промежуточный мир, символизирующий пребывание человеческого сознания в период после смерти вплоть до нового рождения. Загуурди — узкий сквозной проход в скале длиной 2 м. Высота около 1150 м над уровнем моря. В просторечии ее называют Щель грешника. Не обязательно пролезать сквозь щель, можно просто постоять, раскаяться в грехах. Но я попробовала пройти, главное — нужно определенным образом ставить стопы и разворачивать тело, чтобы пролезть через узкий проход. Идти нужно сверху вниз. Выходишь как будто заново рожденный и очищенный... Спускались с Алхана под сильнейшим ливнем, промокли до нитки, и дневник мой, лежавший в рюкзаке, тоже отсырел.

6.07.2024. Рано утром выехали из Алхана в Агинское. Дорога была тяжелая. Все устали, не выспались. Приехали в Агинский музей, начали выгружать вещи. В 12 час. было открытие галереи Жигжита Баясхаланова и здания Международной ассоциации бурятских ювелиров.

В современном здании, оснащенном профессиональным оборудованием, будут проводиться занятия для детей и взрослых по художественной обработке металла, монгольской каллиграфии и бурятской национальной живописи (бур.: буряад зураг). Вечером на центральном стадионе посмотрели красочное театрализованное представление в честь открытия чемпионата России по стрельбе из лука. Общались с агинскими художниками Намжилмой Эрдынеевой и Янжимой Батуевой.

7.07.2024. По итогам нашего пленэра состоялось открытие выставки «Летний вернисаж» в Агинском Национальном музее им. Г. Цыбикова. Перед открытием выставки утром мы посетили Агинский дацан — один из старейших буддийских монастырей России. На открытии нашей выставки присутствовали сенатор Российской Федерации, Почетный гражданин Агинского Бурятского округа Баир Жамсуев; и. о. зам. председателя Правительства Забайкальского края, руководитель администрации Агинского Бурятского округа Забайкальского края Буенто Батомункуев; директор Центра развития культуры Забайкальского края Сэсэг Норполова; председатель Региональной общественной организации «Мастера Аги» Болот Дондоков; заведующая художественным от-

Участник пленэра художник Тувшин Базаррагчаа

делением Агинской ДШИ Ирина Цыденова; преподаватель Агинской ДШИ, многократный победитель Международного бурятского фестиваля «Алтаргана» Дулма Балданова; художники Жигжит Баясхаланов, Саяна Шухэртуева и др. Монгольские и российские художники подарили музею и организаторам пленэра по несколько своих работ.

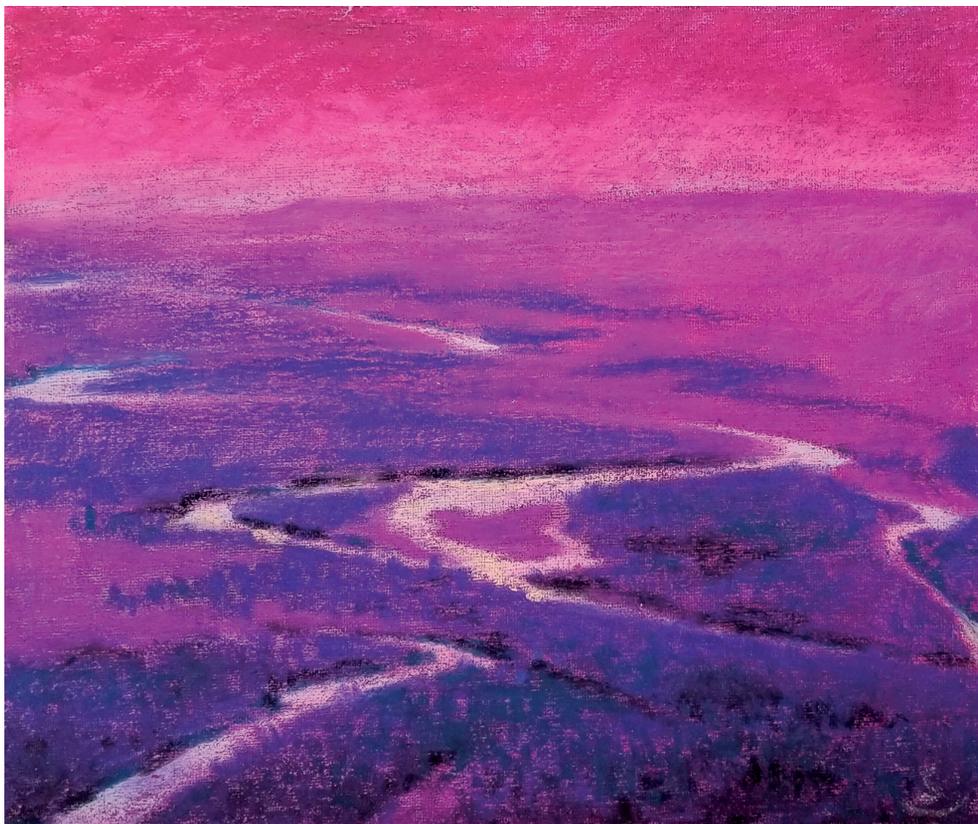
После открытия выставки и праздничного обеда в 15:30 мы сели в маршрутку «п. Агинское–Чита». Все провожали нас на автовокзале. Монгольские художники должны были выехать в Монголию на завтрашний день. Вечером в Чите немного прогулялись по центру города. В 21:30 уже ехали в поезде «Чита–Иркутск». Так завершился наш пленэр.

Российские и монгольские художники в основном, работали в традициях европейской реалистической живописи, близкой к импрессионизму, что можно объяснить спецификой пленэра. Использовали пастель, акварель, масло, акрил; помимо пейзажей, рисовали и писали портреты, дружеские шаржи, натюрморты. На основе натуральных этюдов, а также фотографий

Участник пленэра художник Цэрэндорж Батдэлгэр

монгольские художники создавали творческие произведения, новые композиции, часто сопровождая свои работы надписями на вертикальной монгольской письменности. Адгьяа Мөнхзолбоо в одной композиции на большом вытянутом по горизонтали холсте соединил все достопримечательности долины Приононья: и Онон хатан эжын ордон, и пещеры Хээтэй, и Чингисын шулуун и многое другое, что характерно для национальной живописи «монгол зураг». Энхтайван Гансух сразу рисовал пастелью декоративные плоскостные пейзажи с выверенной композицией. Батхуу Аюурзана написал групповой портрет всех участников пленэра на основе портретных зарисовок и фотографий. Бато Дугаржапов писал и пейзажи со стаффажем на крупноформатных холстах и небольшие полуабстрактные этюды. Тувшин Базаррагчаа рисовал пастелью с натуры и затем выполнял варианты композиции, используя эти рисунки. Мне, как и некоторым другим художникам тоже хотелось подарить организаторам пленэра помимо этюдов законченные вещи. Поэтому мы работали вечерами и даже ночью, выполняя

Гансүх Энхтайван «Дельта реки Онон». Масло, пастель, холст. г. Улан-Батор. 2023 г.

декоративные композиции на основе наших натуральных этюдов и зарисовок.

Можно сделать вывод, что монгольские и бурятские художники, наследники древнего традиционного искусства, работают в современных графических и живописных техниках. Многие художники нашего пленэра изучали в той или иной степени стиль национальной живописи «монгол зураг» и «буряад зураг». «Развивая европейскую реалистическую живопись, признанную всеми странами и народами, мы вместе с тем, конечно, не вправе отказаться от нашего традиционного «монгол зураг». Разумеется, не следует повторять, копировать «монгол зураг» лишь как образец национальной культуры, отказывая ему в художественно-техническом отношении в движении, развитии. Вместе с тем, свободно новаторствуя в современном творчестве с применением достижений широко популярного реалистического искусства важно, однако, не изменять, сохранять также специфические, присущие ему художественные качества, как повествовательная композиция, соче-

тание различных цветов, мастерство рисунка, правда жизни, юмор и т. д.», — писал известный монгольский художник Н. О. Цултэм [Цултэм, 1986.]. Для работ монгольских художников характерны выверенная композиция, хорошее владение техникой рисования, техникой акварели, приемами реалистического отображения действительности. Художники продолжают традиции своего народа, в их этюдах чувствуется ярко выраженное декоративное начало, сочетание чистых гармоничных цветов.

Помимо живописцев и графиков, в пленэре приняли участие также монгольские скульпторы Цэрэндорж Батдэлгэр и Баасанжаргал Булгаанбаатар. Цэрэндорж Батдэлгэр из глины, найденной в пещере Хээтэй, тут же слепил фигурку коня. Во время отдыха он постоянно вырезал из дерева различные скульптуры. Художники — носители народных традиций, хорошо знающие характерные особенности животных, их повадки. Эти качества художников нашли отражение в изобразительном искусстве кочевых народов.

Российские и монгольские художники сердечно благодарят организатора пленэра Балта Батожаргалова, его семью и друзей-единомышленников (Бата Шагдарова, Бата Сульtimoва, Баирму Дашицыренову, Цыцыгму Бадмажапову и других) за незабываемые впечатления, атмосферу творчества и дружеского общения на гостеприимной Агинской земле. Пленэр был очень полезен для обмена опытом, мы приобрели новых друзей, в трудных ситуациях, таких как подъем на вершины Алхана, спуск в пещеры Хээтэй, все заботились, поддерживали и приходили на помощь друг другу.

Мне было интересно наблюдать, как в изобразительном искусстве проявляются традиции плоскостного восточного письма монгольских народов. Более опытные монгольские

художники давали мастер-классы молодым монгольским художникам, учили писать декоративно, обобщенно: «Не нужно выписывать всякие там цветочки (бур.: «сэсэг-мэсэг»)» Мы были счастливы рисовать в Приононье, где были заложены основы монгольской государственности, где, по легенде, родился Чингис-хан и где пролегал по Великой степи путь лам с учением Будды в Россию из Китая, Тибета и Монголии. По этим степям шли учиться в Монголию и Тибет бурятские ламы и художники.

Следующий пленэр «Рисунок на Ононе» планируется провести в сентябре 2024 г. в Монголии в верховьях Онона, предположительно, в сомоне Биндер в Хэнтэйском аймаке. И в этот раз в пленэре примут участие также художники из Калмыкии и Китая.

Использованная литература

Асалханова 2023: *Асалханова Е. В.* На берегах Онона рождается новая традиция [A new Tradition is Being Born on the Banks of Onon] // Усть-Ордын Үнэн, № 27 (10694), 13 июля, 2023. С. 3.

Асалханова 2023а: *Асалханова Е. В.* Первый Международный пленэр «Рисунок на Ононе» [The First International Plein Air “Drawing on Onon”] // Байкал. 2023. № 4. С. 122–127.

Асалханова 2023б: *Асалханова Е. В.* I Международный российско-монгольский пленэр «Рисунок на Ононе» [The 1st International Russian-Mongolian Plein Air “Drawing on Onon”] // Живопись как знак культуры. К 100-летию со дня рождения Народного художника РСФСР Г. О. Рокчинского: сборник IV Межрегиональной научно-практической конференции

с международным участием (Элиста, 3–4 октября 2023 г.). Вып. 7. Элиста: Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, 2023. С. 293–298.

Васаева 2023: *Васаева Д.* Рисунок на Ононе [Drawing on Onon] // Эхирит-Булагатский вестник. № 26. 14 июля 2023 г. С. 3.

Сергеева 2023: *Сергеева М. С.* Художники вдохновились красотой природы Агинского округа [The Artists were Inspired by the Beauty of the Nature of the Oginsky District] // Усть-Орда инфо. № 26, 13 июля 2023 г. С. 3.

Цултэм 1986: *Цултэм Н.-О.* Монгольская национальная живопись «монгол зураг». [Mongolian National Painting “Mongol Zurag”]. Улан-Батор: Госиздательство, 1986.

I INTERNATIONAL RUSSIAN-MONGOLIAN PLEIN AIR “DRAWING ON ONON”

Ekaterina V. ASALKHANOVA
Ust-Orda National Center of Artistic Folk Crafts

The article is devoted to the International open-air “Drawing on Onon”, held in the summer of 2023. The open-air event was attended by Russian artists from Moscow, the Republic of Buryatia, the Ust-Ordynsky Buryat District of the Irkutsk Region, the Aginsky Buryat District of the Trans-Baikal Territory, as well as Mongolian artists from various regions of Mongolia. The article includes excerpts from the diary that the author kept during the plein air.

Key words: drawing, plein air, artist, landscape, Mongolian, Buryat.

About the author: **Ekaterina V. ASALKHANOVA**, Cand. of Art History, Chief Artist of the Ust-Ordynsk National Center for Artistic Folk Crafts, Head of the Art Department of the Ust-Ordynsky Art School for Children (Ust-Ordynsky settlement, Irkutsk region, Russian Federation) (asalhane@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5330-4054.

К. А. БЕКЕТОВ

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Н. К. БЕКЕТОВА

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Х. ДАМДИНСУРЭН

Администрация Президента Монголии

«ДОРОГАМИ Н. К. РЕРИХА»: ЭКСПЕДИЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ИМЕНИ ИЛЬИ РЕПИНА В МОНГОЛИЮ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Статья является продолжением опубликованного отчета под этим же названием в 1-м номере журнала за 2024 г. В статье рассказывается о работе в Монголии студентов Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Участники экспедиции преодолели более 3 000 км, увидели разнообразные ландшафты страны, прочувствовали ее масштабы, посетили в Улан-Баторе музей художника и мыслителя Н. К. Рериха. Серия пленэрных работ, написанных во время путешествия, отражает видение молодых художников монгольской природы. Студентам удалось отобразить на полотнах простор степей, запечатлеть традиционную и современную архитектуру, написать портреты монголов в национальных одеждах. Колорит страны нашёл отражение в каждой живописной работе студентов Санкт-Петербургской академии — из России, Монголии, Китая, Чили и Финляндии. Итогами многодневной, кропотливой работы, стали художественные выставки в Улан-Баторе и Санкт-Петербурге, во время посещения которых зритель получил возможность визуально прикоснуться к необъятному миру Монголии, погрузиться в её атмосферу. Важным результатом экспедиции стало возобновление активного сотрудничества художественно-образовательного сообщества двух стран.

Ключевые слова: Монголия, изобразительное искусство, пленэр, межкультурные коммуникации, художественные выставки, художественное образование, мастер-классы.

Благодарность: Авторы статьи выражают благодарность «UB ART gallery» (Улан-Батор, Монголия), обеспечившей финансово-организационную поддержку творческой экспедиции.

Об авторах:

БЕКЕТОВ Константин Анатольевич, руководитель отдела по работе с иностранными студентами Санкт-Петербургской академии художеств им. Ильи Репина, Советник Председателя Санкт-Петербургского Союза художников, проф. Северо-Западного университета национальностей (КНР) (Санкт-Петербург, Россия) (k@bk.ru).

БЕКЕТОВА Наталья Константиновна, ассистент-стажер монументальной мастерской, член Санкт-Петербургского Союза художников (Санкт-Петербург, Россия) (artru@bk.ru).

ДАМДИНСУРЭН Хурэлбатор, Посланник культуры Монголии в Российской Федерации, (Улан-Батор, Монголия).

© Бекетова Н. К., 2024

© Бекетова К. А., 2024

© Дамдинсурэн Х., 2024

Стартовали в 8:30. К полудню прибыли в город, где разместились в отеле «Хан-Уул».

Как не старались организаторы следовать разработанному графику движения, всё же посетить все намеченные локации не получалось. Возникла дискуссия, какую часть программы надо выполнить, а чем можно пожертвовать. Выбор стоял между Ёлын ам и Гоби. Сошлись на том, что ни первое, ни второе нельзя исключать из программы, поскольку от сомона Даланзадгада до ущелья рукой подать, а уж относительно Гоби — так это вообще приоритетная цель экспедиции. «Кинули монетку» и с огромным сожалением отказались от посещения национального парка Горхи-Тэрэлж. Успокоив себя мыслью, что невозможно объять необъятное, сразу после обеда выехали в ущелье Ёлын ам. Особенность Ёлын ам состоит в том, что горная гряда высотой свыше 2 000 м и протяжённостью 160 км, в результате землетрясения раскололась надвое, образовав расщелину, сужающуюся в самом узком месте до трёх метров. На дне расщелины лёд даже за лето не успевает растаять. Профиль и стены расщели-

ны весьма живописны и представляют интерес не только для любителей путешествовать, но и для художников, в качестве природы для пейзажа.

Прибыв к месту входа в заповедник, участники экспедиции прогулялись вдоль ущелья до ледника, а затем отправились на поиски сюжетов для предстоящей работы над этюдом. В начале первого часа художники стояли на выбранных местах, оперируя кистями и красками, как подобает состоявшимся творцам — легко, изящно, профессионально.

Очень быстрый пейзаж «Ёлын ам» «Ущелье Ёлын ам» (Рис. 1) написан И. Зорькиным минут за сорок-пятьдесят. Композиционное решение в данной работе достигается именно соотношением света и тени. Контраст между освещёнными солнцем поверхностями скальных образований с холодными, расположенными на теневой стороне ущелья, создаёт линию, которая сплетает живописный узор, формирующий живописную структуру вздымающихся со дна ущелья к небу скал.

Другое видение ущелья представлено в пейзаже «Ёлын ам» (Рис. 2). Мотив картины,

Рис. 1. И. Зорькин «Ёлын ам»

Рис. 2. Н. Бекетова «Ёлын ам»

выбранный Н. Бекетовой, создаёт эффект монументальности пейзажа, позволяет зрителю войти в него издалека и увидеть всё в масштабе не узко сфокусированного взгляда, а охватить максимально широко то, что увидел автор. Композиция собирается на тропе, уходящей от зрителя вдаль по глубокому ущелью s-образной формы, и удерживается диагоналями скал, подпирающих тропу с обеих сторон. Всё это центрируется горой, цвет которой подчёркивает вечернее золотящееся небо.

По возвращении в отель все собрались на ужин в ресторане, единственными посетителями которого в тот вечер была наша группа художников. В ресторане был микрофон и была музыка. Наши монгольские друзья не могли пройти мимо национального удовольствия и организовали самостоятельный концерт монгольской и русской песни. Даже объявление об очень раннем отъезде на будущий пленэр не остановило исполнителей, и представление завершилось лишь ближе к полуночи.

Подъём объявили в 4:00, а уже ровно в 5 час. автобус мчался в темноте по бескрайней степи

без какой-либо дороги. Просто по направлению. И это оказалось ошибкой. Водитель закружил, заплутал и в конечном итоге, проделав огромный крюк, завёз экспедицию на песчаное бездорожье Гоби.

Гоби — величайшая пустыня планеты. Этим словом (*монг. говь*) монголы называют местность со скудной растительностью и недостатком воды. Протяжённость Монгольской Гоби составляет 1600 км при ширине 800 км, высота над уровнем моря от 1000 до 2000 м, климат резко-континентальный, перепад температур от +40°C в летний период до -40°C зимой. Всё это относит Гоби в категорию самых суровых пустынь планеты, лишь немного уступая Такла-Макан. Всего 3% площади Гоби занимает песок, остальная территория пустыни покрыта глинистыми почвами и каменистыми породами, так называемыми — гамадами.

Год назад экспедиция Академии художеств побывала на южной оконечности китайской Гоби в Дуньхуане. Величина южных барханов потрясает воображение. Но беда в том, что наши китайские друзья в силу перегруженно-

сти программы не смогли организовать пленэр на песчаных барханах. Дважды упустить возможность поработать в песках было крайне нежелательно.

Покружив по пустыне в автобусе, пассажирам которого то и дело приходилось откапывать увязавшие в песке колёса, водитель, одному ему известно каким образом, нашёл-таки нужное направление и, потратив лишних три часа, доставил группу до места назначения к песчаным барханам Хонгорын Элс. В Монгольской Гоби барханы Хонгорын Элс самые высокие. Известно, что наиболее оптимальное время для наблюдения и тем более для работы — утренние или вечерние часы. Помимо умеренной температуры, в этот промежуток дня лучшее освещение: боковые солнечные лучи позволяют светом и тенью формировать рельеф песчаных дюн и придать песку широкий спектр тёплых тонов на фоне глубокого голубого небосвода. Из-за водителя мы застали лишь несколько минут утреннего представления, но этого хватило, чтобы оставить в памяти красочное воспоминание.

Художникам потребовалось какое-то время, чтобы определиться с местом установки этюдника, собрать его в рабочее положение, подготовить палитру и затем, окинув взглядом простирающуюся в бесконечность пустыню, придумать сюжет с передним, средним и задним планами, определить главное и второстепенное среди объектов, попадающих в рамку холста, скомпоновать предполагаемое изображение на полотне, соотносить тепло-холодность общего состояния, принять колористическое решение и после всего приступить к пейзажу.

К десяти часам солнце стало быстро подбираться к зениту, накаляя воздух и песок до некомфортных значений. Мы понимали, что потребуется по меньшей мере ещё не менее двух часов для завершения работы, но выдержат ли живописцы такое пекло? Год назад, во время Хакасской экспедиции, на пленэре на территории Большого Салбыкского кургана температура воздуха достигла +38 °С, а на солнце превысила отметку 70. Тогда работу ограничи́ли 2,5 часами. При этом размеры холстов были значительно меньше нынешних. К слову

сказать, в Хакасии все студенты со своими задачами справились отлично. Что будет на этот раз? Воздух поначалу неподвижно застыл, а затем, по мере нагревания песка, потянулся снизу вверх, обдавая сухим жаром части тела снаружи, и попадая через дыхательные пути внутрь.

В состав творческой экспедиции помимо монгольских художников входили две съёмочные группы, снимавшие каждый свою версию документального фильма о знаковом событии в развитии межкультурных коммуникаций: одна представляла Академию, вторая — национальное телевидение Монголии. По виду утомлённых лиц наших коллег — кинооператоров можно было судить о массивности используемого ими профессионального оборудования. Испытывая тяготы дневного пекла не меньше, чем художники, операторы безропотно следовали указаниям режиссёра, по множеству раз перенося увесистые камеры на тяжёлых штативах с места на место. Сами они то и дело пили бутилированную воду, заботливо предлагая «героям»-художникам делать то же самое. По всей видимости, в подобных условиях телевизионщики находились не впервые.

Для гобийского пейзажа «Пустыня» (Рис. 3) И. Журавлёв выбрал довольно острое композиционное решение: он заполнил большую часть холста песками самого высокого бархана, тем самым перераспределив соотношение изображения на поверхности холста в пользу главного пятна (в данном случае песка) к остальным элементам изображения. Такой приём позволил усилить восприятие величия Гоби и придать самой композиции весьма сильное звучание.

Пейзаж Д. Голивца «В пустыне» (Рис. 4) написан на горизонтальном холсте в пропорции два к одному. Это усложняет задачу художника: чтобы сгармонизировать горизонтальные плоскости, необходимо их сочетать с вертикалями, которые должны пронизывать этот холст. Художник использует несколько иной приём, он заменяет вертикали диагоналями, которыми ему послужили грани песчаных барханов, пересекающиеся воображаемыми линиями. В центральной части холста возникает эффект

Рис. 3. И. Журавлев «Пустыня»

Рис. 4. Д. Голивец «В пустыне»

русла реки, хотя на самом деле это скудная растительность в виде низкорослых кустарников колючки. Для этого пейзажа характерны также сближенные тональные цветовые оттенки, смягчающие словно дымка дымкой весь колорит холста.

В сравнении с другими работами художников, написавших пустыню примерно с этого же ракурса, И. Зорькин заполняет пейзаж «Гоби» (Рис. 5) равномерными пространствами песка и оврагами со скудными кустарниковыми оазисами. При таком равнозначном наполнении холста автор делает акцент на контрасте цветов: колючие кустарники, песчаные дюны, небо и дальний план гармонично сочетаются между собой. При этом, смягчая контуры дальнего плана, художник создал реалистичный эффект удалённости пространства.

Во втором часу пополудни группа погрузилась в автобус и выехала в сторону столицы. Мы снова ехали «по направлению», и на этот раз водитель справился с бездорожьем на удивление быстро. Менее часа потребовалось, чтобы выехать на главную магистраль, после чего

участники гобийского пленэра, переведя дух, расслабились и под шелест шин предались сну.

На одном из привалов долгой дороги (более 500 км), нам довелось полюбоваться монгольскими «кораблями пустыни», свободно прогуливающимися мимо бронзового памятника самим себе.

В связи с корректировкой экспедиционного плана было принято решение не останавливаться на ночёвку в Улан-Баторе, а сразу двигаться в пригородный столичный район Цонжин-Болдог. Именно здесь установлена крупнейшая в мире конная статуя, представляющая собой самый большой монумент Чингис-хану в Монголии. Высота всего сооружения, с учётом постамента составляет 50 м (размер непосредственно скульптуры 40 м). По легенде, будучи 15-летним юношей Чингис-хан в этих местах нашёл кнут, что по приметам сулило успех в жизни. Почитатели этой истории полагают, что именно этот случай позволил молодому человеку поверить в свои силы и в последующем объединить соплеменников, создав величайшую империю.

Рис. 5. И. Зорькин «Гоби»

Рядом с комплексом Чингис-хана расположен Мемориальный комплекс почитаемой монголами матери великого полководца Оэлун. Сама скульптура Матери Оэлун, являющаяся доминантой мемориального комплекса, создана выпускником Академии Л. Ганхуягом.

Общая скульптурная композиция занимает центральное место посреди обширной долины, окаймлённой горной грядой. На территории комплекса парка работает уютный отель, в котором, прибыв к месту назначения поздно ночью, мы разместились. Погода к вечеру испортилась, заморосил мелкий дождь, что не могло радовать живописцев. Была надежда, что к утру небо прояснится, но этого не случилось. Порывы ветра разбрызгивали летящую с неба морось, с шумом трепали полотнища монгольских вымпелов, воздвигнутые на флагштоках у входа в каждую юрту. Небо от горизонта до горизонта затянуто плотным свинцовым полотном, красноречиво говорящим о бесперспективности пленэрных ожиданий до конца дня как минимум.

Посоветовавшись за завтраком с группой, было принято решение — первую половину дня посвятить осмотру главной доминанты комплекса. В итоге студенты обошли киоски и сувенирные лавки, расположенные внутри постамента, посетили музей, посвящённый эпохе Чингис-хана, поднялись на за гривок коня, снимали фото-видео сюжеты, и наконец в полдень здесь же, в ресторане, пообедав, отправились в Национальный парк «Монголия XIII в.», расположенный в степи в ста километрах восточнее Улан-Батора. На его территории выстроено несколько тематических поселений в стиле XIII в.

Из-за плотной и низкой облачности, а также непрекращающейся мороси, дорога к лагерю показалась мрачной, не привлекательной. Через час пути, преодолевая степную хлябь, экспедиционный автобус подъехал к каменным воротам, охраняемым двумя пешими стражниками. Выехавшая навстречу автобусу из-за ворот пара конных всадников, сопровождала гостей в ханский лагерь. Реалистично воссозданный сюжет почти мгновенно вывел всех художников из состояния дремоты и заставил

внимательно, с нескрываемым интересом оглядеться по сторонам.

Понимая, что они присутствуют на костюмированной постановке, художники по достоинству оценили творческий посыл организаторов, которым удалось добиться реалистичного эффекта, погрузив гостей с помощью стилизованных построек лагеря, боевой одежды воинов и нарядных одеяний хана и его нукеров в атмосферу XIII в.

Особое впечатление произвели женские одеяния, примерив которые вместе с головным убором, наши художницы не только подчеркнули свою красоту, но совершенно неожиданно приобрели особую пластику движений, грациозно прохаживаясь по постаменту ханской юрты, словно по подиуму. В самом центре лагеря установлена самая большая ханская юрта, вокруг которой расположены четыре юрты меньшего размера для военачальников самого высокого уровня, матери хана и его жене.

Учитывая, что промозглая погода не позволит в этот вечер поработать с красками на пленэре, мы решили посвятить время знакомству с весьма интересными, несмотря на вполне современное исполнение предметами быта, оружия, религиозными символами, окружавшими монголов средневековья.

Помимо ханской ставки на территории комплекса расположены ещё несколько тематических локаций, включающих в себя военный лагерь ханского войска, лагерь ремесленных промыслов: от кузнечного дела до текстильного. Художников, прежде всего, привлекла в распадке между трёх сопков замысловатая конструкция стойбища шаманов. В центре тематического комплекса растёт святое для последователей шаманизма дерево, с расщеплённой молнией верхушкой. Священный символ окаймлён окружностью, от наружной поверхности которого эксцентрическими кольями ошетились 365 брёвен, защищая святыню от злых духов.

За пределами устрашающей конструкции установлено несколько юрт, имеющих разный размер, форму и отличающихся внутренним убранством. Каждая юрта представляет собой

определённую ветвь шаманизма: бурятского, монгольского, тувинского, калмыцкого, алтайского. Осмотрев обстановку и понаблюдав за тонкостями обрядов, художники отправились на ужин, после чего разошлись по отведённым для них спальным юртам. Электричества в парке нет, а в темноте с красками не поработаешь, поэтому никто не возражал против раннего отбоя в лагере.

Прошедшая ночь не внесла изменений в погоду, утром, также, с неба сыпалась вчерашняя морось, не позволявшая работать с масляными красками на воздухе. Однако художники не стали отчаиваться, и пока неяркий свет, едва пробивающийся сквозь густую облачность, позволял работать под покровом юрт, с усердием и вдохновением создавали уникальные портреты своих монгольских друзей, согласившихся позировать в разнообразных праздничных монгольских одеждах средневековья, а также облачённых в меха диких зверей и доспехи воинов Великого хана.

Портрет Д. Голивца «Хан Байса» (Рис. 6) написан за два коротких сеанса. Достигнуто реальное портретное сходство. Из-за недостаточного естественного освещения в юрте, где работали художники над данной постановкой, меха, и детали одеяния написаны этюдно. При этом сам портрет, черты лица портретируемого прописаны с большим мастерством и достаточно точно.

И. Логинов для исполнения портрета «Монгольская царица» (Рис. 7) выбрал, пожалуй, самый удачный ракурс (Рис. 8). Большинство написанных им портретов имеют точно такое расположение портретируемой модели относительно взгляда художника и зрителя. Хорошо видно, что автор давно и успешно использует излюбленный метод расположения модели, благодаря чему уверенно и безукоризненно передаёт портретное сходство. Сосредоточенность взгляда зрителя на лице портретируемой и контрастное освещение позволило художнику довольно быстро небольшим количеством маз-

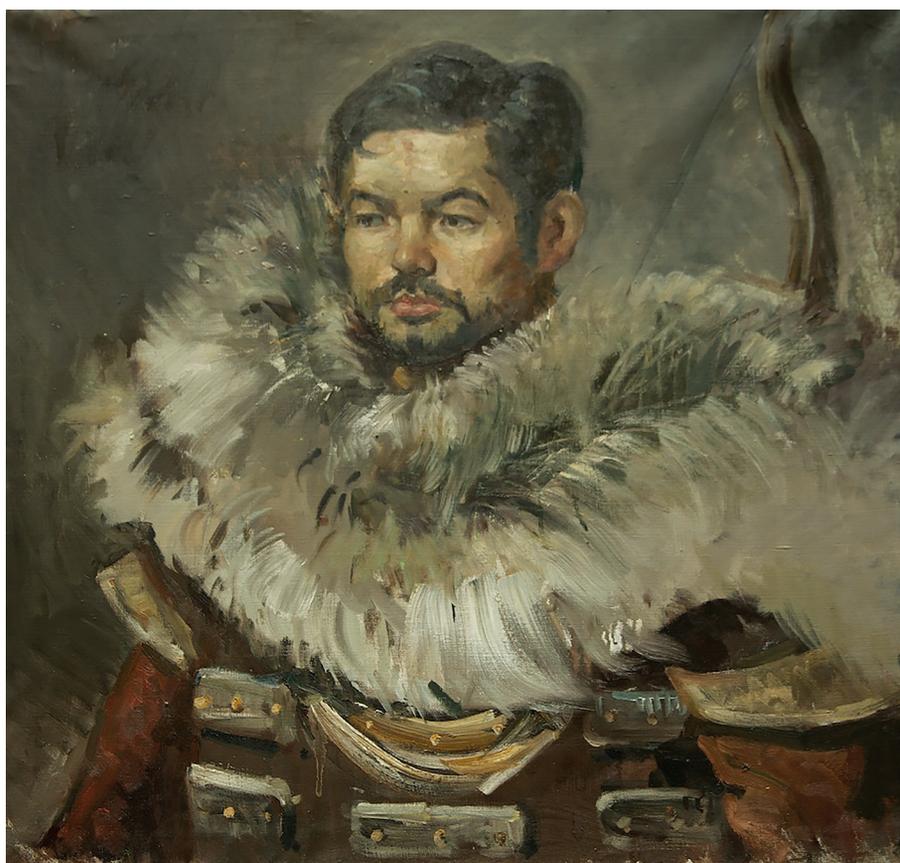

Рис. 6. Д. Голивец «Хан Байса»

Рис. 7. И Логинов «Монгольская царица»

ков скульптурно и весьма точно слепить форму. Контрастные цвета портрета также создают весьма насыщенный колорит дополняющих друг друга красок: ультрамарин, золотая индийская жёлтая, марс оранжевый прозрачный. Всё это обогащает палитру и достоверно передаёт насыщенный цвет нарядов, юрт, интерьера.

Для работы «Портрет монгола» (Рис.9) И. Логинов предпочёл горизонтальный формат и саму голову поместил выше и правее относительно центра холста, сместив фокус внимания зрителя. Это позволяет композиции быть более непосредственной, небанальной. Сме-

лость автора в исполнении портретов выражается в том, что в некоторых местах картины есть пренебрежение формой, при этом форма держится, несмотря на то, что она не наполнена деталью. А где-то деталь доведена до чёткого и полноценного исполнения. Такой подход оживляет картину и избавляет её от судьбы высушенного, выхолощенного портрета.

Среди монгольских участников экспедиции ярким, удивительным мастерством выделялся акварелист Б. Монхбаатар. Рисование таким сложным материалом как акварель, практически, не даёт шанса на ошибку. Поэтому скрупулёзность и точность являются неотъемлемым качеством художника-акварелиста. Virtuозно владея кистью и красками на водной основе, талантливый художник быстро и мастерски рисовал портреты своих товарищей (Рис. 10). Прозрачность живописи в совокупности с насыщенностью цветов говорят о том, что художник владеет как цветовым восприятием, так и исполнительским талантом, который совместно с трудом даёт потрясающий результат живого портрета. Автор не только достигает портретного сходства с натурой, ему удаётся в короткий срок передать подлинные черты лица. В каждом написанном мастером портрете чётко прослеживается характер портретируемого.

«Портрет монгольской девушки в красном» (Рис. 11) написала финская художница Риета-София Маунумаа. Аллегорический поясной портрет монгольской девушки написан очень грамотно. Выбранное композиционное решение позволяет зрителю в большем объёме составить впечатление об образе, costume и характерных особенностях национального женского наряда. Гармония колорита картины весьма сложна. Коричневые, земляные оттенки с золотистыми, охристыми акцентами и доминирующими красными пятнами — всё вкуче благоприятно работает на композиционное решение изображаемой персоны, при том, что руки исполнены этюдно, без детализации, а форма лица написана пластично и красиво. Сформированный силуэт девушки слажено держит пространство холста, концентрируя внимание на главном, что позволяет воспринимать достоинство портрета в целом.

Рис. 8. Художник И. Логинов за работой

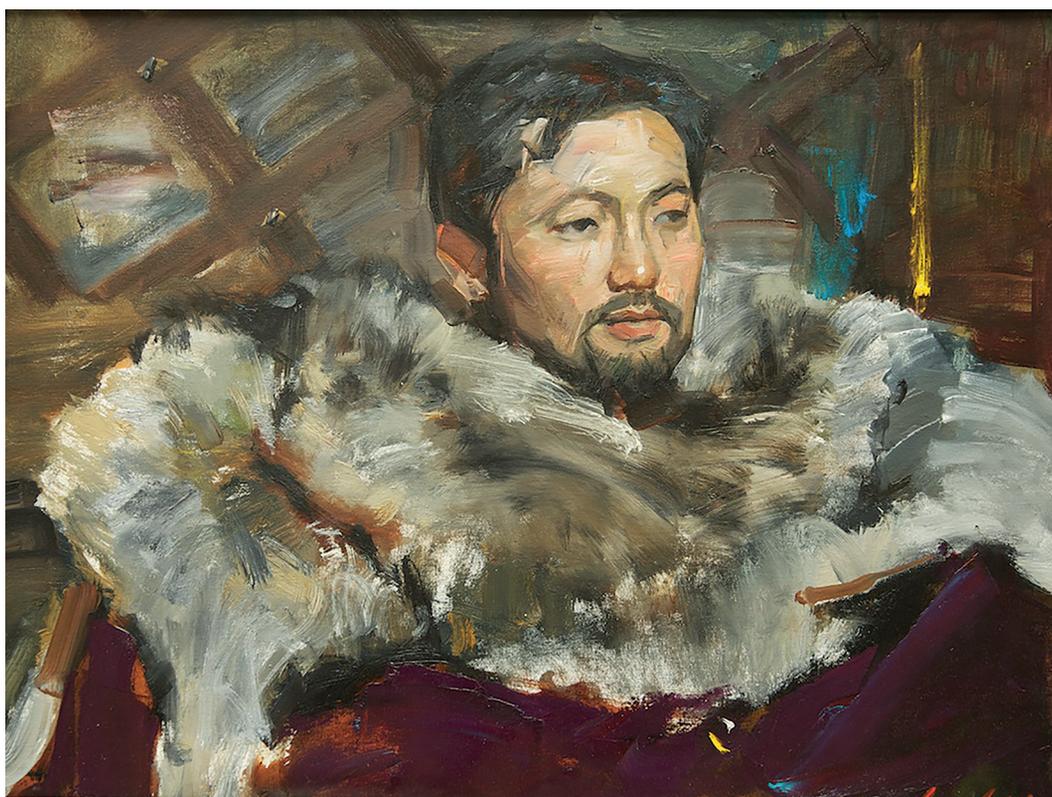

Рис. 9. И. Логинов «Портрет монгола»

Рис. 10. Художник Монхбаатар за работой

Н. Бекетова выбрала фронтальный ракурс «Портрета монгольской принцессы в синем» (Рис. 12) не случайно. Данное расположение модели наилучшим образом способно передать статусность и фигуру изображаемой персоны. Фигура выполнена в рост тоже неспроста, так создаётся целостное представление у зрителя о

Рис. 11. Риегга-София Маунумаа «Портрет монгольской девушки в красном»

костюме, который в свою очередь имеет множество символов и значений, не всегда понятных иностранцам и совершенно очевидных для монголов. У зрителя есть возможность сосредоточить своё внимание на украшении принцессы. Внимательно присмотревшись к полотну, можно заметить и различные оттенки цветов, и разнообразную ткань насыщенного, почитаемого монголами синего цвета костюма. Ультрамарин контрастирует с золотыми земляными и рыжими оттенками фона, что позволяет этим цветам звучать максимально звонко.

Для «Портрета монгола» (Рис. 13) Р. Шувалов выбрал довольно сложный ракурс — анфас. Такой ракурс всегда несёт в себе подводные камни. Должен быть либо монументальный подход, т. е. симметричность, либо условность в исполнении. В данном случае автор пренебрегает обоими приёмами и выбирает этюдный, в каком-то смысле, случайный способ нахождения ракурса. Несмотря на кажущийся недостаток, портрет выглядит очень живо. В достаточной степени передано сходство с портретируемым. Очевидно, что скорость написания и этюдность самого мазка говорят о мастерстве живого рисования и способности художника к быстрой реализации творческого замысла.

Несмотря на увлечённость художников портретированием потрясающих моделей, велико было желание поработать на воздухе. Под дождём с порывистым ветром, закутавшись в

Рис. 12. Н. Бекетова «Портрет монгольской принцессы в синем»

дождевики, живописцы осмотрели окрестности парка, а некоторым даже удалось сделать наброски заинтересовавших их сюжетов. В последующем что-то из задуманного они написали в юртах; например, И. Логинов написал картину «Монгольский всадник» (Рис. 14). Вероятно, данный сюжет был придуман по мотивам всей творческой экспедиции в Монголию. Автор мог подсмотреть его фрагментарно в разных местах: в Национальном парке «Монголия XIII в.», монастыре Дэлгэрийн Чойр,

Цонжин Болдог, в пустыне Гоби. Этюдное состояние самого холста создаёт эффект сиюминутности и оживляет изображение, позволяя зрителю что-то додумывать самому.

И. Журавлёв больше времени уделил пейзажам, успев написать три работы. Художник поставил перед собой нелёгкую задачу. Известно, что зелёный цвет и его оттенки являются в пленэрной живописи в силу своеобразного восприятия глазом очень неудобными. Этот цвет используется не в чистом виде, а через составные колориты других цветов, дающих в сочетании зелёные оттенки. Что касается картины «Монгольская даль» (Рис. 15), композиционное решение позволяет зрителю оказаться на вершине холма, устланного каменными глыбами, и наблюдать с высоты за просторами монгольских степей и гор. При таком разнообразии ландшафта колористическое решение художник выбирает за счёт тональной разницы и тепло-холодности отношений. На переднем плане зелёные оттенки стремятся к холодным, в то же время на заднем они высветляются. Подобное чередование вкупе с визуализацией исчезающей за холмами просёлочной дороги создаёт впечатление стремящейся вдаль перспективы.

На второй картине И. Журавлёва «Руины тверди» (Рис. 16) изображены природные скальные образования в виде замысловатых каменистых нагромождений, напоминающих крепостные сооружения. В этом этюде довольно скульптурно выглядят каменные глыбы в форме монгольских фигурок, подсмотренных в музее Дзанабадзара. Активный зелёный цвет на переднем плане позволяет автору чётко распределить передний план, средний и дальний, где оттенки зелёного переходят в серо-голубой холодный тон.

Третья работа художника «За внутренними стенами укрепления» (Рис. 17) характерна динамикой погружения в картину через сооружённые деревянные переходы древнемонгольских воинских поселений. Использованный приём создаёт активную ритмичность движения, которую дополняют сопутствующие настилу диагонали, сформированные каменными глыбами, а также туманом, осевшим в распадах холмов.

Рис. 13. Р. Шувалов «Портрет монгола»

Рис. 14. И. Логинов «Монгольский всадник»

Рис. 15. И. Журавлев «Монгольская даль»

Рис. 16. И. Журавлев «Руины тверди»

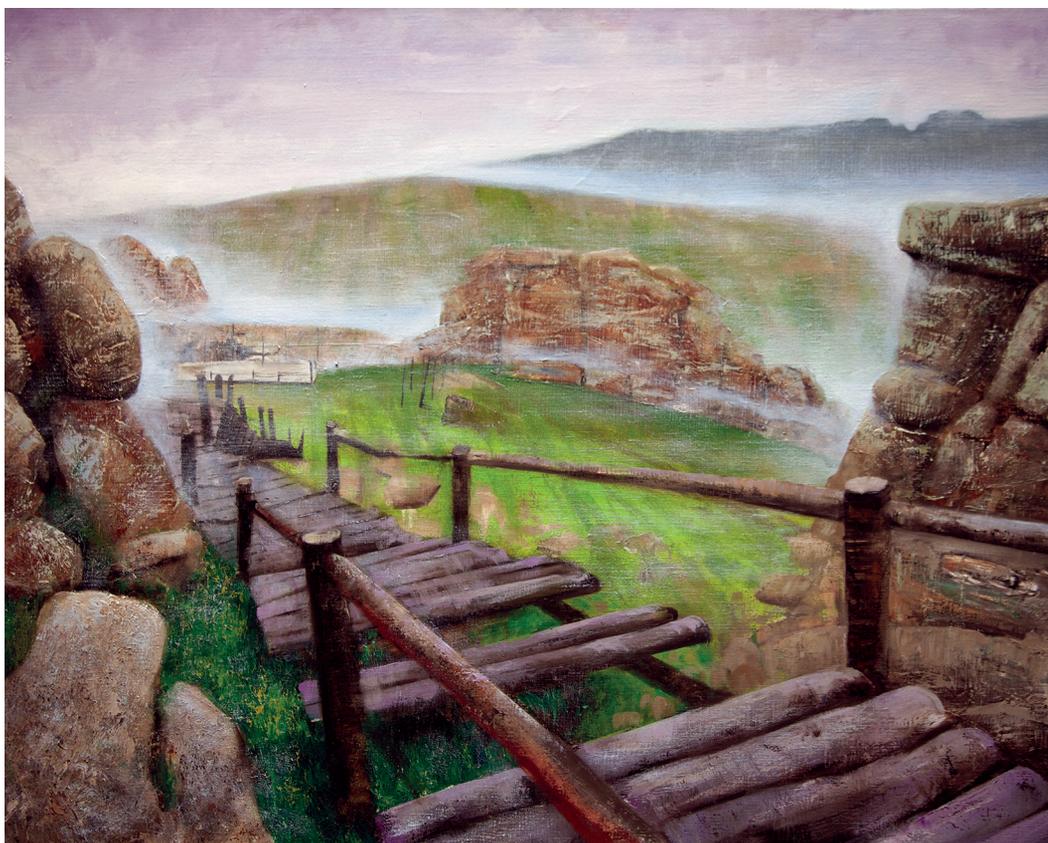

Рис. 17. И. Журавлев «За внутренними стенами укрепления»

Эти работы послужили И. Журавлёву началом целой серии из более чем 40 картин, которые были написаны уже в Санкт-Петербурге и посвящены Монгольской экспедиции. В 2022 г. экспозиция художника была представлена в выставочном пространстве Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

Ближе к вечеру, проникающий в юрту сквозь тоно свет не позволил продолжать работу над портретами. Тогда, в надежде на изменение погоды, было принято решение остаться в лагере до утра. К большому огорчению, надежды живописцев снова не сбылись. Утренняя хмарь с порывами ветра и непрерывной моросью заставили оставить мечты о пленэре в благодатном для живописцев месте на будущее. Лагерь выглядел безлюдным, оставленным ушедшим в поход воинством. Собрав вещи и упаковав сырые холсты, художники отправилась в Улан-Батор. Это было верным решением, потому как в столице было солнечно и тепло. Прибыв в Арт-резиденцию UB-ART, расположенную на

окраине столицы, в так называемом юрточном районе, живописцы получили возможность в комфортных условиях поработать на пленэре. Художественная резиденция с точки зрения логистики находится в очень удобном месте. В шаговой доступности от ворот комплекса находится несколько восстановленных строений монастыря Дамбадаржаа, построенных в 1765 г. Это был крупный буддийский центр, в котором проживало более тысячи монахов. К сегодняшнему дню восстановлены несколько небольших храмовых строений, удивительно гармонично расположенных в подножии сопки. Помимо монастырского комплекса весьма эффектно выглядит одноэтажная, несколько хаотичная застройка окружающего ландшафта с домами под черепичными крышами и белоснежными юртами, установленными буквально в каждом дворе. После двухдневного ожидания приемлемых погодных условий для работы на воздухе, художники достаточно быстро определились с сюжетами и приступили к работе.

Работа «Юрточный район Улан-Батора» (Рис. 18) написана И. Логиновым в арт-резиденции UB-ART. Многоплановость пейзажа позволяет художнику отобразить особенности местности. «Вход» в картину через крышу ближайшего дома даёт возможность ощущать, что пейзаж написан с верхнего уровня. Средний план продолжает огород, за которым разворачивается другая картина местности. Дальний план сформирован четко очерченным силуэтом гор, контрастирующих с небом. Что характерно для данного пейзажа, так это сложно сочинённые зелёные оттенки.

Этюд «Одноэтажный Улан-Батор» (Рис. 19) написан Н. Бекетовой с видом на разноцветные крыши. Небольшого размера пейзаж с характерной особенностью столицы Монголии Улан-Батора и цветовой насыщенностью, сконцентрированной словно в ущелье между горами. Сама по себе Монголия не пестрит такими яркими красками, но именно в этом месте совмещено многообразие интенсивных

сочетаний цветов. При этом цветовые акценты не выпадают из общего колорита, позволяя наполнить холст летними, солнечными оттенками.

В картине «Огород» (Рис. 20) Р.-С. Маунумаа запечатлела уголок сельской жизни на окраине столичного мегаполиса. Небольшой отрезок времени, который художник провела на монгольской земле, дал ей возможность увидеть и отразить характерный уклад современной жизни обычного жителя, обустроившего небольшой огород у городской черты с важнейшим элементом быта — юртой. Пейзаж исполнен трогательно, с большой любовью, чутким восприятием цвета и формы. Работа показывает требовательное отношение автора к поставленной задаче.

Довольно графичное, с хорошим композиционным решением исполнение пейзажа Р. Шуваловым «Юрточный посёлок» (Рис. 21). По сыроватой технике этюда легко заметен высокий темп написания работы, но форма само-

Рис. 18. И. Логинов «Юрточный район Улан-Батора»

Рис. 19. Н. Бекетова «Одноэтажный Улан-Батор»

Рис. 20. Риегта-София Маунумаа «Огород»

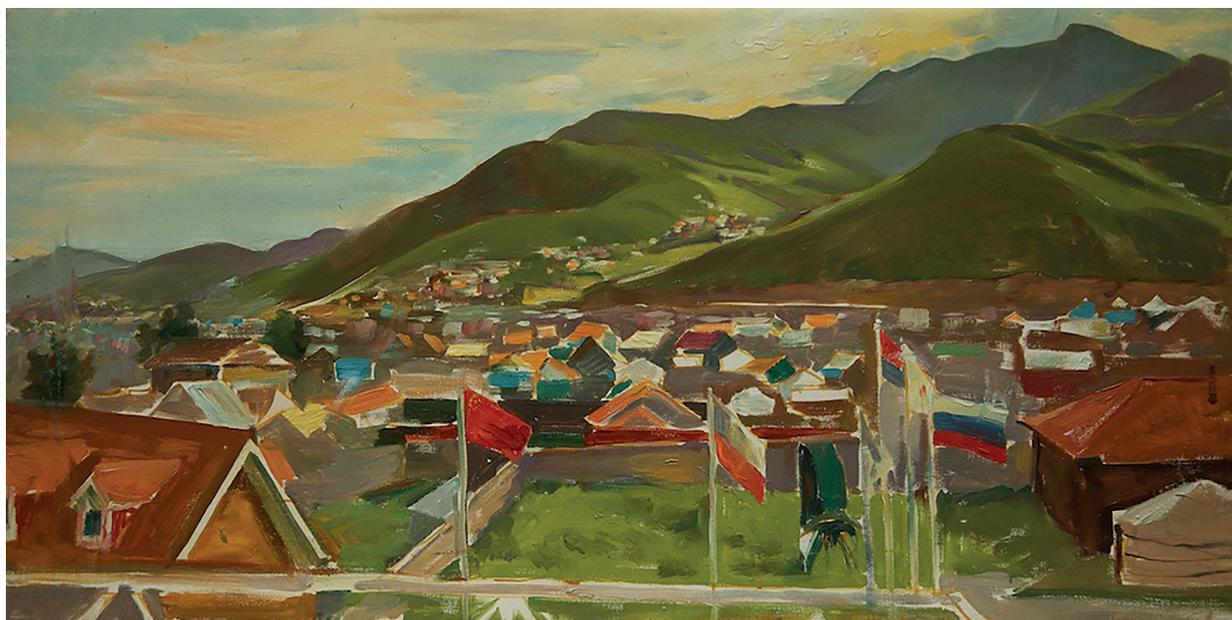

Рис. 21. Р. Шувалов «Юрточный поселок»

го пятна хорошо держится за счёт собранности силуэта гор и вертикали флагов, прорезающих горизонталь холста.

В жаркий день, в окружении туч гнуса Д. Голивец, размахнувшись на большом формате, изобразил «Монастырь Дамбадаржаа» (Рис. 22). Быстрота написания этюда в силу некомфортных обстоятельств возросла в разы. В тоже время палящее солнце было прикрыто белёсой дымкой. Это хорошо передано художником: весь колорит пейзажа словно перемешан с пеплом. Все тона чуть-чуть разбелёные, что придаёт целостность картине. И, несмотря на ландшафтные контрасты, характерные для солнечного дня, все резкости сглаживаются благодаря более сближенным тональным контрастам на холсте.

Пленэром в Арт-резиденции завершалась самая главная, творческая часть монгольской экспедиции. В оставшиеся два дня предстояло лишь подготовить экспозицию из созданных во время экспедиции картин в залах галереи UB-ART и поучаствовать в открытии выставки.

Но перед главным итогом мероприятия нам предстояла встреча с неординарным художником, по приглашению которого мы прибыли в страну Синего Неба. Нам предстоял приём во

Дворце Правительства Президентом Монголии Х. Баттулгай.

До того как стать политиком, Х. Баттулга получил образование художника-монументалиста, а его учителем была Ядамсурэнгийн Оюунчимэг, выпускница мастерской В. А. Ветрогонского Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. И хотя Х. Баттулга не стал профессиональным художником, в разное время он занимался бизнесом, политикой, но всё же образование и творческие способности дали возможность лично участвовать в таких значимых культурных проектах, как создание скульптурной композиции в Цонжин-Болдоге с величественной конной статуей Чингис-хана, и историко-культурного центра «Монголия XIII в.». Есть и ещё интересные факты в биографии Х. Баттулги: он является президентом федерации дзюдо Монголии, а в 80-х годах завоевывал звание чемпиона мира, а также, выигрывал Кубок мира по самбо.

Президент с искренним чувством гостеприимства встретил коллег по своей первой профессии, расспросил об особенностях творческой экспедиции, впечатлениях художников. Много добрых слов прозвучало в адрес Санкт-Петербургской академии худо-

Рис. 22. Д. Голивец «Монастырь Дамбадаржаа»

жеств. Говоря о её монгольских выпускниках, представляющих сегодня академическое искусство не только в стране, но и на международных выставочных площадках, Президент отметил, что этот фактор имеет большое значение для Монголии, потому что через изобразительное искусство его соотечественников, посредством культурных обменов, таких как нынешняя творческая экспедиция «Дорогами Н. Рериха», участниками которой являются присутствующие на встрече художники из России, Финляндии, Чили, мир имеет возможность узнавать и понимать его Родину лучше. Встреча, начавшаяся с официальных церемоний, перешла постепенно в душевную беседу увлечённых единой целью творчески ориентированных личностей.

Позднее, после возвращения из Монголии в Санкт-Петербург, в одном из интервью участница экспедиции Р.-С. Маунумаа так охарактеризовала встречу во Дворце Правительства: «Встреча с Президентом была для всех художников неожиданной. Мы знали, что экспеди-

ция в Монголию организована по инициативе Президента страны, но не предполагали, что можем быть приняты руководителем государства в его резиденции. И для меня, безусловно, было большой честью передать в дар Президенту свою картину. В историко-культурном центре «Монголия XIII в.» меня привлёк интерьер внутреннего убранства одной из юрханской ставки, и я его написала. А узнав, что наша делегация приглашена на встречу с руководителем государства, в знак благодарности за тёплый приём, за понимание и поддержку национальной культуры и традиций монгольского народа я предложила принять в дар именно эту картину, поскольку комплекс «Монголия XIII в.» был создан при непосредственном участии Президента Х. Баттулги. Мне, конечно, приятно, что господин Баттулга не только как президент, а как художник-профессионал отозвался о картине и с благодарностью принял её. В целом хочу отметить, что мы с моими друзьями-живописцами много путешествуем по миру и участвуем в различных культурных

мероприятиях, но никогда ещё нас не принимали на столь высоком уровне. Считаю, что это говорит о большом внимании к искусству и культуре в целом со стороны государства, и конечно, подобный подход способствует расширению горизонта культурных связей» [Манумаа, 2018]. В завершение беседы Президент пригласил всех гостей в память о встрече сделать фото на фоне государственных символов Монголии.

В оставшееся до открытия выставки время необходимо было успеть завершить множество дел: подготовить и оформить около 100 живописных и графических работ, созданных в экспедиции; продумать экспозиционную развеску картин; записать интервью на монгольском радио; дать развёрнутое интервью журналу «ЗИНДАА» о целях, задачах и об итогах монгольской экспедиции «Дорогами Н. Рериха»; подготовить видеoinформацию для новостных выпусков об экспедиции и открытии выставки и разместить её на нескольких ресурсах СМИ. Надо отметить, что журнал «ЗИНДАА» разместил в этом же году в 11 номере объёмный материал с большим количеством фотографий о работе нашей экспедиции.

Казавшиеся нереальными планы тем не менее были выполнены в полном объёме. И когда Х. Дамдинсурэн в галерее при полном аншлаге, поприветствовав участников и гостей UB-ART фестиваля, провозгласил выставку открытой, стало очевидно, что всё намеченное осуществилось. Участники экспедиции, выразив благодарность организаторам фестиваля, объявили о намерении оставить в дар Уланбаторской галерее UB-ART по две работы каждого автора. С приветственным словом от Союза монгольских художников выступил Председатель Союза Б. Тумэрбатор, наградив руководителя делегации Санкт-Петербургской академии художеств почётным знаком Министерства культуры Монголии. Председатель UB-ART фестиваля Х. Дамдинсурэн вручил авторам живописных полотен почётные сертификаты участников UB-ART фестиваля. По поручению своих товарищей выступил Д. Голивец, он сказал: «Впечатления от поездки потрясающие. Выражаем благодарность организаторам за

прекрасную возможность побывать на земле, где в средневековье была основана величайшая империя на земле. Хочу отметить, что у нас подобрался хороший интернациональный коллектив художников, очень дружная команда, с которыми мы вместе и работали, и отдыхали. Раньше мы знали о Монголии из литературы и кинематографа. Теперь же, побывав в вашей стране, мы увидели много нового и получили представление о монгольской природе, культуре, людях. Нам было чрезвычайно интересно общаться с людьми, путешествовать по стране, работать на пленэре. Всех нас до глубины души тронуло монгольское гостеприимство, искренняя забота друзей о нашем быте, питании и условиях работы. Всё это много значило для каждого из нас, и мы об этом будем помнить всегда. Я желаю всем нам много новых встреч и творческих успехов!».

Завораживающее пение монгольских мастеров оперного пения, в сопровождении традиционных национальных инструментов, сформировали под сводами галереи атмосферу открытого пространства, наполненную пейзажами монгольских степей, гор, пустыни Гоби, буддийских храмов, портретов воинов великого хана и монгольских принцесс. Присутствующих на открытии вернисажа представителей Посольства РФ, Министерства культуры Монголии, известных художников, литераторов, артистов, искусствоведов, рядовых любителей изобразительного искусства развернувшееся действие погрузило в зачаровывающую атмосферу искусства, в эпицентр Страны Синего неба, отображённого в образах молодых художников разных стран и континентов.

Следующим утром, после завтрака делегация Академии, попрощавшись с монгольскими друзьями выехала в сторону Улан-Удэ. Через сутки участники экспедиции уже на перроне Московского вокзала Санкт-Петербурга расстались друг с другом до следующего отправления в творческое путешествие в Китай. Предстояла экспедиция в провинцию Хэнань. Вылет в Чжэнчжоу планировался через три недели.

С возвращением в Россию работа участников экспедиции не завершилась. Были органи-

зованы выставки в Улан-Баторе и Санкт-Петербурге, во время посещения которых зритель получил возможность визуально прикоснуться к необъятному миру Монголии, погрузиться в её атмосферу. Результатом экспедиции, помимо картин художников, стал выход двух документальных фильмов (российский и монгольский).

В 2019 г. Х. Дамдинсурэнном были организованы выставки монгольского художника У. Батцоож «Синее небо» в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости и в Улан-Удэ. В ноябре 2019 г. Х. Дамдинсурэн принял участие в Санкт-Петербургском международном культурном форуме с докладом о сотрудничестве Монгольского художественного сообщества, Российского Союза художников и Санкт-Петербургской академии художеств. В октябре 2018 г. в Санкт-Петербургском государственном Институте-музее семьи Рерихов прошла выставка живописных произведений художников, принявших участие в творческой экспедиции, посвящённой 95-летию Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха. И, наконец, уже в августе нынешнего года в залах Санкт-Петербургского Союза художников открылась выставка, посвящённая 150-летию Н. К. Рериха, в которой экспонируются работы всех живописцев, участвовавших в монгольской экспедиции 2018 г.

К очевидным успешным результатам экспедиции следует отнести факт поступления

в Академию 9 монгольских студентов: Г. Санчирболд, С. Мунхзаяа, О. Гэрэлт-Анар и Б. Батсайхан поступили на факультет скульптуры; М. Аминаа и А. Анударь — на факультет теории и истории искусства; Ц. Зоригтбаатар – на факультет графики; М. Биндэръяа и Г. Эрдэнэ – на факультет живописи. Первый, после нескольких десятилетий монгольский студенческий десант в Академию — это молодые люди, которые уже совсем скоро должны встать рядом со старшим поколением выпускников советской реалистической школы 70–80-х, продолжив традиции монгольского изобразительного искусства.

Творческая экспедиция «Дорогами Н. К. Рериха» придала новый импульс сотрудничеству Монгольского союза художников с коллегами Санкт-Петербургского Союза художников: восстановились творческие связи, активизировалась выставочная деятельность художников стран-соседей, начали восстанавливаться образовательные и культурные обмены между художественными сообществами России и Монголии.

В завершение хочется процитировать очень простые, но в то же время ёмкие слова В. Пути-на, произнесённые на открытом уроке «Разговор о важном» в сентябре 2023 г.: «Всё быстро забывается, кроме культуры. Но её надо под-держивать».

**“THE ROADS OF N. K. ROERICH”: THE EXPEDITION
OF ST. PETERSBURG ILYA REPIN ACADEMY
OF ARTS TO MONGOLIA
(CONTINUATION)**

Konstantin A. BEKETOV, Natalya K. BEKETOVA

St. Petersburg Ilya Repin Academy of Arts

Khurelbaatar DAMDINSUREN

Administration of the President of Mongolia

In July-August 2018, students of the St. Petersburg Ilya Repin Academy of Arts traveled to Mongolia at the invitation of the President of the country and with the support of the Mongolian Union. The expedition took place within the framework of the 1-th International UB ART Festival “On the roads of N. K. Roerich”. The students had the opportunity to get acquainted with the residents of the capital and rural settlements, with Mongolian culture and traditions, to work in the open air, in studios and in galleries. A series of plein-air works painted during the trip reflects the vision of young artists of Mongolian nature. The students managed to depict the expanse of the Mongolian steppes on canvases, capture traditional and modern architecture, and paint portraits of Mongols in national clothes. Students from Russia, Mongolia, China, Chile and Finland took part in the expedition. The results of the multi-day work were art exhibitions in Ulaanbaatar and St. Petersburg, during which the viewer had the opportunity to visually explore.

Key words: Mongolia, fine arts, plein air, intercultural communications, art exhibitions, art education, master classes.

Gratitude: The authors of the article express their gratitude to the UB ART gallery (Ulaanbaatar, Mongolia), which provided financial and organizational support

About the authors:

BEKETOV Konstantin A., Head of the Department for Work with Foreign Students of the St. Petersburg Academy of Arts, Advisor to the Chairman of the St. Petersburg Union of Artists, Professor Northwestern University of Nationalities (PRC) (St. Petersburg, Russian Federation) (k@bk.ru).

BEKETOVA Natalya K., Assistant-trainee of the monumental workshop, member of the Union of Artists (St. Petersburg, Russian Federation) (artru@bk.ru).

DAMDINSUREN Khurelbaatar, Envoy of Culture of Mongolia to the Russian Federation (Ulaanbaatar, Mongolia).

Е. В. АСАЛХАНОВА

Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС „ГЭСЭР“. ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ» (п. Усть-Ордынский, Иркутская область, 17 мая 2024 Г.)

Об авторе: АСАЛХАНОВА Екатерина Владимировна, кандидат искусствоведения, главный художник, Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов; заведующая художественным отделением, Усть-Ордынская детская школа искусств (п. Усть-Ордынский, Иркутская область, Россия) (asalhane@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5330-4054.

© Асалханова Е. В., 2024

17 мая 2024 г. в п. Усть-Ордынский Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Бурятский героический эпос „Гэсэр“. Из прошлого в будущее». Организатором конференции выступил Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов. Участников конференции приветствовали заместитель Губернатора Иркутской области, руководитель администрации Усть-Ордынского Бурятского округа А. А. Прокопьев, заместитель руководителя администрации Усть-Ордынского Бурятского округа, начальник управления по сохранению и развитию национальной самобытности А. Н. Дмитриев, а также директор Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов И. С. Дампилова.

С видеоприветствием к участникам конференции обратился В. Ф. Чирков, к. филос. н., чл.-корр. РАХ; главный специалист (искусствовед), член бюро Регионального отделения «Урал, Сибирь, Дальний Восток» Союза художников России; заслуженный деятель культуры Омской области: «В 1990-е годы самым популярным ключевым словом в научной

художественной среде было понятие „глобализм“, который не оставил места другому понятию, слову, ценности — „локализм“. Но как показало время, это забвение одного в пользу другого продержалось недолго, потому что стремление ко всеобщему гармоничному миру в масштабах всего мира оказалось, как показала практика, невозможно вне тех локальных культур, которые как раз и подпитывают глобальные ценности. Локальные ценности — это то, что нас окружает с момента рождения, от природных факторов к культурным артефактам, которые сопровождают всю нашу жизнь. К счастью, мы вернулись к этому пониманию, особенно в контексте нынешних времен, особенно последних нескольких лет. И в этой теме разговоров особое место занимает тема вашей встречи и моего заочного участия в ней — это бурятская культура. Бурятская культура, которая территориально занимает значительное место вокруг Байкала, Предбайкалье и Забайкалье. Почему я так трепетно и, можно сказать, нежно отношусь к этим дорогим мне с детства словам: „бурятская культура“?.. Дело в том, что я родился и вырос среди бурят, я родился в Баргузинском районе, я учился в педагогическом институте им. Доржи Банзарова, я начи-

нал свою искусствоведческую музейную жизнь в музее им. Ц. С. Сампилова. И вот с этим запасом прочности я оказался в Западной Сибири, и как я сегодня понимаю, совершенно не случайно, потому что, живя в другом регионе, я стал еще больше ценить то, что меня сопровождало, что меня растило с детства, а именно локальная культура. Так вот, противоположностью глобализма является локализм. И вот эта пара слов, понятий — они неразрывно существуют, и сегодня на повестке дня во имя сохранения духовного начала на первые позиции выходят локальные ценности локальной культуры, потому что человек живет в конкретной природной среде, он живет в конкретной языковой среде, он живет в конкретной пластической культуре и, наконец, он живет в конкретной музейной среде. Вы собрались, мои коллеги, мне посчастливилось бывать у вас, и я в определенной степени храню в моей памяти то, что я видел. И вот в этом коротком вступительном слове, которое я затем изложу в виде текста, мне хотелось бы подчеркнуть, вернее, я подчеркиваю то, что сегодня мир живет, не будем скрывать этого, на разрыве между глобальным миром и локальным миром, но исток сохранения человеческого начала находится

в локальных культурах, в традиционных ценностях. И одной из традиционных ценностей является, конечно, бурятское искусство, бурятская культура. И от имени Регионального отделения Российской академии художеств в Красноярске я приветствую всех участников конференции, желаю вам замечательно провести время, а еще больше прояснить для себя те непреложные ценности, которые нас окружают с детства. В добрый час!»

Участников конференции в своем видеобращении поприветствовала С. Г. Батырева, д. иск., эксперт РАН, Почетный член РАХ, Заслуженный деятель культуры Республики Калмыкия; профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста). Светлана Гарриевна отметила, что «обращение к культуре своего народа должно быть вдохновляющим началом в работе конференции, посвященной традиционному наследию монгольских народов... Эпос „Гэсэр“ стоит в одном ряду с нашим драгоценным наследием калмыцкого народа эпосом „Джангар“. Эпос „Джангар“ — выдающаяся страница культуры Калмыкии, и об этом мы говорили в прошлом

Участники Межрегиональной научно-практической конференции «Бурятский героический эпос «Гэсэр». Из прошлого в будущее»

году, когда праздновали 100-летие Народного художника РСФСР Г. О. Рокчинского. Именно творчеству этого художника посвящено и мое сообщение на данной конференции. В своем видеоприветствии я хотела бы подчеркнуть, что когда современный художник обращается к эпосу, это всегда предполагает особое мировоззрение, особый возвышенный подход в осмыслении культурного наследия. И в данном случае творчество художника — это всегда поиски образительного языка, адекватного мифологическому мировоззрению наших предков».

На конференции было заявлено 20 докладов. На утреннем заседании (председатель — д. ф. н. Л. С. Дампилова) было представлено 5 докладов.

Г. В. Кузьмин, учитель истории и обществознания Бильчирской средней общеобразовательной школы» (с. Бильчир, Иркутская область) прочитал доклад «Бурятский героический эпос как источник этнической истории бурятского народа», в котором подчеркнул важность изучения родного языка, обычаев и традиций своего народа.

Л. С. Дампилова, д. ф. н., координатор проекта отдела фольклористики и литературове-

дения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) рассказала об особенностях эпоса «Гэсэр», записанного от шамана М. А. Шобонова. Людмила Санжибоевна отметила, что для распространения и сохранения эпических текстов о Гэсэре как культурной ценности актуальным является изучение и издание собранного богатейшего материала в архивах России и Монголии. Не менее значимым представляется сравнительный анализ текстов, записанных от одного информанта и хранящихся в разных архивах. Уникальный вариант эпоса «Гэсэр», отличающийся оригинальной структурой и стихосложением находится в Архиве востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН) в Санкт-Петербурге и Центре восточных рукописей и ксилографов в Улан-Удэ (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Совместно с ученым ИВР РАН Д. А. Носовым проведено сравнительное исследование версий эпоса «Гэһэр Богдойн ном хоргуйн» («Праведный путь Гэсэра Богдо»), записанном Т. К. Алексеевой в 1946 г. у шамана в девятом поколении с семью посвящениями М. А. Шобонова. В итоге выявлено, что единицы хранения Mong. E 289 из Рукописного фонда ИВР РАН и № 1791 из

Выступление Л. С. Дампиловой

Общего фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН составляют единый памятник. Также установлено, что в структуре построения речи шамана, выполняющего функцию сказителя, превалируют навыки шаманских речитативов.

В докладе старшего научного сотрудника Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) к. ф. н. Д. А. Носова «33 богатыря Гэсэр-хана: загадки монгольской рукописи Е 289 из коллекции ИВР РАН» был рассмотрен ряд палеографических, источниковедческих, историко-фольклористических и поэтических особенностей единицы хранения из коллекции монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН. Эта единица хранения содержит черновые и перебеленные полевые записи одной из версий эпоса «Гэсэр», зафиксированной в Осинском районе Иркутской области летом 1946 г. от сказителя-шамана М. А. Шобонова. Доклад был представлен онлайн и вызвал большой интерес слушателей.

Г. И. Агутова, поэт, собиратель фольклора, Заслуженный юрист Усть-Ордынского Бурятского округа, Почетный гражданин Нукутского района (п. Новонукутск, Иркутская область) выступила с докладом «Унгинская Гэсэриада как зеркало современности».

Б. С. Дугаров, писатель, поэт, д. ф. н., к. и. н., ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) представил стендовый доклад «Экологические мотивы и пространственная колыбель бурятской Гэсэриады», в котором рассматривается малоизученная тема, обращенная к экологическим аспектам в эпосе «Абай Гэсэр», а также к семантически связанным с ними топонимическим легендам и преданиям. Последние, как показывает материал исследования, являются своеобразным дополнением к эпическим текстам бурятской Гэсэриады, раскрывающим пространственную связь эпического сюжета с природным ландшафтом. По сути, они, проявляя себя как топонимические обозначения, отмечающие в народной памяти путь Гэсэра во времени и пространстве, маркируют территорию Байкальского региона под знаком этнизации героя национального

эпоса. В данном контексте фольклорная интерпретация эпической топонимики, проясняющая взаимосвязанность эпоса, этноса и его исторических кочевий, имеет важное значение для этнокультурной самоидентификации бурятского народа.

Е. А. Киричек, к. ф.-м. н., член Союза писателей России, генеральный директор издательства «Бумба» (Москва) выступила с докладом «Калмыцкий фольклор в книгах издательства „Бумба“», в котором она подчеркнула, что одной из своих приоритетных задач издательство считает максимально бережное сохранение и издание сказок народов России. Первыми проектами в этом направлении стали калмыцкие народные сказки в литературной обработке для детей, а также издание для взрослых «Калмыцкие песни о Сибири», посвященное трагическому периоду в истории калмыцкого народа. В настоящее время издательство работает также над публикацией бурятских народных сказок.

Программа дневного заседания (председатель — к. ф. н. Е. К. Шаракшинова) включала 10 докладов.

В начале заседания с видеоприветствием к участникам конференции обратился Е. А. Болсобоев, Заслуженный художник Республики Бурятия, председатель правления Бурятского регионального отделения Союза художников России (Улан-Удэ). Евгений Анатольевич отметил: «Отрадно, что тема героического эпоса „Гэсэр“ в последнее время столь активно развивается, и эта конференция — очередная лепта в развитие и популяризацию нашего эпоса. Для меня лично как художника это кладезь народной мудрости, огромное наследие нашего народа, которое позволяет мне раскрыться как художнику, искать себя в творчестве. Я черпаю в эпосе силы и вдохновение в поисках решения творческих задач... Сейчас во время развития информационных технологий, очень важно было бы поработать в направлении этнокультурного образования и воспитания. Это издание комиксов, анимационных фильмов по эпосу „Гэсэр“. Наши дети знают только голливудских героев: Человека-паука, Бэтмена... Можно было бы нашему научному и творческому сообществам поработать в этом направлении».

Б. Ц. Гомбоев, к. и. н., ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) выступил с докладом «Проблемы трансляции эпического наследия бурят в современных социокультурных практиках». Несмотря на то, что «Абай Гэсэр» и другие крупные эпические произведения, такие как «Алтан Шагай», «Мунгэн Шагай», «Айдурай Мэргэн», «Еренсей», были широко известны на всей этнической территории бурят, в настоящее время молодое поколение мало обращается к улигерам. Видимо, пришло время для воссоздания семейно-родовых династий сказителей-улигершинов и актуализации тем самым прочной основы и творческой среды для подрастающего поколения. Работникам культуры и образования всех субъектов Байкальского региона нужно обращать на это особое внимание. Баир Цыремпилович отметил и отношение органов власти к личности улигершина-сказителя. Например, если в советский период все носители и исполнители героических сказаний были востребованы самим обществом, и отношение власти к самим сказителям было соответствующим, то в настоящее время практически на всех уровнях нивелировано само отношение к сказительским школам и сказителю.

Докладчик высказал и другие проблемы, которые выпали на начало XXI в. К ним в первую очередь можно отнести утерю традиционной преемственности. Исчезла фольклорная среда, практически ушло старшее поколение, знающее аутентичный фольклор. Во-вторых, наблюдается недостаточное функционирование института выявления и обучения одаренной молодежи и работы с ними; плюс проблемы цифровизации источников. Здесь, возможно, определенная вина образовательных и культурных учреждений. Сюда же можно отнести проблему с кадрами. В-третьих, процесс ухудшения знания родного языка, за которым выпадает целый пласт традиционной культуры (религиозной, фольклорной, языковой, коммуникативной составляющей). Консолидация усилий заинтересованных сторон позволит выработать программу сохранения эпического наследия во всех его формах бытования (проведение научных меро-

приятий, установление памятников сказителям и создание домов-музеев на родине выдающихся бурятских улигершинов в Иркутской области), даст определенный импульс для создания оптимальной среды и условий для талантливых сказителей и творческих работников.

П. С. Хараев (АНО «Этно-планета», Улан-Удэ) провел презентацию своей книги «Гэсэр. Ветвь первая: Небесный пролог» и прочел отрывок из нее.

Т. Б. Баларьева, к. ф. н., доцент кафедры бурятской филологии ИГУ (Иркутск) прочитала доклад «Улигерные образы в бурятской поэзии». Доклад был представлен онлайн.

С. Д. Гымпилова, к. ф. н., научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) выступила с докладом «Поэтика бурятской Гэсэриады». Сравнительное изучение поэтики «Гэсэра» показало, что одним из широко распространенных художественно-образительных средств являются пословицы, поговорки, которые, будучи неотъемлемым компонентом в структуре эпических произведений, выполняют при этом в них еще и определенные функции. Традиционные формульные выражения способствуют движению эпических событий драматического характера, участвуют в героических ситуациях, полностью подчиняясь раскрытию жанрового эпического содержания. В условиях героического сказания они обретают эпическую окраску и характер, делая эпический язык более богатым и содержательным.

В. И. Семёнова, к. ф. н., доцент кафедры бурятской филологии ИГУ (Иркутск) прочитала онлайн-доклад «Невербальные и языковые средства этнодифференциации бурят», в котором была сделана попытка определить некоторые дифференцирующие элементы бурятских родовых групп. Широко известны четыре бурятских племенных объединения: эхириты, булагаты, хоринцы и хонгодоры, в каждое из племен входят по несколько родовых групп. Знание своей родословной актуально и сейчас, а в древности это было необходимостью. Представление о существующих родах и знание своей родоплеменной принадлежности было обязательной частью картины мира человека.

Выступление С. Д. Гымпиловой

Понятия «мы, наши» и «они, другие» — одно из наиболее древних, значимых компонентов человеческого сознания.

Е. К. Шаракшинова, к. ф. н., доцент, зав. кафедрой бурятской филологии ИГУ, зам. декана по учебной работе (Иркутск) рассказала в своем докладе о предметах воинского снаряжения героев богатырей бурятских улигеров и их противников.

Т. Б. Тагарова, д. ф. н., профессор кафедры бурятской филологии ИГУ (Иркутск) прочитала доклад на тему «Фонетические диалектизмы в унгинском варианте эпоса „Гэсэр“ Папы Тушемилова».

Л. Н. Санжиева, доцент Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ), почетный деятель Союза композиторов РФ, заслуженный деятель искусств Республики Бурятия, записала видеодоклад «Эпос „Гэсэр“ в музыкальном искусстве композиторов Бурятии».

Е. Б. Женаева, хранитель музейных предметов «Фотодокументы» Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ), выступила с докладом «Характеристика личного фонда Т. М. Болдоновой в коллекции Национального

музея Республики Бурятия», в котором была представлена характеристика личного фонда исследователя и собирателя бурятского героического эпоса «Гэсэр» Татьяны Малановны Болдоновой. Описаны некоторые музейные предметы (документы, фотографии, письма и др.), принадлежавшие ей, с указанием точного наименования и номера по книге поступлений музея. Представлены некоторые факты из ее жизни и профессиональной деятельности. Приведены документально подтвержденные свидетельства высокой оценки учеными-филологами рукописных материалов Болдоновой по «Гэсэру». По материалам, хранящимся в Национальном музее Республики Бурятия, восстановлены некоторые моменты из биографии ученой, которые могут глубже понять ее вклад в дело сохранения уникального памятника устного народного творчества, подтвердить или опровергнуть те или иные доводы исследователей при обработке ее рукописей.

К. Н. Балаганский, соучредитель фонда «Наследие Гэсэра» (Санкт-Петербург) выступил онлайн и рассказал о проекте «Зов Земли Кибер», в частности, о разработке компьютерной игры по мотивам эпоса «Гэсэр».

Т. В. Шантанова, президент фонда шаманизма «Оръял», член Союза кузнецов России, член Союза целителей России, к. ф. н. (п. Усть-Ордынский) провела шаманский обряд благословения и процветания для всех присутствующих.

Т. В. Маркова, учитель бурятского языка и литературы Улейской средней общеобразовательной школы (с. Улей, Иркутская область) выступила с докладом «Древняя земля Гэсэра. Тур выходного дня в Осинском районе (из опыта работы)». В этой секции были также представлены стендовые доклады: Л. Р. Буяхаевой (корреспондент газеты «Усть-Ордын Унэн», п. Усть-Ордынский) «„Гэсэриада“ на страницах газет Усть-Ордынского Бурятского округа»; К. Н. Нашкеевой (библиотекарь сектора краеведения Межпоселенческой библиотеки им. В. К. Петонова, с. Оса, Иркутская область) «Воспеваем Гэсэра на земле Осинской»; Л. Б. Загдаевой (преподаватель старописьменного монгольского языка, Иркутская областная общественная организация «Центр бурятской культуры», Иркутск) «Особенности перевода записи „Гэсэра“ в исполнении Папы Тушемилова на старописьменный монгольский язык („босоо бичиг“ — вертикальная письменность)».

В перерыве руководитель студии монгольской каллиграфии «Хараасгай» Р.-Х. Б. Лубсанова (Иркутск) провела мастер-класс по каллиграфии, вызвавший большой интерес слушателей конференции.

На вечернем заседании (председатель — к. иск. Л. Ю. Николаева) прозвучало 5 докладов.

Видеоприветствие к участникам конференции записала в учебно-научном центре «Сириус» г. Сочи Т. А. Кубанова, д-р культурологии, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург): «Когда мы говорим сегодня о развитии современной культуры, то понимаем, что оно имеет под собой очень глубокие этнические корни, очень глубокие традиции, которые проявляются и в современном изобразительном искусстве. Это может быть не так очевидно, когда вы смотрите на произведения изобразительного искусства, но когда художники говорят о мире, о мировоззрении, о своем назначении как художника, о мире и пред-

ставлении о нем и когда ты соотносишь это с теми традиционными представлениями, то понимаешь, насколько они совпадают. Традиции, когда они рассматриваются не просто как канонические вещи, а традиции, которые развиваются. Мы говорим, традиция невозможна без новаций. Мы обязательно, думаю, должны эти вещи рассмотреть, посмотреть, по какому пути идет современная культура, современное искусство, которое не ограничивается только новациями, но обязательно усваивает традиционную культуру. Мне кажется, современное сибирское искусство — это тот самый кластер, который глубоко чувствует свои корни и продолжает развивать их дальше».

Ю. И. Елихина, д-р культурологии, к. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель монгольской, тибетской и хотанской коллекций (Санкт-Петербург), в своем докладе (онлайн) рассказала об иконографии образов Гэсэра, хранящихся в Государственном Эрмитаже: «Всего в коллекции представлено 17 скульптурных и живописных образов этого персонажа. Вероятно, что Гэсэр являлся реальным историческим лицом. С монгольским Гэсэром отождествляли китайского бога войны Гуань Ди. Прообразом Гуань Ди послужил обожествленный китайский военачальник Гуаньюй, живший в начале III в. н. э. Основатель маньчжурской династии Нурхацзи (1559–1629) попросил у китайского императора прислать ему изображение божества-покровителя, и тот прислал ему образ Гуань Ди. Сначала Нурхацзи, а затем маньчжурская династия Цин (1644–1911) объявили Гэсэра своим божеством-хранителем. Храмы, построенные китайцами в Монголии и посвященные Гуань Ди, монголы считали храмами Гэсэра, а статуи Гуань Ди — изображениями Гэсэра. В Монголии имелось несколько таких храмов. Самый ранний из них был основан в 1786 г. в Кобдо. В Урге (совр. Улан-Батор) было два храма, посвященных божеству в военных доспехах. Существует несколько скульптурных иконографических типов изображения Гэсэра. Он легко узнаваем по длинным усам и бороде, военным доспехам, которые иногда прикрыты халатом. Он всегда восседает на троне. Отли-

чаются его изображения только жестами рук (мудрами). В одном варианте он держит себя за бороду правой рукой, левая лежит на колене. В другом случае обе руки могут лежать на коленях. Иногда одна из его рук находится в жесте *витарка-мудра* (проповеди учения) (может быть и правая, и левая), а другая лежит на колене. На иконографию Гэсэра оказала влияние китайская традиция его изображения. К одной из таких особенностей относится красное лицо персонажа. В связи с этим в Китае существует несколько легенд: по одной из них Гуань Ди родился чудесным образом из крови убитого дракона, которую буддийский монах собрал в свою чашу. По другой версии, Гуань Ди с детства обладал буйной, неистовой силой, и родители заперли его в пустом домике в саду, но он сбежал и совершил свой первый подвиг, убив начальника уезда, творившего произвол. Чтобы стража не узнала его, он вымыл лицо водой из источника, и оно сразу же стало темно-красным. К китайскому влиянию относится и изображение свиты Гэсэра. В тибетской традиции Гэсэра изображают в виде всадника на коне. В правой руке он держит кнут, в левой — жезл с навершием в виде пылающего меча. На запястье левой руки намотан аркан. На всаднике изображены тибетские традиционные доспехи и шлем. В мандорле (радужном сиянии, исходящем от образа божества) показаны различные животные, птицы и рыбы».

Д. В. Иванов, к. и. н., ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), прочитал доклад, посвященный двум изображениям Гэсэра, хранящимся в Кунсткамере. Дмитрий Владимирович рассказал, что в монгольском собрании Музея представлено несколько живописных образов Гэсэра, изображенного в традиционной иконографии. Гэсэр показан в виде краснолицего богатыря, сидящего на красном коне. В правой руке он держит алебарду, в левой — поводья коня. Изображение поступило в 1903 г. от А. Д. Руднева (1878–1958). Со студенческой скамьи Андрей Дмитриевич Руднев принимал участие в различных экспедициях к монгольским народам. Помимо своего основного занятия,

сбора фольклора и истории монголов и бурят, Руднев, по рекомендации С. Ф. Ольденбурга, большое внимание уделял изучению иконографии у монгольских народов и приобретению коллекций буддийской живописи и скульптуры. Также на основании собранного им материала в 1905 г. А. Д. Рудневым была подготовлена статья «Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии». 30 ноября 1901 г. Андрей Дмитриевич стал секретарем Географической комиссии, а в 1903 г. приват-доцентом Императорского Петербургского университета. Одновременно в конце XIX–начале XX в. А. Д. Руднев был корреспондентом кяхтинской газеты «Байкал». Свои заметки в газете он подписывал: Андрей Руднев, А. Р., а также Ан-Дара. Примечательно, что на обороте холста танка с изображением Гэсэра имеется подпись «Urga. 9.IX.1903», а рядом — оттиск с печати на тибетском языке «Andra», созвучным его журналистскому псевдониму. Привезенные А. Д. Рудневым буддийские танка, включая изображение Гэсэра, представляют научный интерес и требуют дальнейшего более тщательного изучения.

Т. И. Жамбаева, к. иск., младший научный сотрудник Национального музея Республики Бурятия, доцент Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ) выступила онлайн с докладом и презентацией «Сюжеты эпоса „Гэсэр“ в исполнении бурятского резчика по дереву Дансарана Санжицыбикова (1927–2007)». Туяна Иннокентьевна рассмотрела работы народного мастера Д. Г. Санжицыбикова, которые были представлены в экспозиции выставки «Народное искусство Бурятии» (23.03.2024–15.04.2024) из фондов Национального музея Республики Бурятия. Работы мастера наделены характерными чертами традиционной бурятской резьбы по дереву. С обращением к эпосу «Гэсэр» мастер словно открывает новую страницу в своем творчестве, связанную с более глубоким самобытным пластом бурят-монгольской культуры. Панно, выполненные в 1970-е годы, представляют собой прямоугольные сосновые доски; на гладко отшлифованном фоне в технике рельефной резьбы выполнены сцены: «Бой

быков», «Победа над чудовищем», «Победа Гэсэра над Орголи-Ханом». Туяна Иннокентьевна отметила влияние на развитие творчества Д. Г. Санжицыбикова графических иллюстраций к «Гэсэриаде» профессиональных художников Бурятии (Г. Е. Павлова, А. Н. Сахаровской). В то же время простота, лаконичность, легкость рисунка в резьбе по дереву и поистине народная трактовка образа самого Гэсэра привлекают внимание к творчеству мастера.

Л. Ю. Николаева, к. иск., доцент кафедры культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ) прочитала доклад «Образ Гэсэра-ребенка в иллюстрациях Даримы Кантаковой», в котором подчеркнула, что «образ Гэсэра — центральный для бурятской культуры. Судьба эпоса тесно связана с судьбой этноса. Существование различных версий эпоса отражает многообразие этнических групп, входящих в состав этноса. Эпос также пережил период репрессий, запрета. Трудности самоопределения этноса в постсоветское время отразились в неоднозначном восприятии Гэсэра. Было бы логично предположить, что и в творчестве разных художников образ Гэсэра должен иметь различную трактовку. Но в изобразительном искусстве Бурятии с 1970-х годов мы видим повторение канонического образа, созданного А. Н. Сахаровской. Отличается трактовка могучего героя у А. Ишигенова. Единственное переосмысление образа героя не как могучего воина, а мальчика, вынужденного сражаться и преодолевать трудности, представлено офортами Даримы Кантаковой».

В заключение Е. В. Асалханова, к. иск., член Иркутского регионального отделения Союза художников России, главный художник Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов, поблагодарила всех участников конференции за интересные доклады и рассказала об образах воинов-защитников: Гэсэра и хранителей местности (на авторском материале).

В этой секции были также представлены стендовые доклады: Т. А. Бороновой, к. иск., чл.-корр. РАХ, директора Национального музея Республики Бурятия, и Т. Е. Алексеевой,

хранителя коллекции «Изобразительное искусство» Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ), «„Лики Гэсэриады“ (электронный каталог коллекции). Опыт Национального музея Республики Бурятия». Проект был реализован в рамках празднования 1025-ой годовщины бурятского героического эпоса «Гэсэр» в 2021 г. при поддержке республиканского бюджета грантов на реализацию проектов в сфере межэтнических отношений в Республике Бурятия. Данный каталог посвящен уникальной коллекции изобразительной «Гэсэриады» из фондов графики Национального музея Республики Бурятия. Коллекция насчитывает более 235 произведений, выполненных в разнообразных графических техниках бурятскими художниками разных поколений (Ц. С. Сампиловым, Р. С. Мэрдыеевым, Ф. И. Балдаевым, Г. Е. Павловым, А. Н. Сахаровской, Д. Г. Пурбуевым, Д. Т. Олоевым, Ч. Б. Шенхоровым, Е. А. Болсобоевым). Цель ресурса — привлечь внимание и интерес большого количества пользователей интернета, молодой аудитории к национальной духовной традиции и культуре бурятского народа. Электронный каталог составлен с учетом требований научных каталогов, содержит биографические сведения об авторах графических листов, описания рисунков из оригинального сводного текста Н. Г. Балдано в переводе русских поэтов С. И. Липкина и В. А. Солоухина. Каталог подготовлен авторским коллективом музея: Т. А. Боронова — куратор, Т. Е. Алексеева — автор-составитель, С. Гунгарова и А. Бичаханова — составители, С. И. Ильин — фотограф, А. Махатов — дизайнер, А. Дашиев — программирование. В век цифровых технологий данный каталог «Лики Гэсэриады» презентует миру шедевры национального искусства, памятники духовной культуры бурятского народа; А. Ж. Гомбоевой, к. и. н., ученого секретаря Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ), «Иконографический образ Гэсэр-хана в коллекции буддийской живописи Национального музея Республики Бурятия», в котором рассматривается коллекция тангка с образом Гэсэр-хана, хранящаяся в фондах Национального музея Республики Бурятия и датированная XIX в. Анализ данных тангка по-

зволяет выделить локальные традиции бурятской тангописи, отметить отличительные особенности и влияние иноэтнических традиций в буддийской живописи Бурятии; Н. Ф. Мусаевой, к. иск., профессора кафедры живописи художественно-графического факультета Дагестанского государственного педагогического университета им Расула Гамзатова (Махачкала), «Нартиада в творчестве художников Северного Кавказа», в котором продемонстрировано визуальное воспроизведение слова нартского эпоса в изобразительном искусстве художников Северного Кавказа, исследованы разные стилистические способы решения сюжетов народного фольклора, что показало актуальность данной темы в условиях необходимости поиска собственной аутентичности малочисленных народов России в недрах доминирующей культуры; Ю. Н. Башиновой, искусствоведа, директора Осинской детской школы искусств (с. Оса, Иркутская область) «Возрождение традиций ковроткачества из конского волоса в Предбайкалье. Гобелены Екатерины Осиповой»; Е. В. Осиповой, Народного мастера Иркутской области, художника-конструктора Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов» (п. Усть-Ордынский) «Как создавались гобелены из конского волоса „Земля Гэсэра“, „Мир улигершина“, портреты сказителей-улигершинов. На авторском материале»; Д. М. Андреевой, сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Санкт-Петербург) «Иллюстрации к бурятскому героическому эпосу «Гэсэр». На авторском

материале»; Д. А. Ивановой, студентки Якутского художественного училища (колледжа) им. П. П. Романова (Якутск) «Картина П. П. Романова „Витязь с невестой“ (1938) по мотивам якутского народного эпоса „Олонхо“»; Э. А. Кукулина, Народного мастера Иркутской области, художника-конструктора Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов «Работа над созданием воинского облачения Гэсэра. На авторском материале»; Ю. Б. Харгаевой, Народного мастера Иркутской области, художника-декоратора Усть-Ордынского Национального центра художественных народных промыслов, М. Г. Алексеевой, художника-декоратора Усть-Ордынский Национальный центр художественных народных промыслов (п. Усть-Ордынский) «Работа над созданием коллекции детских стилизованных костюмов „По тропе Гэсэра“»; З. Г. Баршуевой, зав. отделом Национального музея Усть-Ордынского Бурятского округа (п. Усть-Ордынский), «Иллюстрации к эпосу „Гэсэр“ в собрании Национального музея Усть-Ордынского Бурятского округа».

В конце работы конференции состоялся показ-дефиле коллекции детских стилизованных костюмов «По тропе Гэсэра». В дефиле участвовали юные артисты студии танца «Тохо-рюун» под руководством С. В. Банзаракцаевой.

Заседания конференции прошли на высоком научном уровне. Представленные доклады вызвали значительный интерес слушателей. По итогам работы была принята Резолюция, планируется издать сборник материалов конференции.

**INTERREGIONAL ACADEMIC AND PRACTICAL
CONFERENCE “BURYAT HEROIC EPIC ‘GESER’
FROM THE PAST TO THE FUTURE”
(Ust-Ordynsky Settlement, Irkutsk Oblast, May 17, 2024)**

Ekaterina V. ASALKHANOVA
Ust-Ordynsky National Center for Artistic Folk Crafts

About the author: **Ekaterina V. ASALKHANOVA**, Cand. of Culturology, Chief Artist of Ust-Ordynsky National Center for Artistic Folk Crafts, Head of the Art Department of Ust-Ordynsky Art School for Children (Ust-Ordynsky settlement, Irkutsk region, Russian Federation) (asalhane@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5330-4054.

Т. В. ЕРМАКОВА
Институт восточных рукописей РАН

КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУДДОЛОГИЧЕСКИХ И ИНДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ–16» (Санкт-Петербург, 25 марта 2024 г.)

Об авторе: ЕРМАКОВА Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (taersu@yandex.ru). ORCID 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т. В., 2024

Мартовское заседание конференции «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований» проходило 25 марта 2024 г. Было заслушано и обсуждено 12 докладов.

Е. А. Десницкая (к. филос. н., с. н. с. ИВР РАН) в докладе «Абсолют в третьей канде ‘Вакьяпадии’» рассказала о своем изучении памятника. Третья книга трактата, состоящая из 14 разделов, посвящена анализу философских категорий. Докладчица охарактеризовала содержание третьей книги, отметив, что Бхартрихари как философ был сторонником монистической онтологии. Разработал он и эпистемологический подход, разграничивший два вида познания — познание единого как субстанции и множественного в обыденном опыте.

В коллективном докладе Т. В. Ермаковой (к. филос. н., в. н. с. ИВР РАН) и А. Ю. Луценко (PhD., н. с. ИВР РАН) «Обзор японоязычных рукописных документов из личного фонда О. О. Розенберга в Архиве востоковедов ИВР РАН» впервые были проанализированы письма, записки для памяти, деловые документы периода обучения буддолога О. О. Розенберга в Токийском университете в 1912–1916 гг. А. Ю. Луценко расшифровал японскую скоропись, которой были выполнены эти материалы, отождествил упомянутых в них лиц из

круга общения Розенберга, в том числе видных буддологов У. Огихару и Бунье Нандзё. Т. В. Ермакова соотнесла эту информацию с другими источниками, характеризующими участие японских наставников О. О. Розенберга в проектах акад. Ф. И. Щербатского.

Е. П. Островская (д. филос. н., гл. н. с. ИВР РАН) представила доклад «Смерть и самоубийство в свете буддийской этики». Е. П. Островской было установлено, что буддизм дал ответы и на такой актуальный для современности вопрос, как свобода выбора смерти (так называемая биоэтика). Докладчица подчеркнула, что во всех религиях отношение к самоубийству отрицательное. На материале оригинальных санскритских трактатов и комментариев к ним было продемонстрировано, что отношение к жизни как ценности в буддизме обусловлено сотериологическим идеалом реализации освобождения от сансары и поддержания Учения.

Р. В. Псху (д. филос. н., РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва) в докладе «О переводе “Ваджрасучи” на русский язык» затронула проблемы передачи смысла санскритских терминов на русском языке, которые в истории востоковедения поднимались не раз. Были рассмотрены примеры, показавшие необходимость обследования контекста, в котором термин употреблялся на языке оригинала.

В. П. Иванов (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) представил доклад «Буддийская теория значения и текст», в котором обозначил узловые точки подхода и дискуссий буддийских мыслителей Шантаракшиты, Дхармоттары, Камалашилы в связи слова и стоящего за ним содержания и способах ее реализации.

Поиску историко-философских параллелей посвятил свой доклад «Диалектика одного и иного у Нагарджуны и Платона» С. Л. Бурмистров (д. филос. н., в. н. с. ИВР РАН). Было проведено сопоставление диалога Платона «Парменид» с XIV главой «Коренных строф о Среднем пути» Нагарджуны. Докладчик пришел к выводу о сходстве и различиях в подходе к определению задач диалектики: у Платона диалектика — инструмент познания, у Нагарджуны — способ элиминирования эпистемологических препятствий к реализации сотериологической цели.

Ю. В. Болтач (к. и. н., с. н. с. ИВР РАН) выступила с докладом «Образы буддийских монахов в новеллах Пак Чонсина (XIX в.)». В рамках исследования и подготовки к изданию перевода, выполненного Д. Д. Елисеевым (1926–1994), было проанализировано содержание двух новелл, отразивших идейную борьбу неоконфуцианства и буддизма в Корее эпохи Чосон.

С. Х. Шомахмадов (к. и. н., с. н. с. ИВР РАН) посвятил свой доклад «Праджняпарамита в 150 строф (SI 1906): история изучения и перспективы исследования» рукописи из коллекции ИВР РАН. В докладе были аргументированно сформулированы проблемы, возникающие в ходе подготовки рукописей к изданию. С. Х. Шомахмадов привел эпизоды из истории востоковедения, демонстрирующие способы их решения.

Д. А. Носов (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) представил доклад «Буддийские монастыри Монголии глазами русского ботаника». Докладчик подчеркнул историко-научное значение экспедиционных дневников Николая Васильевича Павлова (1893–1971), давно ставших библиографическим раритетом. Впервые были

проанализированы и сопоставлены с другими источниками сведения о монгольских буддийских монастырях, зафиксированные в дневниках наблюдательного путешественника.

И. А. Зайцев (ИСАА при МГУ, Москва) затронул проблемы наложения инокультурных идеологий на традиционные религиозные мировоззрения в докладе «Проблема синтеза буддийской и марксистской этик в ключевых идеологических документах режима генерала Не Вина в Бирме (1962–1988 гг.)». На основе оригинальных источников были восстановлены подходы к истолкованию марксистского учения посредством реинтерпретации идей о труде и капитале в буддийском духе.

Т. И. Оранская (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) проанализировала творчество немецко-индийского кинематографиста Франца Остена (Франц Остермайер, 1876–1959) в докладе «Легенда о Будде в индийском немом кино: фильм Франка Остена «Премсаньяс» (Свет Азии, 1925)». Была установлена смысловая связь сценарии фильма с содержанием одноименной поэмы Эдвина Арнольда, впервые опубликованной в Лондоне в 1879 г.

А. А. Базаров (д. филос. н., в. н. с. ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ) выступил с обзорным докладом о Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Основное внимание он уделил истории пополнения фонда изданиями канонических буддийских произведений. А. А. Базаров отметил преобладание в Забайкалье ксилографических копий Ганджура, изданного в Нартанге в XVIII в. Уникальная особенность фонда — наличие в нем рукописных копий канона, датируемых второй половиной XIX в. и позже.

В мартовском заседании были заслушаны и обсуждены доклады, посвященные актуальным проблемам исследования письменных памятников Востока, истории востоковедения, культуры Индии. В подведении итогов заседания было отмечено расширение тематик докладов, их актуальность и высокий научный уровень выступлений.

**THE 16 TH CONFERENCE “CURRENT ISSUES
OF BUDDHOLOGICAL AND INDOLOGICAL STUDIES”
(St. Petersburg, March 25, 2024)**

Tatiana V. ERMAKOVA
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

About the author: **Tatiana V. ERMAKOVA**, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID 0000-0001-5273-7870.

